DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3

ISSN 2313-6197 (Online)

ISSN 2308-152X (Print)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2017. Том 5, № 3

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE=
GOLDEN HORDE REVIEW
2017. Vol. 5, no. 3

Научный журнал

Academic Journal

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории
им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан»

FOUNDER:

State Institution
«Sh.Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г.
выдано Роскомнадзором

Certificate of registration in the mass media
ПИ № ФС77–54682 given by Roskomnadzor
on 9 July 2013

Журнал основан в апреле 2013 г.

Journal was founded in April 2013

Выходит 4 раза в год

Published 4 times a year

РЕДАКЦИЯ:

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5 (юррид.)
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная),
292 00 19

EDITORIAL OFFICE:

420014, Kazan, Kremlin, entrance 5 (juridical)
420111, Kazan, Baturin Str., 7
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception),
292 00 19

Подписной индекс в каталоге
«Каталог Российской Прессы» – **31999**

Subscription index in the «Catalogue
of the Russian Press» – **31999**

ЖУРНАЛ ИНДЕКСИРУЕТСЯ В:

Scopus
Emerging Sources Citation Index (ESCI)
Directory of Open Access Journals (DOAJ)
Ulrich's Periodicals Directory
Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ), РГБ
AcademicKeys, WorldCat
Научная электронная библиотека
открытого доступа КиберЛенинка
Google Scholar, СОЦИОНЕТ

THE JOURNAL IS INDEXED BY:

Scopus
Emerging Sources Citation Index (ESCI)
Directory of Open Access Journals (DOAJ)
Ulrich's Periodicals Directory
Russian Science Citation
Index Database, RSL
AcademicKeys, WorldCat
Scientific Electronic Open Access
Library CyberLeninka
Google Scholar, SOCIONET

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК МОиН РФ)

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2017

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.М. Миргалеев, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.С. Хакимов, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)

В.В. Трепавлов, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений (Москва, Российская Федерация)

И.В. Зайцев, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Д.В. Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор истории Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Джудит Колбас, Ph.D., адъюнкт-профессор истории, университет Майами (Оксфорд, Огайо, США)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

М.Г. Крамаровский, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

А.А. Горский, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), профессор, руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Д.М. Исаков, д.и.н., главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

В.Н. Настич, к.и.н., заведующий отделом письменных источников Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Р.Ю. Почекаев, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

К.З. Ускенбай, к.и.н., заведующий отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК (Алматы, Казахстан)

Б.В. Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Ильяс Кемалоглу, Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана (Стамбул, Турция)

Г.В. Владимиров, Ph.D. (история), главный эксперт Министерства культуры Болгарии (София, Болгария)

Александр Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, аспирант, Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Ответственный секретарь: **Л.С. Гиниятуллина**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный за выпуск: **Э.Г. Сайфетдинова**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

R.S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of TAS (Kazan, Russian Federation)

V.V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

D.V. Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian History, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Judith Kolbas, Ph.D., Adjunct Professor of History, Miami University (Oxford, Ohio, USA)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

M.G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

A.A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

D.M. Iskhakov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

V.N. Nastich, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

R.Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

K.Z. Uskenbay, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan and neighboring countries, Shoqan Valikhanov Institute of History and Ethnology under the Scientific Committee of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

B.V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Ilyas Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

G.V. Vladimirov, Ph.D. (History), Chief Expert, Ministry of Culture of Bulgaria (Sofia, Bulgaria)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

EDITORIAL OFFICE

English texts editors: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); **Stephen Pow**, Ph.D. candidate (History/Medieval Studies), Central European University (Budapest, Hungary)

Executive secretary: **L.S. Giniyatullina**, Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Responsible for issue: **E.G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Mirko Sardelić.** John of Plano Carpini vs Simon of Saint-Quentin:
13th-century Emotions in the Eurasian Steppe 494
- Aleksandar Uzelać.** Echoes of the Conflict between Tokhta and Nogai
in the Christian World 509
- Гаркавец А.Н.** Марко Поло по прозвищу Миллион
и его «Книга о разнообразии мира» 522
- Lorenzo Pubblici.** Some Remarks on the Slave Trade in the Heart of
the Golden Horde (14th century) in the Wake of C. Verlinden's Research 566
- Сабитов Ж.М.** «Маджму ат-Таварих» как источник
по истории Улуса Джучи 577
- Селезнёв Ю.В.** «Татарский проезд» – фискальное обеспечение
административного управления и транспортных коммуникаций
золотоордынского государства (на территории русских земель) 591
- Трепавлов В.В.** «Отецкие дети»: элита Казанского ханства
в Литовской метрике 600
- Храпунов Н.И., Храпунова С.Н.** Известия о Крыме
у Франческо Альгаротти 612
- Акчурин М.М., Ишеев М.Р.** Темников – город темника.
К истории городов «Мордовских украин» в XV–XVI вв. 629

Рецензии

- Почекаев Р.Ю.** Золотая Орда и Русь: турецкий взгляд.
Рецензия на книгу: Камалов И.Х. Золотая Орда и русский улус
(татарское влияние на Россию) 659
- Абдужемилев Р.Р.** Рецензия на книгу: Якубович М.М. Філософська думка
Кримського ханства (Философская мысль Крымского ханства) 666

Хроника

- Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф.** III Всероссийская научная конференция
(с международным участием) «История, экономика и культура
средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири»,
Курган, 21–22 апреля 2017 г. 675
- Роман Хаутала.** Отчет о международном семинаре «Связующие
структуры, регионы и институты в монгольской Евразии:
мезо-исторический анализ», Иерусалим, 17–18 мая 2017 г. 682
- Гиниятуллина Л.С.** II Международная научно-богословская конференция
«Духовный шелковый путь. Созидание. Интеграция»,
Болгар–Казань, 3–5 сентября 2017 г. 687

CONTENTS

Articles

- Mirko Sardelić.** John of Plano Carpini vs Simon of Saint-Quentin:
13th-century Emotions in the Eurasian Steppe 494
- Aleksandar Uzelac.** Echoes of the Conflict between Tokhta and Nogai
in the Christian World 509
- Garkavets A.N.** Marco Polo, Nicknamed the Million, and His “Book
on the Diversity of the World” 522
- Lorenzo Pubblici.** Some Remarks on the Slave Trade in the Heart of
the Golden Horde (14th century) in the Wake of C. Verlinden’s Research 566
- Sabitov Zh.M.** The “Majmu al-Tawarikh” as a Source
on the History of the Jochid Ulus 577
- Seleznjov Ju.V.** The “Tatar Passway”: The Fiscal Provision of
Administrative Management and Transport Communications
in the Golden Horde State (In Russian Territories) 591
- Trepavlov V.V.** The “Father’s Sons”: The Elite of the Kazan Khanate
in the *Lithuanian Metrica* 600
- Khrapunov N.I., Khrapunova S.N.** Francesco Algarotti’s Account
of the Crimea 612
- Akchurin M.M., Isheev M.R.** Temnikov: The Town of a Tümen Commander.
The History of Towns of the “Mordovian Peripheries”
in the 15th–16th centuries 629

Reviews

- Pochekaev R.Yu.** The Golden Horde and Rus’: A Turkish View. Review
of the Book: Kamalov I.H. The Golden Horde
and the Russian Ulus (the Tatar Influence on Russia) 659
- Abduzhemilev R.R.** Review of the Book: Yakubovich M.M. Philosophical
Thought of the Crimean Khanate 666

Chronicle

- Maslyuzhenko D.N., Tataurov S.F.** The Third All-Russian Research
Conference (with International Participation) “History, Economics
and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of the Western Siberia”,
Kurgan, 21–22 April, 2017 675
- Roman Hautala.** International Workshop “Networks, Regions
and Institutions in Mongol Eurasia: A Meso-Historical Analysis”,
Jerusalem, 17–18 May, 2017 682
- Giniyatullina L.S.** II International Scientific Theological Conference
“Spiritual Silk Road. Creativity. Integration”,
Bolgar–Kazan, 3–5 September, 2017 687

СТАТЬИ

УДК 930.85

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.494-508

**JOHN OF PLANO CARPINI VS SIMON OF SAINT-QUENTIN:
13TH-CENTURY EMOTIONS IN THE EURASIAN STEPPE*****Mirko Sardelić****Croatian Academy of Sciences and Arts
Zagreb, Croatia
msardelic@hazu.hr*

The *research objective* is to analyse why the accounts of two missionaries who visited the same Mongol “Other” in 1245 are quite different, despite their authors belonging to the same Christian circle. More specifically, the paper explores why Simon’s report is so much more negative in its depiction of the Mongols, and the imagological and emotional impact that these representations had.

My *research materials* include the two mendicant reports produced by John and Simon as well as extant scholarly discussions of various aspects of the Mongol Other, apocalyptic literature, and the relations between Western Christendom and the Mongol Empire in the mid-13th century.

The *research innovation* of the article is in the comparison of the two contemporary accounts, the elaboration of their differences in representation of the Mongols, and the analysis of their imagery from the perspective of the history of emotions.

The aim of this paper is to show that in interpreting medieval European texts about the Mongols, one should combine approaches from various fields, including (but not limited to) history of emotions, cultural and literal history, anthropology, cross-cultural sociology, and others. Immediate and incorrect interpretations that the Mongols were cannibals or sodomites, as one could be tempted to hold from the account of Simon of Saint-Quentin, must be moderated from scholarly perspectives. These interpretations were the result of sediment layers of events in the 1240s: the violent contact of the Mongol armies with Western Christendom, contemporary Christian attempts to put the newcomers into known apocalyptic frameworks, and most probably the personal trauma of the author who had been threatened with death after an inaction with the Mongols, might be explained both as a cross-cultural misunderstanding and a display of power.

Research results: Comparison of the two accounts, one written by John of Plano Carpini and the other by Simon of Saint-Quentin, the contextualization of these sources within 13th-century missionary literature, parallel analysis of the imagery, as well as reference to other contemporary texts on the Mongols, offer a sound starting point for a complex process of re-creating the imagined Mongol conceived by Europeans in the late Middle Ages. This imagined Mongol consists of hundreds of reused images ranging from the Classical antiquity and biblical texts to medieval prophecies, with a power to elicit the most powerful emotions by a single reference. Subtle interdisciplinary approach is always needed to avoid misinterpretations of often highly emotional images that can bring hope or sow hatred, depending on their (mis)use.

Keywords: John of Plano Carpini, Simon of Saint-Quentin, mendicants, early papal missions to the East, 13th-century Mongol imaginary, apocalyptic literature, history of emotions

For citation: Sardelić M. John of Plano Carpini vs Simon of Saint-Quentin: 13th-century Emotions in the Eurasian Steppe. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 494–508. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.494-508

It is everything but an easy task to reconstitute an accurate cultural imaginary of the Mongol Other who violently made contact with Eastern Europe in the campaign of 1241/42¹. Since it was mostly men of the Church who wrote early accounts of contact, it was unsurprising that the newcomers are first appraised within a Christian worldview. Holy Scripture and the Greco-Roman classical library offered material for initial accounts, as both these traditions in their cultural imaginaries mention the unusual appearance of people of the nations from the East². The Book of Ezekiel refers to Gog and Magog, a nation of horsemen, while a 7th-century Syrian prophecy, attributed to Methodius (therefore called Pseudo-Methodius), provided an apocalyptic framework that would be repeatedly used to ‘counter’ invaders for the whole millennium to come – as late as 1683 and the Ottoman siege of Vienna [26, p. 72]. Classical authors such as Pliny and Solinus contributed to a distorted image of the East with fabulous descriptions of monstrous or hybrid creatures who they imagined to be inhabitants of the lands that were not charted yet [19, p. 348].

The literature of the apocalyptic traditions is substantial. It is worth remembering however that the apocalypse can be defined as “a genre of revelatory literature with a narrative framework, in which a revelation is mediated by an otherworldly being to a human recipient, disclosing a transcendent reality which is both temporal, insofar as it envisages eschatological salvation and spatial, insofar as it involves another, supernatural world” [4, p. 9]. When we consider this extended understanding of the apocalyptic tradition or discourse, that it is “intended for a group in crisis with the purpose of exhortation and/or consolation by means of divine authority” [5, p. 41], it becomes clearer why apocalyptic imagery surfaces at this moment connecting invaded Christian Europe, the Mongols, and the history of emotions. Christianity was indeed in crisis in the first half of the 13th century: the Emperor Friedrich was in conflict with the Pope, the Saracens were a formidable enemy, and suddenly an even more powerful threat appeared from the unknown. Unsurprisingly, all the three were at certain point linked, directly or indirectly, with the Antichrist [6].

¹ I would like to thank NEWFELPRO/Marie Curie Fellowship programme, ARC Centre of Excellence for the History of Emotions (Europe 1100–1800) and University of Western Australia for their support of my research, a part of which is this paper.

² The division between Classical and Christian authors has more a formal character. As early as the 4th century AD, Saint Jerome saw Christian humanism as being based on a congruency of pagan (Greco-Roman) and Christian tradition. Therefore, medieval authors had their classical *topoi* intertwined with biblical references.

Given that the Mongols were perceived in Europe as a major, powerful, and destructive force from the unknown realms of the East, it was natural that their arrival “touched the apocalyptic sensitivities of medieval Christians, and in their attempts to make sense of the cataclysm, [Christians] turned to the historical and geographical material found in Scripture and Classical writings, as mentioned above” [19, p. 353]. Many Latin writers of the epoch linked (in a direct or an indirect fashion) the Mongol conquest with the Pseudo-Methodius’ prophecy. Many scholars have dealt with the image of the Mongols, in connection with apocalyptic literature, over the last several decades, starting with D. Sinor [42], D. DeWeese [7], W.R. Jones [22], C.W. Connell [6], G.G. Guzman [11; 12; 13], A. Klopprogge [24; 25], P. Jackson [17; 18; 19], C. Kappler [23], F. Schmieder [38; 39; 40; 41], A. Ruotsala [34], N. Giffney [8; 9], and M. Sardelić [36], in whose research most common *topoi* and references have been recognized and contextualized. This paper considers the emotional dimensions of these images and references. My discussion shows how a skilful choice of imagery on the part of authors of first Christian accounts of the Mongols amplified the affective impact of these Christian references, eliciting multiple emotions in readers. The very use of words can have the same effect: a simple example is the term ‘apocalypse’ itself. In its Greek form, apocalypse has kept a plenitude of historical connotations, more so than in other vernacular direct translations such as forms of *revelatio* in Romance languages or forms of *otkrivenje/откровение* in Slavic languages.

Prior to my analysis, and comparison of the two mendicant accounts, a short historical introduction will provide the reader with historical circumstances and the main protagonists. In a rather short period of two decades (1221–1241) rumours circulated around Europe regarding the arrival of the legendary Christian king David and his descendant, king-priest John (widely known as Prester John), almighty rulers of the East, giving hope of uniting the Eurasian continent under Christian rule. The legend of king-presbyter John was an embodiment, an amalgam of all Christian hopes and dreams of the East. Instead, this tremendous force from the East turned out to be the Mongols and resulted in a palpable domination of eastern borders of Christianity by this nomadic people (on first Latin reports see: R. Hautala [14]). Having subdued Russian principalities and the Kingdoms of Bulgaria and Hungary, the Mongols became the most powerful neighbours of the West. And yet their origins were almost completely unknown (on the relations between the Mongols and the West: P. Jackson [20]). Out of curiosity and even more so for reasons of strategic defence, someone needed to explore this eastern phenomenon. Given that the European continent was torn by political divisions and struggles, the first large-scale organized reaction came from the Pope. He had, among others, at his disposal a very efficient mendicant network of recently-established Franciscans and Dominicans whose houses stretched from England and Spain to Armenia and Syria.

The Papal response was swift. Since the Mongol menace was one of the main topics on the prelates’ agenda, on the eve of the Council of Lyons, in 1245, Pope Innocent IV (1243–1254) commissioned four separate embassies to the Mongol East (on papal motivation see: B.R. Phaire [28], on relations between Papacy and the Mongols: P. Pelliot [27], J. Richard [32], F. Schmieder [40]). Two of them

were entrusted to the Franciscans, Lawrence of Portugal and John of Plano Carpini; two others to the Dominicans, Andrew of Longjumeau and Ascelin respectively [10, p. 234]. John of Plano Carpini left Lyons on 16 April 1245 with Benedict the Pole, his companion and interpreter, and returned in November of 1247 with his report, while there is no record of what had happened to Lawrence. Dominican Andrew was sent to the Near East and he returned with a number of letters from Muslim princes in Syria and from the leaders of various Christian groups in the Levant, all included into the papal *Register* for the year 1246–1247 [10, p. 235; 30, p. 112–115]. The other Dominican embassy, of the Lombard Ascelin, is the least known of the four, although one of his companions, Simon of Saint-Quentin, wrote an account of the expedition. Ascelin and Simon spent more than three years on their journey, from spring 1245 till fall 1248. Nine weeks of that time (May–July 1247) they spent in the camp of the Mongol commander Baiju in Greater Armenia. The location of the camp is not certain, but Simon describes it as 59 days' travel from Acre [10, p. 238; 20, p. 87–88]. Simon wrote a report both on Seljuk Turks and the Mongols in the region [10, p. 249; 20, p. 92]. Alongside letters from Baiju Ascelin brought two Mongol legates with him to Europe. During his mission Carpini was offered to take legates with him as well, but he declined, giving five reasons against such scenario [2, p. 68].

Ascelin's mission has been judged by scholars as unsuccessful [10, p. 248–249; 20, p. 89]. Simon recorded precisely what the Pope had instructed Ascelin to do: to find the first Mongol army in Persia and to exhort the leader of that army to stop with killings, especially of Christians, and to do penitence for his sins³. Ascelin did exactly what he was ordered to, but he immediately offended his host by stating the Pope had never heard of the khan, Baiju, nor Batu [31, p. 95–96]. In addition, Ascelin refused to genuflect in front of the commander after which the Mongol lost his temper and three times threatened to kill at least half of the Dominican missionaries in the party, if not all of them [31, p. 95–96; 30, p. 116]. I suggest that there was not an unintentional breach of the Mongol protocol, due to ignorance. All envoys were certainly experienced mendicants, and one of them, Guiscard of Cremona, had lived in Georgia for seven years and understood the customs of the Mongols. I would not call these protocolary 'mistakes' as Ruotsala did [34, p. 83–84], but rather deliberate positioning on the part of mendicant envoys who represented the Pope. This display of (spiritual) power ended in the only predictable way, with emotional turmoil. The outcome of that particular political duel is less important here than the impact of the encounter. The traumatic experience of the event deeply affected Simon. This is visible in his report, which is far more negative than both the accounts of his contemporary Carpini, and of Flemish Franciscan William of Rubruck (1253–1255) that followed a decade later. Simon's horrified depiction of sodomite and cannibalistic Mongols became powerful stereotypes within the European cultural imaginary.

³ [Papa] *misit nos ad primum exercitum Tartarorum quem citius invenire possemus, exhortans dominum exercitus omnesque qui ei obediunt ut ab hominum strage et maxime Christianorum facienda in posterum cessent, ac de perpetratis flagitiis vel facinoribus peniteant, sicut tenor litterarum ipsius plene manifestat legentibus* [31, p. 96].

In order to compare the representations and impacts of parallel traditions of Mongol imagology, this paper will analyse Carpini's and Simon's accounts. Substantial portions of both reports were compiled by Vincent of Beauvais into his encyclopaedic work [44] *Speculum historiale* (a part of *Speculum maius*) that was read all around Europe and that affected the European Mongol imagery significantly. Vincent copied and fused the two narratives into one unified account [11, p. 289]. Although the original text of Simon's *Historia Tartarorum* has not been preserved, its inclusion into *Speculum historiale* enabled its reconstruction (partially, with a translation into Russian) first in 1825 by D. Jazikov [21], then in 1965 by J. Richard [31]. By contrast, while Vincent's excerpts are the only extant record of Simon's report, there are twenty manuscripts of Carpini's work [11, p. 287–307; 34, p. 49]. Carpini himself wrote that some incomplete versions of his account were assembled in Poland, Bohemia, Germany and France [16, p. 96, note 3]. Add to this that upon his return Carpini was very popular and a welcome guest who given to talking about his experiences in the East. The well-known chronicler Salimbene de Adam, who met Carpini and talked to him in more than one occasion, testified to this⁴. Even though Simon's original text is lost, we can trace his images and representations from his cultural influence.

As stated in the introduction to his report, Carpini was aware of all dangers of the long journey he was about to dedicate a couple of years of his life to; however, the will of God stood higher than all calamities combined: "And although we feared we might be killed by the Tartars or other people, or imprisoned for life, or afflicted with hunger, thirst, cold, heat, injuries and exceeding great trials almost beyond our powers of endurance all of which, with the exception of death and imprisonment for life, fell to our lot in various ways in a much greater degree than we had conceived beforehand nevertheless we did not spare ourselves in order to carry out the will of God as laid down in the Lord Pope's mandate (...)" [2, p. 3]. During his eventful life, this companion of St Francis travelled across Europe on his donkey, establishing Franciscan houses. He was provincial of the Teutonic province (1224), the Spanish province (1230), and during his office as provincial of Saxon province (1232–1239) he was spreading his order to Hungary, Czech lands, and Norway. His ample experience was one of crucial reasons for appointing him envoy to the Mongols.

Four aspects of Mongol ethnocharacterology will be compared now, these are recognizable in many travelogues from distant lands. First I will consider initial visual impressions of the Mongols, secondly their character and temperament, thirdly representations of their food, and finally, alleged practices of sodomy and cannibalism.

Very early in the descriptions of John and Simon, where they consider the Mongols' physical appearance, a difference in the overall tone of perception is

⁴ *Et comedi cum fratre Iohanne tam in domo fratrum Minorum quam extra in abbatibus et sollempnibus locis, non semel neque bis. Invitabatur enim libenter et frequenter tam ad prandium quam ad cenam, tum quia legatus pape, tum quia ad regem Francie missus, tum quia a Tattaris venerat, tum etiam quia ex ordine fratrum Minorum erat et sanctissime vite credebatur ab omnibus. (...) Nam, cum fui Cluniaci, dixerunt michi monachi Cluniacensis: 'Utinam semper tales legati mitterentur a papa qualis fuit frater Iohannes, qui a Tattaris rediit!'* [35, p. 210–213].

evident. Carpini starts his neutral description with the following: “In appearance the Tartars are quite different from all other men, for they are broader than other people between the eyes and across the cheek-bones” [2, p. 6]. Carpini’s description is not long, but is far more descriptive than Simon’s; from his several paragraphs one is able to visualize the Mongols’ stature, face, and hair, as well as their clothes. By contrast, Simon introduces his personal aesthetic into his writing on more than one occasion: “The Tartar men are really ugly (*sunt turpissimi*) (...)” [44, c. XXX, 71]. He wrote the same for Tartar women: (*turpissime sunt*) [44, c. XXX, 71, and c. XXX, 85]. Simon’s view could have been worse, because even within Europe there were descriptions of local people that were far more disgusting. In one of his poems, Ragusan-born Franco Sacchetti, a 14th-century Florentine diplomat and novelist, records feeling so miserable because he is required to extend his stay in *Schiavonia* (i.e. present-day Croatia). The reason for his horror is that the local people, whose “appearance is so ugly”, their clothes, and knotted and greasy hair make him so sick, that he almost dies⁵. Social identification and differences often created deeper gaps than encounter with ‘really ugly’ unknown people ‘from the end of the world’.

Food is not only a common element of concern from a biological point of view – everyone needs to eat, at least once a day –, but also because of its wider cultural significance. Due to its central role in human lives, and variety both in ingredients and ways of preparation, food is a very powerful medium for the display and dissemination of culture and social identity. As a direct result of food being so culturally important, different and disgusting foods connected with the Other become a powerful tool in negative representations of Others. The original forms of disgust are believed by many to come about as a result of natural and cultural practices defending against infection via the oral route. Descriptions of food and eating are therefore an excellent medium for provoking disgust in readers: biological processes are ideal for the purpose.

The very first sentence in which Carpini mentioned Mongols at all starts with: “They cook their food (...)” [2, p. 5]. This was important because it challenged previous accounts: just a few years earlier, during the time of the invasion of 1241/42, various European reports insisted that Mongols ate raw meat and drank horse blood. Cooking here signifies basic level of civilisation. In addition, Carpini also clarified why Mongols eat everything that is edible. As a result of a decree issued by Chiggis-khan during a period of great famine, the Mongols never throw away anything that can serve for food: it was out of bare necessity [2, p. 25]. Several years later (1253–1255) William of Rubruck explained it in simplest possible fashion: in many parts of the Mongol Empire it is very hard to find wood for fire, therefore they were often cold and ate their food half cooked or even raw. Simon, by contrast, insists it is their meanness that makes them eat dead or dying animals [31, p. 36].

⁵ Sacchetti F. *Il Libro delle rime*, ed. Franca Brambilla Ageno, Firenze/Perth, 1990: XIV. *Canzone distesa di Franco ditto Sacchetti, fatta in Schiavonia*: ‘(...) gente con apparenza sì brutta veggio, che m’han quasi morto (...)’, p. 18.

Both authors noticed that it is the flesh of animals that dominates in the Mongol cuisine: Carpini mentioned the meat of horses, dogs, wolves, mice, and foxes [2, p. 16], while Simon included cats as well [31, p. 40]. Several years later Rubruck mentioned horse sausages which were “more delicious than pork ones” and it sounds like a first-hand experience [33, p. 80]. A careful reader of Carpini can only conclude that the Mongols eat everything indiscriminately and find it a great sin to throw away any food or drink, which is a result of quite harsh conditions in which they live. They are also altruistic about available resources, for “they willingly share their food with each other, although there is little enough of it” [2, p. 15]. As all Europeans before them, both Carpini and Simon noticed that Mongols do not eat bread. In medieval Europe bread made up half of all calories consumed; even today one can hear the expression ‘earn one’s bread’. During the period of invasion, the repeated observation that the Mongols despised bread accentuated major cultural differences, in particular between sedentary and nomadic ways of life, for bread implies agriculture. Another significant barrier at that period was the widespread cultural construction of an opposition between Christians and pagans, given the importance of bread as element of the eucharist, i.e. the body of Christ [cf. 19, p. 362]. Several years later, Carpini and Simon used a more neutral formulation – that the Mongols do not have bread, as a piece of information rather than a cultural judgment saturated with emotional implications [2, p. 16; 31, p. 32].

As far as the people themselves are concerned, Carpini dedicates two paragraphs each to the Mongols’ good and bad sides of their character, dedicating space to both equally [2, p. 14–16]. It seems that, unlike others before him, Carpini felt that he had listed too many positive sides of their characters, therefore, for balance, he finished his account of their negative characteristics with the statement that there was “a very great number of them”. This ending might be interpreted as his real conclusion, but it sounds more like a safety-net after he spoke eloquently of their virtues, for he was to return and be read across Europe, whose wounds and traumas were still warm. On the other hand, even a glance to the paragraph titles of Simon’s report exposes his emphasis on the solely negative sides of the Mongol character: “Their arrogance and impiety”; “Their desire and greed”; “Their lack of restraint and their sensuality”; “Their cruelty and deceitfulness”⁶.

These are regular stereotypes that have been used for centuries to denigrate Others. All the characteristics of a threatening Other are reduced to just a few which are then represented as innate and permanent. To be convincing, the image of the enemy needs to be recognizable, threatening, (pseudo-)rationally justified, and emotionally charged [46, p. 5].

Explaining why he declined to bring Mongol envoys with him to Europe, Carpini made an implicit and unflattering comparison of the Mongol world and most of Europe: “The third reason was that we were apprehensive that they (Mongol legates) might be killed, for our people are for the most part arrogant and proud” [2, p. 68]. This illustration of his fellow Christians testifies to how well-

⁶ In Latin text, book XXIX: *De superbia eorum & impietate; De ipsorum cupiditate & auaritia; De effrenatione eorum & luxuria; De crudelitate ipsorum & fallacia* [31, p. 34–39].

balanced was the account of the Italian Franciscan, showing that members of all nations suffer from the same intemperate disposition.

In further considering the Mongols' character, Carpini [2, p. 16] briefly commented on how they are extremely exacting in their demands and most tenacious in holding on to what they have, which Simon additionally 'explains' as follows: "Such great desire burns in them, that when they see something they like, they immediately either very insolently extort it or violently take it, whether the owner consents or not"⁷. On this matter, again, Simon displays more negativity than the two Franciscans. Rubruck wrote the following: "They admittedly take away nothing by force, but when they see something they ask for it in a highly persistent and impudent fashion" [33, p. 98]. In a similar fashion, Simon adds to Carpini's brief account that the Mongols are avaricious, the spurious observation that they lend their money with high interest-rates. This is a feature that no other missionary had previously mentioned. Simon also elaborates on their frugality asserting that it is for that reason that the Mongols rarely eat healthy or live animals, but only ones that had died or are about to. This observation should be considered alongside Rubruck: "(...) they eat their dead animals indiscriminately, and with so many flocks and herds it is inevitable that many animals perish" [33, p. 79]. Rubruck's explanation is observant, that life is very precarious on the steppe, it is sympathetic, trying to understand the practical side of circumstances of Mongol living, and it is therefore far more neutral than Simon's account which emphasizes the disgusting perspective of eating already dead animals.

In the following examples of denigration, all related to the image of Mongol cruelty towards others, Simon wrote first: "They are so cruel that they have neither respect for the aged nor mercy for the young. They consider the spilling of blood like the spilling of water, and they reckon piles of human corpses as heaps of dung. They lust for the destruction of not just one people, but also of all Christians and all other human beings"⁸. The perception of cruelty (*crudelitas*), especially in relation with the aged and the young, the most vulnerable members of any community, is quite common stereotype of the Enemy, being the Other who is in position to pose threat to one's own community. Spilling of blood is very loaded Christian image, and Simon suggests the Mongols don't find anything sacred. The paradox is that the Mongols respected water so much that they never allowed any to be spilled. Simon also uses the image of severe desecration of human corpses comparing the piles with something as disgusting a heap of dung. His original combination of these images serves his purpose of dehumanization of the Other. He produced another original example of Mongol blood-thirst: "Entering homes, with a strike of a knife in their heart they [the Mongols] kill those who hide and tremble in the fear

⁷ *Tanta vero in eis cupiditas exardescit ut cum aliquid quod sibi placeat vident statim aut nimia importunitate extorquant, aut violenter auferant ab illo cujus est, velit nolit* [44, c. XXIX, 75].

⁸ *Crudeles adeo sunt, vt nec senem revereantur, nec puerorum misereantur. Effusio sanguinis apud eos tanquam effusio aquae reputatur, humanorumque corporum prostratio tanquam stercorum coaceruatio computatur; nec solum in vnam gentem, sed etiam in Christianorum, & omnium aliorum hominum exardescunt extinctionem.* [44, c. XXIX, 77; 31, p. 37]. Translated by the author of this paper.

of death. While blood is still flowing from their wounds, they sit and eat and drink, stabbing them again, saying: ‘Look how you lie here, now, our enemies!’⁹. Both examples are incredibly powerful because they strip the Mongols of any humanity or compassion rendering them into bestial enemies. The first one is to be singled out because the author perfectly managed to combine socio-moral and physical disgust [3] with cruelty and mercilessness all in one sentence, followed by lust for overall destruction in the other.

William of Rubruck, without any further elaboration, described the Mongols as annoying, rude and avaricious, using more or less such vocabulary. These are very conventional terms of describing barbaric worlds, even ones within European circle. As far as medieval vocabulary of the Other is concern, he was not exaggerating much in negativity. Further still, on two occasions he gave a hint, even a testimony of them having both mercy and concern respectively. In the first case a Mongol judge showed mercy on one of the people from Rubruck’s train who made a violation that by Mongols laws requires capital punishment – stepping on the doorstep. The judge could have sentenced the European to death and that would have been appropriate even from the European point of view, especially given the legal concept of ‘ignorance is not an excuse’ (*ignorantia legis neminem excusat*) that has a long tradition in European legal system. However, the judge took into account that the visitor broke the law unknowingly and set him free. In the other situation, when winter brought some rather cold weather, Mangu-khan sent three coats made of lynx fur and asked the Rubruck’s train whether they had enough food [33, p. 188].

Unlike Rubruck, Simon displays hostility and charges the Mongols with the sin of sodomy: “The Tartars have eyes for everything, that are full of continuous sin, they copulate with all kinds of beast indiscriminately, and they are like the Saracens, for the sin of Sodomy always flourished among them and it is also widespread among the Tartars”¹⁰. This part is particularly intriguing, because no other account of the Mongols mentions such practice. It is a form of heavy denigration, but it is not clear why Simon decided to put it into his report. The additions such as ‘always’ and ‘like the Saracens’ help in diagnosing that the image serves the exclusive purpose of negative propaganda. Accusations of sodomy are otherwise almost non-existent; Kim Phillips argues that “the absence of sodomy from the descriptions of the East is emblematic of a precolonial perspective, especially given that it was an available trope often used within contemporary Europe to condemn individuals or the groups (...)” [29, p. 123–124].

⁹ *Intrantes domos, homines eciam timore mortis absconditos infixio cultello in corde occidunt et, sanguine eorum adhuc de vulneribus effluente, sedent et comedunt ac bibunt dicentes iterumque percucientes: ‘ecce modo jacetis hic, vos inimici nostri’* [44, c. XXIX, 77; 31, p. 38]. Translated by the author of this paper.

¹⁰ *Oculos incontinentes paenitus habent Tartari, plenos incessabilis delicti, omnibus pecudibus se indifferenter commiscunt, sicut & Saraceni, nam in illis semper viguit Sodomiae peccatum & in Tartaris est etiam diffusum* [44, c. XXIX, 76]. Translated by the author of this paper who owes thanks to Yasmin Haskell for her help with polishing some of these translations.

Another common trope used as a powerful weapon by Christian Europe was cannibalism. Matthew Paris's *Chronica majora* states that the Mongols drink blood, and devour canine and human meat (for the Mongols in Matthew Paris see: Saunders [37]). The same volume contains a letter (of contested authenticity) by Ivo of Narbonne addressed to the bishop of Bordeaux, that describes multiple rapes of attractive women and the serving of their intimate body parts as delicacies. Matthew Paris also includes the account of Russian archbishop Peter who relates that they eat different kinds of animal meat, even human flesh, but the latter only in dire necessity, and even then it is cooked, not raw. If one were to judge from Matthew Paris's work, the conclusion would be that the Mongols practiced all three forms of cannibalism according to the Guzman typology: survival, customary, and ritual cannibalism [12, p. 33].

Roger of Apulia and Thomas of Spalato, clerics and first-hand witnesses of the Mongol invasion of 1241/1242, describe all kinds of bloodshed, mutilations, burning and impaling people alive, but there was no mention of cannibalism. They would have certainly mentioned it had there been even a rumour of this. It is hard to believe that Roger would not have witnessed any of the alleged practices during his time as a prisoner of war, and Thomas met so many refugees who told him various pitiful stories. Kirakos the Armenian (ca 1200–1271) was also a Mongol captive, yet he never mentions anything about cannibalism. Neither do the Chinese and Persian chroniclers who had kept records of their neighbours for centuries. I consider it quite safe to conclude that there was no regular practice of cannibalism among the Mongols, definitely not in its customary form, but it must have been tempting and useful to keep it close in the imaginary.

However, all three missionaries who went to Asia in the mid-13th century, Carpini, Simon of Saint-Quentin, and William of Rubruck, mention cannibalism in their accounts, and all three do so in diverse ways. If one relies on the account of Plano Carpini, who spent several months among the Mongols, it becomes clear that it is only survival cannibalism that he had heard of, and the author provides the exact circumstances under which that happened: once during a period of terrible starvation in a war campaign [2, p. 15]; and once during a siege Chinggis-khan ordered that one in ten men is to be sacrificed for the others to survive [2, p. 21; cf. 19, p. 363]. William of Rubruck reports ritual cannibalism, but he does not relate it to the Mongols at all, but to a neighbouring tribe. Simon of Saint-Quentin mentions all three types of cannibalism: out of necessity (*causa necessitatis*), customary (*causa delectacionis*) and another one that can be called tactical or exemplary (*causa timoris et horroris incuciendi populis hoc audituris*), because its function is to instil fear and serve as an example [44, c. XXIX,77; 31, p. 38].

Cannibalism indeed had been a powerful weapon throughout the Middle Ages and the early modern period. William Arens, in *The man-eating myth*, argues that the notion of cannibalism is a construct related to the discourse on the Other [1]. Gananath Obeyesekere argues that the fact that the aborigines of Fiji confessed their alleged cannibalism does not necessarily confirm that it actually had existed, in any form. Apparently, it became the 'weapon of the weak' and it served to keep the Europeans off their island. It existed exactly for the purpose of instilling fear, as it is understood by Simon of Saint-Quentin. The Mongols have probably used some

of their enemies' rumours about their demonic nature, (exaggerated) numbers of their armies or similar as a contribution to their so efficient psychological warfare. Imaginary, as well as emotion, is a two-way stream.

To conclude: John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin were both mendicants belonging to the Western Christendom, they were sent in the same year of 1245 to the same nomadic Other. Yet, their reports are quite different although they come from the same cultural milieu and supposedly were exposed to the same imaginary. In my opinion three different elements contributed to the dissimilarity of their representations. First are their different spiritual tradition, for John was a Franciscan and Simon was Dominican friar, and function of their orders was different. Secondly, the nature of their embassy was somewhat different: Simon's train had a mission to protest the killing of Christians and a part of the mission's display of power was not to genuflect in front of the Mongol military commander in the Near East. This of course led to the third, an emotional response to a trauma: the Mongol commander was threatening to kill the Dominican envoys on more than one occasion.

People who read Carpini's report would have probably received a far more objective image of the contemporary Mongols – although there exists a reasonable doubt that Carpini was a mere ethnographer with ideal objectivity as a standard. On the other hand, Simon's report is more emotionally charged, as is demonstrated by his language. What is important to bear in mind is that imagery created by both authors has remained in the medieval and early modern imaginary of the Mongol Other. It would be interesting to track usage and dissemination of their images. According to psychologists, such generalizations and stereotypes have certainly been useful as an evolutionary help to react quickly in dangerous situations. By contrast, sound analyses of images can remove the obstacles in understanding the behaviour of the Other and establishing more highly evolved social cross-cultural relations.

In whichever way the results of Carpini's and Ascelin's missions might be perceived, the contribution of the two mendicant reports is very valuable from two perspectives. Firstly, it offers the first post-invasion image of the Mongols from which is possible to observe the evolution of imagery from a highly dehumanizing, deeply immersed into apocalyptic references and emotionally charged one – which was natural regarding the fact that a powerful unknown Other swept through Eastern Europe like a storm – into a much more neutral, descriptive one. Secondly, the difference in the tone of the two reports can be instructive, showing how the same people at the same time can be perceived differently by two authors from the same circle: the image gets shaped by circumstances, emotional states, proximity and gravity of the threat, and a socio-cultural background.

REFERENCES

1. Arens W. *The Man-Eating Myth: Anthropology and Anthropophagy*. Oxford University Press, 1979. xii + 206 p.
2. Carpini J.P. *Ystoria Tartarorum*, trans. anonymous nun of Stanbrook Abbey. C. Dawson (ed.), *The Mission to Asia: Narratives and Letters of the Franciscan Missionar-*

ies in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. London, Sheed and Ward, 1955, pp. 3–72.

3. Chapman H.A., Anderson A.K. Understanding disgust. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1251, 1 (2012), pp. 62–76.

4. Collins J.J. Introduction: Towards the Morphology of a Genre. *Semeia* 14 (1979): Apocalypse: The Morphology of a Genre, pp. 1–20.

5. Collins J.J. *The Apocalyptic Imagination. An introduction to Jewish Apocalyptic Literature*, 2nd ed., Grand Rapids/Cambridge, 1997. viii + 280 p.

6. Connell C.W. Western Views of the Origin of the Tartars: An Example of the Influence of Myth in the Second Half of the 13th Century. *Journal of Medieval and Renaissance Studies*, vol. 3, no. 1 (1973), pp. 115–137.

7. DeWeese D.A. The influence of the Mongols on the religious consciousness of 13th century Europe. *Mongolian Studies*, V (1978–9), pp. 41–78.

8. Giffney N. 'The Age is Drowned in Blood': Western Propaganda and the Mongol Invasion of Eastern Europe, 1236–56. *The History Review* 12 (2002), pp. 188–193.

9. Giffney N. Monstrous Mongols. *Postmedieval: a journal of medieval cultural studies*, 3 (2012), pp. 227–245.

10. Guzman G.G. Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission to the Mongol Baiju: A Reappraisal. *Speculum*, vol. 46, no. 2 (Apr., 1971), pp. 232–249.

11. Guzman G.G. The Encyclopedist Vincent of Beauvais and His Mongol Extracts from John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin. *Speculum*, vol. 49, no. 2 (Apr., 1974), pp. 287–307.

12. Guzman G.G. Reports of Mongol Cannibalism in the Thirteenth-Century Latin Sources: Oriental Fact or Western Fiction? S.D. Westrem (ed.), *Discovering New Worlds: Essays on Medieval Exploration and Imagination*, Garland, 1991, pp. 31–68.

13. Guzman G.G. European clerical envoys to the Mongols: Reports of Western merchants in Eastern Europe and Central Asia, 1231–1255. *Journal of Medieval History*, 22, 1 (1996), pp. 53–67.

14. Hautala R. Early Latin Reports about the Mongols (1221): Reasons for Distortion of Reality. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, no. 1, pp. 50–67.

15. Hautala R. Early Hungarian Information on the Beginning of the Western Campaign of Batu (1235–1242). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 69, 2 (2016), pp. 183–199.

16. Jackson P. William of Rubruck: A Review Article. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, no. 1 (1987), pp. 92–97.

17. Jackson P. The crusade against the Mongols (1241). *Journal of Ecclesiastical History*, 42 (1991), pp. 1–18.

18. Jackson P. Early missions to the Mongols: Carpini and his contemporaries. *The Hakluyt Society Annual Report for 1994*, pp. 14–32.

19. Jackson P. Medieval Christendom's encounter with the alien. *Historical Research*, vol. 74 (2001), pp. 347–369.

20. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*, Pearson, 2005. xxxiv + 414 p.

21. Yazykov D. *Sobranie puteshestviy k tataram i drugim vostochnym narodam, v XIII, XIV i XV stoletiyakh* [Collection of Travels to the Tatars and Other Eastern Peoples in the 13th, 14th and 15th centuries]. St. Petersburg, 1825. (In Russian)

22. Jones W.R. The Image of the Barbarian in Medieval Europe. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 13, no. 4 (Oct., 1971), pp. 376–407.

23. Kappler C. L'image des Mongols dans le *Speculum historiale* de Vincent de Beauvais. S. Lusignan, M. Paulmier-Foucart & A. Nadeau (eds.), *Vincent de Beauvais. Intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen-Âge*. Saint-Laurent/Paris (Cahiers d'études médiévales. Cahier spécial 4), 1990, pp. 219–240. (In French)

24. Klopprogge A. *Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert: Ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1993. xi + 277 p. (In German)
25. Klopprogge A. Das Mongolenbild im Abendland. S. Conermann, J. Kusber (eds.), *Die Mongolen in Asien und Europa*. Frankfurt, Peter Lang, 1997. (In German)
26. McGinn B. *Visions of the End: Apocalyptic Traditions in the Middle Ages*. New York, Columbia University Press, 1979. xxvii + 390 p.
27. Pelliot P. Les Mongols et la papauté. *Revue de l'Orient Chrétien*. 3e série, t. III (XXIII), nos. 1 et 2 (1922–23), pp. 3–30; t. IV (XXIV), nos. 3 et 4 (1924), pp. 225–335; t. VIII (XXVIII), nos. 1 et 2 (1931–32), pp. 3–84. (In French)
28. Phaire B. R. *Papal Motivations for an Asian Apostolate (1245–1254): An Analysis*. PhD Dissertation at New York University, 1972. 96 leaves.
29. Phillips K. *Before Orientalism. Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510*, University of Pennsylvania Press, 2013. viii + 314 p.
30. Rachewiltz I. *Papal Envoys to the Great Khans*. London, Faber & Faber, 1971. 230 p.
31. Richard J. *Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares*. Paris, 1965. 129 p. (In French, Latin)
32. Richard J. *La Papauté et les Missions d'Orient au Moyen Age (13e–15e siècles)*. Rome, École Française de Rome, 1977. xxxiv + 325 p. (In French)
33. Rubruck W. *The Mission of Friar William of Rubruck. His Journey to the Court of the Great Khan Möngke 1253–1255*, transl. by P. Jackson, notes by P. Jackson and D. Morgan. London, The Hakluyt Society, 1990.
34. Ruotsala A. *Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other*, Helsinki, Finnish Academy of Sciences, 2001. 333 p.
35. Salimbene de Adam. *Cronica fratris Salimbene de Adam. MGH Scriptores XXXII*, O. Holder-Egger (ed.). Hannover, Leipzig, 1905–1913. (In Latin)
36. Sardelić M. The Mongols and Europe in the First Half of the 13th Century: Prophecies and Apocalyptic Scenarios. A.R. Andrews (ed.). *Proceedings of the conference Prophecy, Divination, Apocalypse: 33rd Annual Medieval and Renaissance Forum*, 2013, pp. 100–112.
37. Saunders J.J. Matthew Paris and the Mongols. *Essays in Medieval History presented to Bertie Wilkinson*. T.A. Sandquist and M. R. Powicke (eds.). Toronto, University of Toronto Press, 1969, pp. 116–132.
38. Schmieder F. *Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert*. Sigmaringen, Thorbecke, 1994. 396 p. (In German)
39. Schmieder F. *Nota sectam maometicam atterendam a tartaris et christianis*: The Mongols as non-believing apocalyptic friends around the year 1260. *Journal of Millennial Studies*, vol. 1, no. 1 (Spring 1998), pp. 1–11.
40. Schmieder F. *Cum hora undecima*: The Incorporation of Asia into the *Orbis Christianus*. G. Armstrong & I. Wood (eds.). *Christianizing Peoples and Converting Individuals*. Turnhout, 2000, pp. 259–265.
41. Schmieder F. Christians, Jews, Muslims – and Mongols: Fitting a Foreign People into the Western Christian Apocalyptic Scenario. *Medieval Encounters* 12,2 (2006), pp. 274–295.
42. Sinor D. John of Plano Carpini's return from the Mongols: new light from a Luxembourg manuscript. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1957, pp. 193–206.
43. Sinor D. Foreigner-Barbarian-Monster. *East-West in Art: Patterns of Culture and Aesthetic Relationships*. T. Bowie (ed.). Bloomington, IN, Indiana University Press, 1966, pp. 136–153.
44. Vincentius Bellovacensis (Vincent de Beauvais). *Speculum Historiale. Bibliotheca Mundi seu Speculi Maioris*, tomus IV. Duaci, ex officina typographica Baltazaris Belleri, 1624. (In Latin)

45. Von den Brincken A.-D. Die Mongolen im Weltbild der Lateiner um die Mitte des 13. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung des 'Speculum Historiale' des Vincenz von Beauvais OP. *Archiv für Kulturgeschichte* 57 (1975), pp. 117–140. (In German)

46. Vuorinen M. Introduction: Enemy Images as Inversions of the Self. *Enemy Images in War Propaganda*. M. Vuorinen (ed.). Cambridge Scholars Publishing, 2012.

About the author: Mirko Sardelić – Ph.D. (Medieval History), Research Associate at the Department for Historical Research of the Croatian Academy of Sciences and Arts; Co-Director of the Centre for the Study of Emotions in Cross-Cultural Exchange (Strossmayerov trg 2, 10000 Zagreb, Croatia); Honorary Research Fellow of the ARC Centre of Excellence for the History of Emotions (Europe 1100–1800) at University of Western Australia. E-mail: msardelic@hazu.hr

Received May 19, 2017 Accepted for publication August 31, 2017

Published September 30, 2017

ИОАНН ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ И СИМОН ДЕ СЕН-КАНТЕН В СРАВНЕНИИ: ЭМОЦИИ XIII ВЕКА В ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ

Мирко Сарделич

Хорватская академия наук и искусств

Загреб, Хорватия

msardelic@hazu.hr

Цель исследования: поиск ответа на вопрос, почему отчеты двух миссионеров, посетивших одного и того же монгольского «Другого» в 1245 году, совершенно отличаются друг от друга, несмотря на то что их авторы относились к одному и тому же христианскому кругу? Точнее, в настоящей статье рассматриваются причины того, почему отчет Симона является намного более негативным в описании монголов, как и имагологическое и эмоциональное влияние на это отображение.

Материалы исследования: два меникантинских отчета, составленные Иоанном и Симоном, как и современные исследования различных аспектов монгольского «Другого», апокалиптической литературы и отношений между западным христианством и Монгольской империей в середине XIII века.

Новизна исследования заключается в сравнении двух синхронных отчетов, определении их отличий в репрезентации монголов и в анализе их образа с точки зрения истории эмоций.

Целью данной статьи является показать, что при интерпретации средневековых европейских текстов о монголах следует комбинировать подходы различных дисциплин, включая (но не ограничиваясь) историю эмоций, историю культуры и письменных текстов, антропологию, кросс-культурную социологию и др. Непосредственное и ошибочное толкование того, что монголы были каннибалами и содомитами, к которому кого-либо может подтолкнуть поверхностное прочтение отчета Симона де Сен-Кантен, следует опровергать с научной точки зрения. Подобные интерпретации появились в результате различных событий и явлений в 40-х годах XIII века: ожесточенного столкновения монгольских армий с западным христианством, одновременных христианских попыток поместить новых пришельцев в знакомый апокалиптический контекст и, скорее всего, персональной психологической травмы автора, жизнь

которого оказалась под угрозой в результате того, что может быть объяснено в качестве кросс-культурного непонимания или же демонстрации силы.

Результаты исследования: сравнение двух отчетов, составленных Иоанном де Плано Карпини и Симоном де Сен-Кантен, их контекстуализация внутри миссионерской литературы XIII века, параллельный анализ сформированных образов, как и отсылка к другим синхронным текстам о монголах представляются целесообразной отправной точкой для комплексного процесса отображения формирования образа монголов, использовавшегося европейцами в позднем Средневековье. Этот комплекс образов состоит в повторном использовании сотен образов, почерпнутых из классической Античности, библейских текстов и средневековых пророчеств, наделенных способностью вызывать наиболее сильные эмоции при единственном упоминании. Искусный междисциплинарный подход неизменно требуется для избежания ошибочных интерпретаций повышенно эмоциональных образов, которые могут принести надежду или вызвать гнев, в зависимости от их (неправильного) использования.

Ключевые слова: Иоанн де Плано Карпини, Симон де Сен-Кантен, мендиканты, ранние папские миссии на Восток, комплекс образов монголов XIII века, апокалиптическая литература, история эмоций

Для цитирования: Sardelić M. John of Plano Carpini vs Simon of Saint-Quentin: 13th-century Emotions in the Eurasian Steppe // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 494–508. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.494-508

Сведения об авторе: Мирко Сарделич – Ph.D. (история), научный сотрудник Отделения исторических исследований Хорватской академии наук и искусств; содиректор Центра исследований эмоций и кросс-культурных обменов (Strossmayerov trg 2, 10000 Zagreb, Croatia); почетный исследователь Центра передовых исследований истории эмоций (Европа 1100–1800) в Университете Западной Австралии. E-mail: msardelic@hazu.hr

Поступила 19.05.2017 Принята к публикации 31.08.2017

Опубликована 30.09.2017

УДК 355.48(=512.3):327(4)"12/13"

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.509-521

ECHOES OF THE CONFLICT BETWEEN TOKHTA AND NOGAI IN THE CHRISTIAN WORLD

Aleksandar Uzelac

*The Institute of History Belgrade
Belgrade, Serbia
aleksandar.uzelac@iib.ac.rs*

Research objectives: The article is dedicated to the analysis of the echoes and reflections of the war (1297–1300) between khan Tokhta and his older cousin Nogai in the Christian West. Besides providing the general overview of the conflict, its political background, the course of the military operations and its geographic setting, the text deals with the various European and Christian contemporary sources referring to the internal struggles in the Golden Horde. Although these sources provide only the fragmentary notices about the conflict, they offer the possibility to critically assess how the Christian contemporaries looked upon the turbulent events in the Pontic Steppes, and to what extent they were familiar with them.

Research materials: Contemporary sources, mainly the texts written by the Byzantine historian George Pachymeres, Serbian archbishop Danilo II, Italian cleric Bartolomeo Fiadóni, his compatriot Franciscan John of Montecorvino, naturalized Frenchmen of Armenian origin Hayton (Het'um) of Corycos, as well as Venetian traveler Marco Polo.

Results and novelty of the research: The analysis of the sources shows that they share some common traits and refer to the turbulent events in the Golden Horde in similar manner, despite the different backgrounds of their authors. On the basis of their reports it may be concluded that the key events and the course of the war, as well as its consequences, were well known in the Balkans, and to a slightly lesser extent in the western Europe. Moreover, they reveal that the rumors about these events reached the remotest parts of the Christian world.

Keywords: Nogai, Tokhta, Christian world, Europe, George Pachymeres, Archbishop Danilo, Bartolomeo Fiadóni (Bartholomew of Lucca), Marco Polo, 13th–14th centuries

For citation: Uzelac A. Echoes of the Conflict between Tokhta and Nogai in the Christian World. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 509–521. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.509-521

The war between khan Tokhta (1291–1312) and his cousin Nogai, leader of the right wing of the Golden Horde, was undoubtedly the bloodiest and the most devastating conflict in the early history of the Juchids. Therefore, it is no surprise that the causes of this conflict that took place at the very end of the thirteenth century, as well as the course of the war and its consequences, were analyzed by a number of researchers [3, p. 177–184; 6, p. 131–141; 11, p. 65–71; 18, p. 246–253; 22, p. 231–249; 28, p. 157–163; 47, p. 74–77; 51, p. 88–98; 52, p. 185–189]. The source materials referring to the clashes between Tokhta and Nogai are relatively rich. Their conflict was described in detail in the voluminous chronicle of Mamluk writer Baybars al-Manṣūrī [5, p. 100–108, 111; 21, p. 110–119, 122–123] and also by Persian writer Rashīd al-Dīn Hamadānī [16, p. 84–87]. Some useful information is supplanted by several Arabic writers, among them Shihab al-Din al-Nuwayri [5,

p. 128–132; 21, p. 158–162], and al-Muffadal [5, p. 153–154; 21, p. 195–196]; these events were also briefly recorded in Russian chronicles [12, p. 169, 172]. Finally, there are reports written by the contemporaries in the Christian Europe that include Byzantine, South Slavic, Latin and Old French texts. These sources provide only fragmentary picture of the conflict, but their value should not be underestimated. Namely, they offer the possibility to critically assess how the Christian contemporaries looked upon the turbulent events in the Pontic Steppes and to assess their attitude towards the Golden Horde.

* * *

Before we turn our attention to the echoes of the internal Juchid war, it is necessary to summarize its key points. The discord between the two leaders became apparent not long after Tokhta ascended to the throne of the Golden Horde in 1291, with the support of Nogai, who in the previous two decades gradually emerged as the most powerful regional lord in the Juchid lands. As early as in 1293/94, the two leaders lent their support to various, mutually conflicting political factions in the Russian lands. As a consequence of the punitive expedition against the prince Dmitry Alexandrovich led by his trustworthy general Tudan (Dyuden), Tokhta managed to suppress the influence of his cousin among the princes of the Northern Rus' [3, p. 120–125; 4, p. 144–148; 13, p. 82–83; 14, p. 32; 16, p. 345–346]. It was a heavy blow for Nogai and it did not take long before his reaction ensued. Around 1296 he sent his sons to take control of the lands lying between Dnieper and Don and to extend his territory at the expense of the khan's possessions [16, p. 84–85]. Approximately at the same time Nogai's emissions of coins, bearing the attributes of the khan's power, and manifesting his formal independence from the Juchid ulus, appeared [10, p. 625–626; 14, p. 35–36; 19, p. 76–79; 20, p. 17–19; 43, p. 245–258]. Soon, several prominent Tatar aristocrats abandoned Tokhta and joined Nogai, and when the latter blatantly rejected the khan's request to hand them over, the refusal served as the pretext of the war [5, p. 100; 21, p. 110].

Until that moment it became obvious that the conflict would not be resolved peacefully. Both sides were prepared for the war that was about to take place. The two commanders gathered their forces and their armies met in the late 1297, probably on the banks of Aksay, backwater of the Lower Don [6, p. 134]. Although numerically inferior, Nogai's army managed to inflict a crushing blow to the enemy [5, p. 101, 129, 308; 21, p. 111, 159, 435–436]. However, the old leader was unwilling, or rather unable to exploit the victory on the battlefield to the full extent. Instead of pressing the enemy, he turned his attention to Crimea, in an attempt to extinguish Tokhta's influence in the peninsula. It is possible that this Nogai's move was motivated by his alliance with Venice, who was at the simultaneous war with their traditional adversary Genoa, inclined to the khan.

Be that as it may, it turned out that Nogai's plans suffered an initial setback. His grandson was killed in the city of Caffa when he tried to collect the tribute from its citizens. Consequently, during the 1298, Nogai sent a punitive expedition to the peninsula and his forces took control of this port, and subjugated several other Crimean cities with force [5, p. 101, 153, 272–273; 21, p. 111–112, 195, 382]. Thus, Nogai managed to establish the control over the strategically vital region, but that success came with a price. Besides the exhaustion of his army, at that time the first signs of

rupture appeared within it. Detachments, led by three sons of Tatar general Kurmishi, whose possessions lied on the right bank of the Lower Dnieper, rebelled against him. Their uprising was crushed in blood due to the joint efforts of three energetic Nogai's sons, but it did not stop the further scattering of his army [5, p. 101–102; 21, p. 112–113]. Soon, several of his commanders decided to switch sides in secret and to join Tokhta, allegedly with 30,000 men [5, p. 102; 17, p. 85; 21, p. 113]. The provided figures are doubtful, but their desertion evidently weakened Nogai's military power to a significant extent. Simoultaneously, the old commander tried in vain to secure the support of Ilkhanid ruler Gazan, but the khan of the Mongols in Persia was reluctant to meddle into the internal war between his distant cousins. Eventually, contrary to Nogai's expectations, he made a non-agression pact with Tokhta [5, p. 153; 16, p. 86–87; 21, p. 196].

In such a way the khan managed to prevent the forming of potential coalition against him and the initiative passed into his hands. He again gathered his army, attaching to it also the detachments positioned in the Caucasian border, which guarded the passages towards Ilkhanid lands. In late 1299, he launched an attack deep within Nogai's territories. The opponent, aware of his numerical inferiority was forced to retreat, but he could not avoid the decisive battle. It probably took place on the banks of the river Cogîlnic (Kogylnik) in Moldova at the very end of 1299 or in early 1300 [17, p. 92; 26, p. 163; cf. 2. p. 356; 14, p. 36]. The outcome was Nogai's complete defeat. The old commander was slain by a Russian horseman from Tokhta's army, many of his men fell in the battle, and multitude was captured and later sold into slavery. However, Nogai's sons Chaka, Theka and Turai with minor part of their father's force managed to escape from the battlefield. Although only a fraction of once formidable Nogai's army survived the slaughter, the resistance and the struggle among the Juchids continued for two more years, before his sons disappeared from the historical stage and Tokhta finally succeeded to establish his control in the territories ruled by his deceased opponent. As a consequence of the war tribulations, hunger and mass emigrations of Nogai's subjects to the neighboring lands, the Pontic Steppes were depopulated to a high extent [5, p. 103–104, 111; 6, p. 141–147; 21, p. 114–115, 122; 28, p. 259–263; 50, p. 65–80; 51, p. 91–98].

* * *

Many of the former Nogai's subjects and his comrades in arms found refuge in the Balkans. It was not a coincidence. During his turbulent career, Nogai managed to gradually build his sphere of influence in the region, and to establish himself as an undisputed arbiter in the mutual squabbles of the states in southeastern Europe. Initially, he meddled in the Balkan affairs in the capacity of a trustworthy ally of the Byzantine emperor Michael VIII Paleologos (1258–1282), whose illegitimate daughter Euphrosyne he married around 1273 [9, p. 124; 22, p. 138–139, cf. 50, p. 79]. The alliance lasted approximately a decade and during that time the Tatars proved to be of invaluable help in the Byzantine attempts to curb the threat from neighboring Bulgaria. After the death of his father-in-law, Nogai changed his approach. He became undisputed master of the Danube delta and he brought the Bulgarian lands, at the time divided between the two states – the Empire of Tarnovo and Principality of Vidin, under his control. Eventually, he also managed to obtain

the acceptance of his suzerainty from Serbian king Stephen Uroš II Milutin (1293/94) [22, p. 219–224] It took place exactly at the time when the discord between him and Tokhta became apparent. Nogai's Tatars carried several attacks on the Byzantine possessions in Thrace in 1285, 1292 and finally in 1297, but the threat stopped only after the war in the steppes broke out [22, p. 195–198, 210–211, 225–226; 50, p. 80–88].

It may be argued that the most important source about the Byzantine relations with the Tatars of the Golden Horde is historical work of George Pachymeres (1242–1310). Highly educated man and holder of high public offices in Constantinople, he composed his 'Historical writings' at the end of the first decade of the fourteenth century [30, p. 77–82; 39, p. 288–291]. However, although Pachymeres dedicated his attention to the topics such as the establishment of Nogai in the Pontic steppes and internal conditions in the Golden Horde during the second half of the thirteenth century, the report about the internal war between the Juchids in his work is conspicuously short:

'[...] such were the conditions for a while, and Nogai was taking pride in his marital alliance with the emperor. After many [Tatars], who had the power by their birthright, were removed, only Tuctais [Tokhta] remained. He attacked Nogai, who was in old age. During the vigorous attack he overwhelmed him and Nogai was slain. A separate story is necessary, told in an extraordinary language, to tell all that had happened after that war, about the turmoil in that region, how the entire land was deserted and people put to death, and how those who were saved moved out from there and came here, as well as how the entire cargo on the ships was made of human beings' [31, p. 289–290].

Despite the fact that Pachymeres deliberately omitted to narrate the course of the war, there is no doubt that he was well informed about it. He had some information about the enthronement of Tokhta in 1291 and he was aware that Nogai was old, which is also mentioned by some oriental sources [5, p. 103, 129; 21, p. 114, 159–160]. In the continuation of his work, the Byzantine writer dedicated more attention to Nogai's oldest son Chaka and his flight to Bulgaria, where he was eventually slain by his brother-in-law, Bulgarian ruler Theodore Svetoslav in 1301 [8, p. 27–33; 31, p. 289–290]. He also described in detail the migrations of a large group of sixteen thousand Alans, able-bodied men and their families, from Nogai's lands to Byzantium [31, p. 336–339]. Obviously, Pachymeres expressed stronger interest to the episodes that had direct influence and stronger importance for the Byzantine Empire than to the war itself.

No Bulgarian narratives of the era were preserved, but an important south Slavic text dealing with the war exists. Namely, the events are recorded in the life of Serbian king Stephen Uroš II Milutin (1282–1321), written by his contemporary archbishop Danilo II [23, p. 102]. Danilo's biography of the king was composed between 1324 and 1337, as part of the larger work – so-called 'Compendium of lives of Serbian kings and archbishops'. It contains important notices about the participation of Tatars in the events that shaped the destiny of the Balkans and Danubian region during the last decade of the thirteenth century, as seen from the perspective of the Serbian royal court. After Danilo described how king Milutin

acknowledged Nogai's supremacy and sent his son and successor Stephen as a hostage to the Tatar leader [1, p. 120–122], he related how Milutin's son:

'[...]spent a lot of time in the court of unlawful Tatar Tsar Nogai. No one has told him to return to his fatherland, but good God, who cares for all of us, returned this young man unharmed to his father. After his departure a little time had passed, and the devil, unable to do any harm to the pious king [Milutin], wanted to be cheered by their deaths, and to look how they mutually devour themselves. Therefore, he aroused murdering hatred in them; one, who bore a powerful name among these Tatars, revolted with all his powers and came upon that wicked Tsar Nogai, who himself boasted against the state of the pious king. There was a great war between them and the bloodshed; he killed him [Nogai] with his own weapon and took his throne. Since then, a dissension among them [the Tatars] continued, and they began to exterminate themselves' [1, p. 122].

Similarly to Pachymeres, the Serbian writer was not concerned so much with the course of the war. He was more focused on the demise of Nogai, who was previously a formidable opponent of his king, and on the direct consequences of the conflict that led to the disappearance of the Tatar political influence in Serbian lands. The conclusion of his report reveals that he was undoubtedly familiar with the internal struggles that took place after the death of Nogai between his descendants. Considering the important role that Nogai played during his lifetime in south-east Europe, it is not surprising that the crisis in the Pontic steppes was closely followed in the Balkans and that the war sparked the interest of the local historians to record its outcome.

* * *

At first glance, it may seem that the chroniclers in western Europe skipped the internal conflict between the Juchids altogether. The reason for this did not lie in the lack of interest to the Chingisid world. Quite the contrary, around 1300, Roman Catholic world was full of hopes in the establishment of the alliance with the Ilkhanids, aimed at the reconquest of Jerusalem [45, p. 805–819], but in such a climate, unlike the affairs in Palestine, the events in the Golden Horde passed relatively unnoticed. There is, however, one notable exception. Among the western writers who dedicated their attention to the Mongol world was a disciple and confidant of St. Thomas Aquinas, named Bartolomeo Fiadóni, and better known as Bartholomew of Lucca or Tolomeo da Lucca (ca. 1236–1327). He wrote two important historical works – 'The Annals', written around 1308, and 'The New Church History', composed ca.1315. In both of them, Bartholomeo provided a short, but vivid description of the war between Nogai and Tokhta [46, p. 302–309]:

'In the year 1301 [sic!] one of the lords of the Tatars, the emperor named Theca [Tokhta], a good man who did many favors to the Christians, attacked the other, emperor Nocha [Nogai], who was the worst sorcerer and persecutor of all the good things, and destroyed him

completely. And so, he became the lord in the North, Asia and in the eastern lands' [48, p. 237; 49, p. 646].

The year 1301 is obvious chronological mistake, but it may be easily explained, considering that the news about the Nogai's ultimate defeat and death in the Pontic Steppes probably reached western Europe with some delay. The more important is the author's positive view of the legitimate khan of the Golden Horde and open indignation towards his opponent. It undoubtedly reflects the stance of the influential circles of the Roman Catholic church. Despite the fact that Bartolomeo's source of the information is unknown, its origin may be suggested. Namely, it needs to be borne in mind that it was the Franciscan missionaries in Crimea and the Danube delta who served as the most trustworthy carriers of the news from the Golden Horde to the West. Both of the Juchid leaders had close contacts with the mendicants. At the height of his career, Nogai welcomed Franciscans in his lands and his chief wife Yaylak or Baylak-khatun (called Alakha by Pachymeres) was baptized by them during her stay in Crimea in 1286/87 [24, p. 193–199; 32, p. 444–445; 39, p. 157–162]. In the beginning of the fourteenth century the activities of the Franciscan mission reached its apogee under Tokhta's patronage. Moreover, according to a letter of the Franciscans from Crimea in 1323, written a decade after the khan's death, he was so inclined towards the mendicants that he allegedly agreed to be baptized, or, according to their own words: '[...] the lately deceased Emperor [the khan] died a Christian, leaving behind him also three sons who were Christians' [33, p. 170–175; 35, p. 336–346; 45, p. 308].

There is no preserved Franciscan correspondence, directly related to the conflict between Tokhta and Nogai. It is, however, noteworthy that celebrated John of Montecorvino (1246–1328), the Franciscan who was ordained as the first Roman Catholic archbishop of Khanbaliq, made a striking reference to it. In one of his letters, sent to the pope in 1305, while discussing the routes from Europe to the Far East Montecorvino wrote:

'As to the road: I report that the way by the land of Cothay [Tokhta], the emperor of the Northern Tartars, is safer and more secure, so that, travelling with envoys, they might be able to arrive within five or six months. The other route is longer and more perilous since it involves two sea voyages [...], but the first mentioned route was not safe for a long time on account of the wars, and for twelve years I have not received news of the Roman Curia, and of our Order and of the state of the affairs in the West' [29, p. 226; 53, p. 349; 54, p. 48–49].

In another letter, written in the next year, Montecorvino mentioned that: '[...] a friend of ours, who was among the companions of the Lord Cothay [Tokhta] chan, came to the Lord chan of Cathay...' [29, p. 228; 53, p. 351; 54, p. 52]. These words reveal the hitherto unknown Montecorvino's informant about the Juchid affairs during his residence in China, and may serve as an important indication of the status of the Franciscans within the inner circles of the Juchid elite in Saray at the beginning of the fourteenth century.

* * *

The notices about the events in the Golden Horde did not reach the West only through the missionary channels. There were other mediums of information, and other travelers and adventurers, experienced in the eastern affairs. Among them, the prominent place belongs to a noblemen and historian from Armenia Minor, named Hayton (Het'um) of Corycos, a member of Armenian royal house of Het'umids. At the end of the thirteenth century, he traveled to France where he stayed several years and joined Premonstratensian order. In 1307, while residing in Poitiers, Hayton dictated his famous work 'Flower of the Histories of the East' to his secretary Nicholas Faulcon, who wrote it in Old French, and simultaneously translated it into Latin. In his work, whose aim was to promote the Frankish–Mongol alliance in the Levant [7, p. 343–360; 27, p. 67–84], Hayton did not omit to discuss the internal conditions in the Golden Horde:

‘Tochtay [in the French text Tocthai], king of the Tatars, has his power in the realm of Komania, in the city of Sera [Saray]. He is able to gather 600,000 warriors. His men are not as brave as those of Chapar [Lord of the Chagataids, son of Khaidu], but they possess better horses. Sometimes they wage a war against the people of Carbanda [Öljaitü, ruler of the Ilkhanids, 1304–1316], sometimes against the Kingdom of Hungary, and sometimes they fight between themselves. Currently, Tochtay holds his dominion in peace’ [36, p. 215, 335].

While Hayton left the recent events in the Pontic steppes on the margins of his work, except the allusion in the last two sentences of the quoted passage, it was another celebrated traveler, Venetian Marco Polo (1254–1324), who provided the most detailed account in the Christian world about the war between Nogai and Tokhta. It is presented in the final chapters of Polo's travels, dealing with the history of the Juchids and with the exception of the Tuscan redaction, composed in 1309 [41], it appears in most of its early manuscripts.

There is no need to underline here that this segment of Polo's text is not a proper historical account. Descriptions of several battles between the various factions in the Chingisid world, prominent in the Venetian's 'Travels' – those between khan Kublai and his opponent Naian, between Berke and Hülegü in the first Juchid–Ilkhanid conflict, as well as the first battle between Tokhta and Nogai – were shaped according to the narratives present in the European literature of that era. It was much due to the influence of the Venetian's co-author, Rustichello da Pisa, writer of several chivalric romances, who shared the living quarters in the Genoa Prison with Marco [34, p. 133–143; 38, p. 84–85; 44, p. 157–187].

Moreover, Polo's account of Juchid history is full of factual mistakes. According to him, khan Möngke Temür (1267–1282) was succeeded by Töle Bugha (1286/7–1291). Khan Töda Möngke (1282–1286/7), who in reality reigned between them, was, according to the Venetian, 'a very powerful man, who killed Tolobuga [Töle Bugha] with the evil help of another king of the Tartars whose name was Nogai... He reigned a while and not long; and then Totamongu [Töda Möngke] died, and Toctai who was a very wise and prudent man had the rule and was chosen for lord' [25, p. 402; 42, p. 483]. In addition to this conspicuous mis-

take with respect to the relative chronology of the reigns of Juchid rulers, Marco Polo wrote that it was the two sons of Tolobuga, who wanted to avenge their father and asked Tokhta for help against Nogai, that provoked the war. The motive is, no need to emphasize, unhistorical.

Finally, it is important to note that the Venetian's account of the internal Juchid war is incomplete. It ends with the battle in which Nogai was triumphant. Being captured by the Genoese, probably in the battle of Kurzola (modern island of Korčula) in 1298, Polo did not know about its final outcome at the time when the earliest version of his 'Travels' was composed. Nonetheless, his account contains some valuable and intriguing information with respect to the place of the first battle between Nogai and Tokhta and the numbers of the engaged forces. According to the Venetian, the battle took place when 'both these kings came into this plain of Nerghi where they stopped for ten days so as to prepare themselves and to be fresh and rested on the day of the battle' [25, p. 405; 42, p. 486; cf. 28, p. 252; 52, p. 187–188]. As for the size of the armies, it is mentioned that 'the king Toctai made twenty battalions and put a good leader and good captain in each, and the king Nogai made fifteen battalions because in each he put 10.000 horsemen, and he put there a good captain and good leader' [25, p. 406; 42, p. 487]. These numbers are undoubtedly exaggerated, but they correspond to those provided by the oriental sources. According to Baybars al-Manṣūrī, Nogai had 200.000 horsemen, while Rashīd al-Dīn mentions that he had at his disposal 30 units of 10.000 men. Marco Polo (or his coauthor) also added a figure of 60.000 soldiers slain in the battle [25, p. 408; 42, p. 489]. The number is also just an invention, but oriental sources also record that the losses were great on both sides [5, p. 308; 21, p. 435–436].

Polo's account abruptly stops after the description of Nogai's victory. Subsequent events that led to the disaster of the old commander and his army, although not mentioned in the early versions of Polo's 'Travels', are described in the so-called Latin manuscript Z, written in the fifteenth century by an unknown hand and kept in Toledo [37, p. 456–463]. It is difficult to say whether its compiler relied on a written source when he added some of the following details, or just attempted to logically concluded Polo's narrative, but it is certain that demise of Nogai at the hands of his enemy was known to him:

'[...] in this action the king Toctai did not gather the whole force which he could, for he fully believed he would defeat Nogai with the people whom he had collected, since Nogai had come to the battle with one quarter fewer people than he. But yet, as you have heard, because the people of Nogai were more valiant and tried in the use of arms than the people of Toctai, so king Toctai succumbed in the battle and the conflict overwhelmed him. And therefore afterwards king Toctai gathered his whole force together and rose up manfully against king Nogai and defeated and killed him and his four sons [sic!], who were very valiant and tried men. And so vengeance was done for the death of Tolobuga' [25, p. 408; 42, p. 489].

* * *

The sources described and analyzed on the previous pages are all mutually independent, emerging from the various authors of different background. However, it is important to note that the Byzantine official, the Serbian Archbishop, the Italian cleric and Armenian and Venetian traveler, were contemporaries of the war between Nogai and Tokhta. All of them composed their works in the first decades of the fourteenth century and their accounts contain some striking parallels. Namely, the writers did not express interest in the origin of the conflict, or provided longer report about it, with the notable exception of Marco Polo (and Rustichello da Pisa). Archbishop Danilo and Bartolomeo Fiadóni, the writers who descended from the highest circles of Orthodox and Roman Catholic Church, expressed open enmity to Nogai, while Pachymeres and Marco Polo took more neutral stance. Unlike the authors in western Europe, the contemporaries in the Balkans were more familiar with the tragic consequences of the war that affected their lands – the depopulation of the Pontic Steppes, starvation and mass emigration of Nogai's former subjects. On the basis of these four texts, as well as allusions preserved in the writings of Montecorvino and Hayton the Armenian, it may be concluded that, despite the scanty notices preserved in the sources, the rumors about the internal struggles in the Golden Horde at the turn of the centuries were well known throughout Europe and that they reached the remotest parts of the Christian world.

REFERENCES

1. Arhiepiskop Danilo i drugi. *Životi kraljeva i arhiepiskopa srpskih* [Lives of Serbian Kings and Archbishops]. Ed. Đ. Daničić. Zagreb, Svetozar Galc, 1866 (reprinted by Variorum reprints, London, 1972). 386 p. (In Serbian)
2. Brun F. *Chernomor'e – Sbornik issledovanij po istoricheskoy geografii Juzhnoj Rossii* [The Black Sea Region – The Collection of the Researches about the Historical Geography of Southern Russia]. Odessa, Typography of G. Ulrich, 1880. 408 p. (In Russian)
3. Veselovskiy N.I. *Trudy po istorii Zolotoy Ordyy* [Works on the History of the Golden Horde]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2010. 191 p. (In Russian)
4. Gorskiy A.A. Nogay i Rus' [Noghai and Rus']. *Tyurkologicheskiy sbornik 2001 – Zolotaya Orda i ee nasledie* [Turcological Collection 2001 – the Golden Horde and Its Legacy]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002, pp. 130–156. (In Russian)
5. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh*. Vol. 1: *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*. *Izvecheniya iz arabskikh sochineniy sobrannye V.G. Tizengauzenom, per. i dop. izdanie* [History of Kazakhstan in Arabic Sources. Vol. 1: The Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde. Excerpts from Arabic sources collected by V.G. Tizangauzen, revised and updated edition]. Eds. B.E. Kumekov, A.I. Muminov. Almaty, Dayk Press, 2005. 711 p. (In Russian)
6. Mys'kov E.P. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordyy (1236–1313 gg.)* [Political History of the Golden Horde (1236–1313)]. Volgograd, Volgograd State Universitet Publ., 2000. 175 p. (In Russian)
7. Nikolov A. „Vjarvaj ili shhe te ubija” – „Orientalcite” v kr#stonosnata propaganda 1270–1370 g. [‘Believe or I Will Kill You’ – ‘Orientals’ in the Crusading Propaganda 1270–1370]. Sofia, Sofia University ‘St. Kliment Ohridski’, 2006. 504 p. (In Bulgarian)

8. Pavlov P. Patriarh Yoakim III, tatarskiyat khan Chaka i tsar Teodor Svetoslav [Patriarch Joachim III, Tatar Khan Chaka and Emperor Theodore Svetoslav]. *Duhovna kultura* [Spiritual Culture], 1992, no. 6, pp. 27–33. (In Bulgarian)
9. Pavlov P. Tatarite na Nogaj, B'lgarija i Vizantija (okolo 1270–1302 g.) [Nogai's Tatars, Bulgaria and Byzantium (around 1270–1302)]. *B'lgarite v Severnoto Prichernomorie* [Bulgarians in Northern Black Sea Coast], IV, Veliko T'rnovo, 1995, pp. 121–130. (In Bulgarian)
10. Petrov P. Den'gy y denezhnaja polytyka Dzhuchydov v XIII–XV vv. [Coins and Monetary Policy of the Juchids in the 13th–15th Century]. *Zolotaja orda v mirovoj istorii* [The Golden Horde in World History], eds. R. Khakimov and M. Faveraeu, Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 616–633. (In Russian)
11. Pochekaev R.Yu. *Tsari ordynskie: Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordyy* [Emperors of the Horde: Biographies of Khans and Rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2010. 408 p. (In Russian)
12. Polnoe sobranie russkikh letopisej, T. X: *Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopisi (1177–1362)* [A Complete Collection of the Russian Chronicles, Vol. X: A Chronicle named Patriarchal or Nikonian Chronicle]. St. Petersburg, Typography of the Department of Internal Affairs, 1885. 244 p. (In Russian)
13. Polnoe sobranie russkikh letopisej, T. XVIII: *Simonovskaja letopis'* [A Complete Collection of the Russian Chronicles, Vol. XVIII: Simeonian Chronicle]. Ed. A. Koshelev, Moscow, Znak Publ. 316 p. (In Russian)
14. Porsin A.A. Nogaj i ego rol' v politicheskoy zhizni Zolotoy Ordyy v 90-e gody XIII veka [Nogai and His Role in the Political Life of the Golden Horde in the 1290s]. *Zolotoordynskaja civilizacija* [Golden Horde Civilization]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, no. 6, pp. 29–40. (In Russian)
15. Priselkov M.D. *Troickaja letopis'*. *Rekonstrukcija teksta* [Troitskaja Chronicle. Reconstruction of the Text]. Moscow, Leningrad, 1950. 512 p. (In Russian)
16. Rashid al-Din Fazlallah. *Sbornik letopisej* [Compendium of Chronicles], Vol. 2. Eds. Yu.P. Verhovskij, B.I. Pankratov. Moscow, Leningrad, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1960. 214 p. (In Russian)
17. Russev N.D. Zolotaja Orda na nizhnem Dunae [The Golden Horde on the Lower Danube]. *Zolotoordynskaja civilizacija* [Golden Horde Civilization]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2009, no. 2, pp. 90–103. (In Russian)
18. Sabitov Zh. Voennoe protivostoyanie Nogaya i hana Tokty [Military Confrontation between Noghai and Khan Tokhta]. *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov – sbornik nauchnykh statej* [Warfare of the Ulus of Juchi and Its Successors – Collection of Scientific Papers]. Astana, Foliant Publ., 2012, pp. 246–253. (In Russian)
19. Severova M.B. I snova o monete s imenem Nogaya, a takzhe o redkoy krymskoy monete s dvumya tamgami [Again on coin bearing Noghai's name and also on rare Crimean coin with two tamghas]. *Desyataya Vserossiyskaya Numizmaticheskaya konferentsiya, Pskov, 15–20 aprelya 2002 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy* [Tenth All-Russian Numismatic Conference, Pskov. April 15–20, 2002. Abstracts and Reports]. Moscow, Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, 2002, pp. 76–79. (In Russian)
20. Severova M.B. O nekotorykh monetakh Nogaya [On some coins of Noghai]. *Tret'ya Vserossiyskaya Numizmaticheskaya konferentsiya v g. Vladimire. 17–21 aprelya 1995 g. Tezisy dokladov* [Third All-Russian Numismatic Conference in Vladimir. April, 17–21, 1995, Abstracts]. Moscow, Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, 1995, pp. 17–19. (In Russian)
21. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*. Vol. 1: *Iz vlecheniya iz arabskikh istochnikov* [The Collection of Materials Related to the

History of the Golden Horde. Vol. 1: Excerpts from Arabic Sources]. St. Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk, 1884. 563 p. (In Russian)

22. Uzelac A. *Pod senkom psa – Tatari i južnoslovenske zemlje u drugoj polovini XIII veka* [Under the Shadow of the Dog – Tatars and South Slavic Lands in the Second Half of the Thirteenth Century]. Beograd, Utopija, 2015. 321 p. (In Serbian)

23. Uzelac A. Serbskie pis'mennye istochniki o tatarah i Zolotoj Orde (pervaja polovina XIV v.) [Serbian Written Sources about Tatars and the Golden Horde (First Half of the Fourteenth Century)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, no. 1, pp. 101–118. (In Russian)

24. Hautala R. Pis'mo Ladislava, franciskanskoga kustodija Gazarii (Kaffa, 10 aprlja 1287 goda) [A Letter of Ladizlaus, the Franciscan Custodian of Gazaria (Caffa, April 10, 1287)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017, Vol. 5, no. 1, pp. 193–199. (In Russian)

25. Benedetto L.F. (ed.). *The Travels of Marco Polo*, trans. A. Ricci. London, G. Routledge & Sons, 1931, 439 p.

26. Bromberg J. Toponymical and Historical Miscellanies on Medieval Dobrudja, Bessarabia and Moldo-Wallachia. *Byzantion*, 1937, no. 12, pp. 151–180.

27. Burger G. Armenian Cilician Métissage and Hetoum's 'La Fleur des Histoires de la Terre d'Orient'. *The Postcolonial Middle Ages*, ed. J. Jerome Cohen. New York, Palgrave MacMillan, 2001, pp. 67–83. (In French)

28. Ciociltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Leiden–Boston, Brill, 2012. 344 p.

29. Dawson C. (ed.). *The Mongol Mission: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the thirteenth and fourteenth centuries*, New York: Sheed & Ward, 1955. 246 p.

30. Failler A. Chronologie et composition dans l'Histoire de Georges Pachymère. *Revue des études byzantines*, 1990, no. 48, pp. 5–87. (In French)

31. Georges Pachymères. *Relations Historiques*. Vol. 3, ed. A. Failler. Paris, Institut français d'études byzantines, 1999. 305 p. (In French)

32. Golubovich G. *Biblioteca Bio-Bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francese*, Vol. 2. Quaracchi–Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1913. 641 p. (In Italian, Latin)

33. Golubovich G. *Biblioteca Bio-Bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francese*, Vol. 3. Quaracchi–Firenze, Collegio di S. Bonaventura, 1919. 496 p. (In Italian, Latin)

34. Gossen C.T. *Marco Polo und Rustichello da Pisa. Philologica Romanica Erhard Lommatzsch gewidmet*, eds. M. Bambeck & H.H. Christmann. München, Fink, 1975, pp. 133–143. (In German)

35. Hautala R. Latin Sources on the Religious Situation in the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, Vol. 4, no. 2, pp. 336–346.

36. Hayton. *La Flor des Estoires de la terre d'Orient / Flos Historiarum Terre Orientis*, ed. Ch. Kohler, *Recueil des Historiens des Croisades: Historiens Armeniens*, II. Paris, Imprimerie nationale, 1906, pp. 111–363. (In French, Latin)

37. Herriott J.H. The 'Lost' Toledo Manuscript of Marco Polo. *Speculum*, 1937, Vol. 12, no. 4, pp. 456–463.

38. Jackson P. Marco Polo and his Travels. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1998, Vol. 61, no. 1, pp. 82–101.

39. Kovacs Sz. A Franciscan Friar's Letter from the Crimea (1287). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, Vol. 69, no. 2, pp. 157–164.

40. Krumbacher K. *Geschichte der Byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453)*. München, C.H. Beck, 1897. 1193 p. (In German)
41. Marco Polo. *Il Milione*, ed. D. Olivieri. Bari, 1928. 296 p. (In Italian)
42. Marco Polo. *The Description of the World*. Vol. 2, eds. A.C. Moule, P. Pelliot. London, Routledge & Sons, 1935. 596 p.
43. Oberländer-Târnoveanu E. Numismatical Contributions to the History of South-Eastern Europe at the end of the 13th Century. *Revue Roumaine d'Histoire*, 1987, no. 26, pp. 245–258.
44. Santoliquido V. I segmenti storico-militari nel Devisement dou monde di Marco Polo: analisi morfologica. *Quaderni Veneti*, 2015, Vol. 4, no. 2, pp. 157–187. (In Italian)
45. Schein S. 'Gesta Dei per Mongolos': The Genesis of a Non-Event. *The English Historical Review*, 1979, no. 94, pp. 805–819.
46. Spinei V. Les Mongols dans Historia Ecclesiastica Nova de Tholomeus de Lucca. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 2011, no. 18, pp. 271–333. (In French)
47. Spuler B. *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1965. 638 p. (In German)
48. Tholomeus von Lucca. *Die Annalen des Tholomeus von Lucca in doppelter Fassung nebst Teilen der Gesta Florentinorum und Gesta Lucanorum*, ed. B. Schmeidler, Scriptores Rerum germanicarum, Nova Series VIII. Berlin, 1930. 379 p. (In German, Latin)
49. Tholomeus von Lucca. *Historia ecclesiastica nova Nebst Fortsetzungen Bis 1329*, ed. O. Clavuot, Monumenta Germaniae Historica, Scriptores, Vol. 39. Hannover, 2009. 784 p. (In German, Latin)
50. Uzelac A. War and Peace in the Pontic Steppes (1300–1302). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015, no. 2, pp. 65–80.
51. Vasary I. *Cumans and Tatars – Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 230 p.
52. Vernadsky G. *The Mongols and Russia*. New Haven, Yale University Press, 1953. 462 p.
53. Van den Wyngaert A. *Sinica Franciscana*. Vol. 1: *Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV*. Quaracchi–Firenze, 1929. 637 p. (In Latin)
54. Yule H., Cordier A. (eds.). *Cathay and the Way Thither; being a collection of medieval notices of China*, Vol. 3. London, Hakluyt Society, 1916. 269 p.

About the author: Aleksandar Uzelac – Ph.D. (History), Research Associate, The Institute of History Belgrade, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-0626-2928> (36/II Kneza Mihaila Str., 11000 Belgrade, Serbia). E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

*Received June 3, 2017 Accepted for publication September 1, 2017
Published September 30, 2017*

ЭХО КОНФЛИКТА МЕЖДУ ТОКТОЙ И НОГАЕМ В ХРИСТИАНСКОМ МИРЕ

Александар Узелац

Институт истории (Белград)

Белград, Сербия

aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

Цель исследования: статья посвящена анализу отображений войны (1297–1300 гг.) между ханом Токтой и его старшим кузеном Ногаям в христианском мире. Кроме предоставления общего обзора конфликта, его политического фона, военных действий и географического расположения, текст посвящен различным европейским и христианским синхронным источникам, в которых уделялось должное внимание этой войне. Хотя эти источники содержат лишь фрагментарные известия о конфликте, они дают возможность критически оценить, как христиане-современники воспринимали бурные события в Понтийских степях, и насколько они с ними были знакомы.

Материалы исследования: синхронные источники, в основном тексты, написанные византийским историком Георгием Пахимером, сербским архиепископом Данило II, итальянским клириком Бартоломео Фиадони, его соотечественником францисканцем Иоанном Монтекорвино, натурализованным французом армянского происхождения Хетумом из Корикоса (Хетум Патмич), а также венецианским путешественником Марко Поло.

Результаты и научная новизна: анализ источников показывает, что они, несмотря на разное происхождение их авторов, содержат некоторые общие черты относительно турбулентных событий в Золотой Орде. На основе их сообщений можно сделать вывод, что ключевые моменты и основные события этой войны, оказавшей сильное влияние на историю Золотой Орды, а также ее последствия, были хорошо известны на Балканах и в несколько меньшей степени в Западной Европе. Более того, они показывают, что слухи об этих событиях достигли самых отдаленных частей христианского мира.

Ключевые слова: Ногай, Токта, христианский мир, Георгий Пахимер, архиепископ Данило II, Бартоломео Фиадони (*Птоломей из Лукки*), Марко Поло, 13–14 века

Для цитирования: Uzelac A. Echoes of the Conflict between Tokhta and Nogai in the Christian World // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 509–521. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.509-521

Сведения об авторе: Александар Узелац – Ph.D. (история), научный сотрудник, Институт истории (Белград), **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-0626-2928> (ул. Кнеза Михаила, 36/II, 11000 Белград, Сербия). E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

*Поступила 03.06.2017 Принята к публикации 01.09.2017
Опубликована 30.09.2017*

МАРКО ПОЛО ПО ПРОЗВИЩУ МИЛЛИОН И ЕГО «КНИГА О РАЗНООБРАЗИИ МИРА»

А.Н. Гаркавец

*Казахский научно-исследовательский институт культуры
Министерства культуры и спорта Республики Казахстан
Алматы, Казахстан
qurchaq@gmail.com*

Цель: осветить наиболее острые проблемы, касающиеся личности Марко Поло и его сочинения, написанного совместно с Рустичано из Пизы.

Материалы исследования: общая характеристика сочинения Марко Поло и его научная ценность. Реальная история семейства Поло и биография Марко Поло-путешественника. Прозвище Миллион в литературе и в реальной истории семейства Поло. Маршруты странствий Поло. Успехи Поло в Китае и документальность его сведений о стране в эпоху монгольской династии Юань. Владение языками, в частности «татарским». Источник «татарской» Господней молитвы в издании книги Марко Поло в переводе на немецкий язык Иеронима Мегизера. Обратный маршрут из Китая в Ильханат Хулагуидов и приходящееся на этот момент введение в монгольском Иране бумажных денег по образцу китайских. Возврат в Венецию и знакомство Марко в генуэзском плену с романистом Рустичано из Пизы. Версии их совместного сочинения о восточных странах. Прибавления Рустичано и переписчиков к воспоминаниям Марко. Сомнительная дата завешания Марко Поло-путешественника и загадка двух золотых предметов, упомянутых в инвентаре его имущества, которые отождествляют с золотыми пайцзами Гайхату. Марко Поло и открытие Америки Христофором Колумбом и Америго Веспуччи. Подложные карты Китая, Японии, Сахалина, Алеутских островов, Чукотки, Аляски и большей части запада Северной Америки, приписываемые Марко Поло.

Результаты и научная новизна: подтверждена гипотеза о происхождении родового прозвища Миллион, которое Поло приобрели вместе с венецианской усадьбой от семейства Вилионе / Милионе. Установлен источник «татарской» Господней молитвы в немецком издании книги Марко Поло. Поставлен вопрос об участии Поло в печатании бумажных денег при ильхане Гайхату. Доказана подложность карт, приписываемых Марко Поло.

Ключевые слова: загадки Марко Поло, Шелковый Путь, открытие Центральной Азии, Китая и Америки, Золотая Орда, государство Хулагуидов, бумажные деньги, подложные карты Марко Поло

Для цитирования: Гаркавец А.Н. Марко Поло по прозвищу Миллион и его «Книга о разнообразии мира» // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 522–565. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.522-565

**MARCO POLO, NICKNAMED THE MILLION,
AND HIS “BOOK ON THE DIVERSITY OF THE WORLD”***A.N. Garkavets**Kazakh Research Institute of Culture under the Ministry of Culture
and Sports of the Republic of Kazakhstan
Almaty, Kazakhstan
qypchaq@gmail.com*

Objective: To highlight the most urgent problems related to the person of Marco Polo and his works, written in collaboration with Rustichano (commonly known as Rustichello) of Pisa.

Research materials: the work of Marco Polo, with attention drawn to its general characteristics and scientific value. Materials are used which describe the history of the Polo family and the biography of Marco Polo the traveler. This work explores the routes of Polo's travels, his career success in China and his documentary information about the country in the era of the Mongol Yuan Dynasty. We explore his language proficiency, in particular regard to the “Tatar” language in light of the source for the “Tatar” Lord Prayer in edition of Marco Polo in a German translation of Jerome Megizer; the return-route from China to Ilkhanate of the Hulaguides; the introduction of paper money in Mongol Iran at that time; Marco's return to Venice and his acquaintance with the novelist, Rustichano of Pisa, while in Genoese captivity; versions of their joint writing on the East; Rustichano and scribes' additions to the memoirs of Marco; the debated date of the will of Marco Polo and the mystery of two gold items listed in the inventory of his property, which are identified as two of Gaykhatu's golden paizas; Marco Polo's connections to the discovery of America by Christopher Columbus and Amerigo Vespucci; fake maps of China, Japan, Sakhalin, the Aleutian Islands, Chukotka, Alaska and much of the North American West, attributed to Marco Polo.

Results and novelty of the research: We have confirmed the hypothesis about the origin of the generic nickname Million, received by Polos, and its connection to the estate of the Venetian family, Vilione / Milione. We have identified the source of the “Tatar” Lord Prayer in the German edition of Marco Polo. We have raised the question of the participation of Polo in the printing of paper money by Gaykhatu. We have proved the forgery of maps which were formerly attributed to Marco Polo.

Keywords: Marco Polo's mysteries, Silk Road, discovery of Central Asia, China and America, Golden Horde, Ilkhanate of the Hulaguids, paper money, Marco Polo's fake maps

For citation: Garkavets A.N. Marco Polo, Nicknamed the Million, and His “Book on the Diversity of the World”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 522–565. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.522-565

Книга Марко Поло, которой посвящена наша статья, занимала обилием уникального фактического материала и воодушевляла многих выдающихся интеллектуалов прошлого.

Эдуард Шартон (1807–1890), составитель 4-томной хрестоматии «Старинные и современные путешественники», восхищенно приравнивает Марко Поло как первооткрывателя Востока к Геродоту: «До него центральная и северная части Азии представляли собой смутно мерцающую тьму; на всех картах три четверти континента оставались белым пятном» [50, т. II, с. 252].

Несомненные заслуги Марко Поло подчеркивает и великий французский ученый-энциклопедист, путешественник и писатель Жюль Верн, составив-

ший свою 4-томную историю путешествий совместно с географом Габриэлем Марселем (2–4 тома). Завершая раздел о Марко Поло и предваряя очерк об Ибн Баттуте, Жюль Верн – вслед за своим вдохновителем Эдуардом Шартоном – в откровенной манере превозносит этих двух сочинителей, противопоставляя их авторам сомнительным:

«До середины XVIII в. книгой Марко Поло, которая долгое время распространялась под заглавием «Книга чудес мира», пользовались для установления торговых путей в Индию, в Китай и в Центральную Азию. Но еще большую роль книге Марко Поло суждено было сыграть в истории открытия Нового Света, так как его рассказы о чудесных странах Востока, изобилующих сокровищами, побудили европейцев предпринять поиски морского пути в Индию и к берегам Китая».

И продолжает: «Примерно через четверть века после возвращения Марко Поло на родину с 1313 по 1330 г. один францисканский монах [Одорио из Порденоне, или Одорик Фриульский, 1286–1331] пересек всю Азию, от Черного моря до восточных окраин Китая, проехав через Трабзон, гору Арарат, Вавилон и остров Ява. Но отчет о путешествии настолько запутан, а легковерие странника настолько очевидно, что его рассказам не стоит придавать какого-либо значения. Было также путешествие сказочного Джона Мандевилля, о котором [Уильям Десборо] Кули говорит, что тот опубликовал «работу, настолько заполненную ложью, что другой подобной не существует ни на одном из известных языков». Достойным последователем Марко Поло был арабский путешественник Ибн Баттута, который для исследования Египта, Аравии, Анатолии, Татарии, Индии, Китая, Бенгалии и Судана сделал так же много, как и венецианец для значительной части Центральной Азии. Этот предприимчивый и смелый путешественник должен занять место в ряду самых выдающихся исследователей» [5, с. 90; 23, vol. 2, с. 84–85].

Большинство специалистов в соответствующих дисциплинах разделяют высокую оценку книги Марко Поло, однако находятся и скептики, которых раздражают упущения, неточности, несуразности и анахронизмы, имеющиеся в ее разных версиях и списках, и на этом основании произведение объявляется плодом литературного творчества компилятора по имени Рустичано из Пизы. Он-то, мол, ради писательской славы и выдумал своего успешного героя-сокамерника, назвал его мессером Марко Поло, венецианцем, и приписал ему немыслимые заслуги в установлении взаимопонимания между языческим Востоком и католическим Западом. А чтобы выдумка выглядела увлекательнее и правдоподобнее, сидя в таверне и никуда не выезжая, к примеру, из Константинополя, наполнил свой опус пестрыми чужими байками с описаниями никому толком не ведомых государств и народов, областей и городов, дворцов и правителей, животных и растений, яств и одежд, обычаев и диковин. А еще раньше высказывалось даже мнение, что и Рустичано тоже никакого не было. Но потом выяснилось, что это реальное лицо и что он участвовал в крестовом походе и был любимым писателем возглавлявшего поход будущего английского короля, во славу которого свои популярные куртуазные романы и сочинял. Попробуем на доступных материалах в меру наших сил разобраться в этом ворохе сомнений.

Семейство Поло

Первым биографом Поло – Джованни Баттистой / Джамбаттистой Рамузио (Giovanni Battista / Giambattista Ramusio, 1485–1557) в сборнике повествований о плаваниях и путешествиях «Delle navigazioni e viaggi» 1559 года на основании неопределенного круга источников обозначен ближайший круг родственников Марко Поло, начиная с его деда и кончая дочерьми и некоторыми другими членами семейства. Им же высказано бездоказательное утверждение, что Поло имеют славянские корни и прибыли в Венецию из Далмации, – на том лишь основании, что Далмация и Славония были подчинены Венеции, а там, мол, зафиксировано имя Паулус / Паулюс. Хотя в нем нет ничего особенного, поскольку венецианское Paulo, Polo – это распространенное повсюду во всевозможных диалектных формах имя равноапостольного проповедника христианства Павла.

Собственное разыскание о жизни знаменитого венецианца провел Джованни Баттиста Бальделли Бони, которому принадлежит двухтомное издание «Путешествие Марко Поло» по итальянской рукописи Clas. XIII. Plut. IV. C. 104 Национальной центральной библиотеки Флоренции (Biblioteca Magliabechiana) с разъяснениями, примечаниями и внушительной вступительной статьей о жизни Марко Поло с хронологией, о его сочинении «Il Milione», об истории сношений Европы и Азии и описанием 19 рукописей, включая версию XV века из Кодекса Дзелада, хранящегося в библиотеке Кафедрального собора Св. Марии в Толедо [44; сепаратное издание биографии Марко Поло и хронологии его жизни – 18].

Скрупулезную работу по поиску архивных материалов, касающихся клана Поло, осуществил Джованни Орландини. К 85 документам, опубликованным им в статье «Марко Поло и его семья» [39], Артур Кристофер Моул (1873–1957) присовокупил еще 15 материалов [34, с. 521–595]. Первый из документов – завешание Марко Поло-старшего 1280 года. Затем идут завешания, выписки из протоколов Высшего совета, брачные договоры, судебные протоколы и пр., в том числе завешание Марко Поло-путешественника, копия инвентарной описи оставшегося после его кончины имущества, записи о пожаре и о продаже усадьбы Поло. На этом обширном и достоверном материале А.К. Моул, следуя Дж. Орландини и др., составил генеалогическое дерево Андреа Поло из прихода церкви Сан-Феличе до 8 колена, где со ссылками на документы поименованы свыше 60 членов семейства, в частности: три сына Андреа – Марко иль Веккио (Marco il vecchio, Марко-старший), Николо (Nicolo), Матео (Matheo) и дочь Флора, сын Николо Марко, его братья Матео, Стефано и Джованни, супруга Марко Доната Бадозр, дочери Марко – Фантина, жена Марко Брагадина, Беллела, жена Бертуччо Кверини, и Моретта, жена Рануччо Дольфини, дети и внуки дочерей Марко и др.

Прозвище Милион

Благодаря выявленным документальным свидетельствам прояснилось и реальное обстоятельство приобретения прозвища Милион не только нашим сочинителем, но и всем семейством Поло – возможно, еще до возвращения Марко Поло с отцом и дядей из 24-летнего странствия и, конечно же, до распространения в народе «миллионов» историй, казавшихся современникам невероятными.

Мы упомянули о двух важных имущественных документах – запись о пожаре в подворье Милион (*Cà Milion*) от 7 ноября 1596 года и запись о продаже усадьбы Камилион (*Camilion*) от 27 июля 1677 года. Эта усадьба представляла собой довольно большой типичный итальянский двор, окаймленный по периметру соединенными между собой домами со множеством жилых, служебных и торговых помещений с подвалами и вторыми этажами, а главное – с крытым колодцем-цистерной посреди двора для сбора дождевой воды.

Стало известно, что остававшийся в Венеции – в отсутствие других братьев – Марко-старший, возвратившись в Венецию из Судака, в момент составления своего завещания в 1280 году вместе со второй женой брата Николо Фиордолизой и ее сыновьями жил еще не здесь, не в приходе Сан-Джованни Хризостомо (Святого Иоанна Златоуста), неподалеку от моста Риальто, а в приходе Сан-Северо. И только позже, возможно, лишь после приезда остальных Поло из Китая семья смогла приобрести данное домовладение и на этом участке перестроить или построить на свой лад огромный желанный дом для всего семейства.

Купленное домовладение *Corte del Milioni* принадлежало упоминаемому в других документах венецианцу, называемому то Вилионе либо Вилиони, то Милионе или Милиони. Лучиано Петек указывает на Пьетро Вилиони, занимавшегося коммерцией в Персии, составившего в 1261 году в Тебризе завещание и умершего там же 10 декабря 1264 года, и на его отца Витале Вилиони, вернувшегося в Венецию и в 1281 году написавшего завещание в пользу своего сына Джованни, которому передает также усадьбу в приходе Сан-Хризостомо [40, с. 557], очевидно, ту самую, которую позже приобрели Поло. К этому добавим, что в городе Янчжоу, которым некогда якобы управлял Марко Поло и где Одорико де Порденоне (1286–1331) в 1322 году застал францисканскую общину и действующую несторианскую церковь, обнаружено два надгробия с латинскими надписями на могилах Катерины, покойной дочери господина Доминика из Вилионе (июнь 1342 года), и ее брата Антония из Вилионе (ноябрь 1344 года) – предположительно из поселка *Viglione* на пути из Кунео в Лигурию [20, с. 3; 51, с. 346–365; 52, с. 133–136].

Эпитафия Катерины: «*In nomine Domini. Amen. Hic jacet Katerina filia quondam Domini Dominici de Vilionis que obiit in Anno Domini milleximo CCCXXXXII de mense Junii*».

Роберт Сабатино Лопез предложил читать *Vilioni* как *Ilioni* и связал это прозвище с *Dominico Ilioni*, упомянутым в генуэзской судебной записи 1348 года в качестве душеприказчика Джакомо де Оливерии, жившего в Китае [33, с. 353].

Со времени покупки усадьбы все Поло выступают в документах под прозвищем Милион или Милионе – по названию места их нового обитания. Так, например, в выписке Высшего совета Венеции от 10 апреля 1305 года Марко-старший записан буквально как *Marcus paulo milion* [34, с. 528–529], а его сын Николо в своем завещании от 23 июля 1324 года именуется как *Nicolaus paulino* и *ser Nicolaus paulo dicti milion lo grando* [34, с. 541]. Эту простую и убедительную гипотезу высказал, документально обосновал Генри Юл [47, с. 65]. Но, объективности ради, тут же в своем примечании Генри Юл дал также примеры употребления слов *milio* / *millio* и *milion* «тысяча; множество», допуская вслед за составителями «Универсального словаря итальянского языка» наличие у второго слова и числового значения «миллион», что сомнительно и в отношении денежных сокровищ Авиньона, и в отношении числа домов в Венеции: The word *Millio* occurs several times in the Chronicle of the Doge Andrea Dandolo, who wrote about 1342; and *Milion* occurs at least once (besides the application of the term to Polo) in the History of Giovanni Villani [1276–1348]; viz. when he speaks of the Treasury of Avignon:— “diciotto milioni di fiorini d’oro ec. che ogni milione è mille migliaja di fiorini d’ oro la valuta.» (xi. 20, § 1; Ducange [см. ниже], and Vocab. Univ. Ital.). But the definition, thought necessary by Villani, in itself points to the use of the word as rare. *Domilion* occurs in the estimated value of houses at Venice in 1367, recorded in the *Cronica Magna*

in St. Mark's Library (Romanin, III. 385). С приведением дополнительных аргументов, но тоже без этимологии прозвища, эту гипотезу поддержал в одной из последних работ и Жак Эрс [16, с. 45–47].

С этой гипотезой трудно не согласиться и потому, что привычное для нас имя числительное *million* «большая тысяча > миллион», образованное от *mille* «тысяча» путем присоединения увеличительного суффикса (вроде тысяча > тысячища), стало употребляться в деловой речи попозже. Во французском словаре Э. Литтре это слово зафиксировано под 1419 годом: *deux millions qui sont vingt fois cent mille escus* «два миллиона, то есть двадцать раз по сто тысяч эску» [32, vol. 3, с. 562]. Но широко – как устоявшееся – только в XVI–XVII веках, например, в Мюнстерском и Оснабрюкском мирных соглашениях от 15 мая и 24 октября 1648 года, узаконивших Вестфальский мир и положивших конец Тридцатилетней войне в Священной Римской империи.

До этого число в миллион обычно называлось по-другому: *decies centena milia / millia* «десять сот тысяч», как в статьях *milio* и *millio* 10-томного словаря средневекового и вульгарного латинского языка Шарля Дюканжа (1610–1688), дополненном бенедиктинцами и Иоганном Кристофом Аделунгом (1732–1806), в редакции Леопольда Фавра (1817–1891), охватывающем примерно 500–1500 годы [22, vol. V, с. 388–389]. Точно так же и у самого Марко Поло однажды в главе CLII во фр. тексте: *xvj. (seize) cens mille* «шестнадцать сот тысяч» [рукопись BnF. 1116, с. 69; издание М.Г. Потье 1865 года – 45, с. 507], и дважды в главе CLIII, или же лат. *mille millia*, ит. *mille migliaia* «тысяча тысяч». В более поздних переводах Марко Поло на европейские языки, да и на русский, неудобное для нас старое сочетание воспроизводится, естественно, новым, уже привычным словечком миллион. Так и в итальянском переводе приведенного места Дж.Б. Рамузио: *un milione et seicento mila* «один миллион и шестьсот тысяч» [50, издание 1574 года, с. 48]. А потому создается ложное впечатление, что и у Марко Поло тоже употреблено числительное миллион.

Для сравнения добавим однокоренные лат. и фр. *mile / mille*, ит. *miglio* и гр. *μίλιον / μίλλιον* «миля (римская, в 1000 двойных шагов); милий, милиарий, мильный столб», а также лат. и фр. *Mille d'Or* = лат. *Milliarium Aureum* «Золотая миля» – нулевая Мильная колонна Августа из позолоченной бронзы на Римском форуме, возведенная по приказу императора Августа в 20 году до н.э., которые тоже могут бросить свет на происхождение имени первого хозяина усадьбы Поло и ее названия.

Не располагая данной информацией, Дж.Б. Рамузио в родовом прозвище семейства Поло, приобретенном вместе с усадьбой, узрел намек на *mille* – тысячу, множество и использованное им самим в переводе слово *million*, и связал это с тем, что к рассказам Марко Поло современники относились якобы с недоверием и иронией, как к анонимному сборнику XIII века «Сто древних рассказов» [19], которым пользовался Джованни Боккаччо (1313–1375), и арабской книге сказок «Тысяча и одна ночь». Так «разнообразие мира» рассказчика по воле интерпретаторов превратилось в «чудеса света», как у Луиджи Фосколо Бенедетто: «Книга мессера Марко Поло, гражданина Венеции, именуемого Миллион, где повествуется о чудесах света» – *Il libro di messer*

Marco Polo cittadino di Venezia detto Milione dove si raccontano le meraviglie del mondo [42; 43; англ. перевод – 48], по образцу также продиктованного со- братьям сочинения «De mirabilibus mundi» («О чудесах мира») монаха Одо- рико де Порденоне, посетившего Китай, Тибет и Индию. А с возникновением нового удобного числительного, обозначающего десять сот тысяч, то есть тысячу тысяч, в родовом прозвище Марко Поло ничтоже сумняшеся стали видеть намек уже не на тысячи, а на миллионы небылиц и на миллионы дра- гоценных камней и золотых монет великого хана фантастического Китая с его несметными богатствами. Во французском языке вследствие этого воз- никло даже устойчивое насмешливое выражение *les millions de Marc Pol* «миллионы Марко Поло».

Маршруты странствий Поло

В 1260 году Николо, отец Марко, вместе со своим братом Матео отпра- вились по торговым делам в Судак, где у Марко Поло-старшего была торго- вая лавка. Затем по маршруту Гийома де Рубрука братья добрались до Сарая Бату, Сарая Берке и Булгара на Волге, где прожили год, а оттуда – в Бухару. Из-за военных действий Берке, брата Батыя, и монгольских междоусобиц братья не смогли вернуться домой и три года спустя примкнули к персидско- му каравану, который ильхан Хулагу послал к своему брату, монгольскому хану Хубилаю.

Из Бухары караван шел на Восток по землям Казахстана и, предпо- ложительно, Кыргызстана. Если второе верно, то братья посетили Баласагун, на месте которого сегодня над скоплением надгробий возвышается башня Бурана, то есть Мунара – минарет разрушенной мечети.

Волей-неволей конечной целью торговой поездки братьев Поло оказался город Ханбалык, совр. Пекин – столица Монгольской империи включительно с Китаем.

Поло были не первыми европейскими купцами в Китае. При монголах, по словам Марко Поло, в предместье Ханбалыка «каждому народу была на- значена особая гостиница; одна ломбардцам, другая немцам, третья францу- зам» (глава LXXXVA, текст Дж.Б. Рамузио по утерянной рукописи). Пред- ставители разных народов и разных религий имели здесь свои общины и, поощряемые Хубилаем, приняли якобы участие в споре вероисповеданий.

По этому случаю Хубилай направил посольство к папе Римскому, вклю- чив в него в качестве своих посланников Матео и Николо Поло с особой мис- сией. Монгольский посол, вероятно, имел полномочия на переговоры о за- ключении на высшем уровне франко-монгольского союза против мусульман. По этому вопросу как раз велась переписка между папой Климентом IV и ильханом Абага-ханом, сыном Хулагу. Братьям же поручалось доставить Хубилаю елей от Гроба Господня из Иерусалима и привести с собой сто бо- гословов от понтифика. За это им было обещано большое вознаграждение.

Монгольский посол занемог на полпути и отстал, и братья приняли на себя и его полномочия.

В 1269 году они вернулись в Венецию и узнали, что Климент IV умер годом раньше. Избрание нового папы в Витербо, где находилась папская резиденция и где уже третий год заседали кардиналы, безнадежно затягивалось. Совершенно потеряв надежду дождаться избрания папы, летом 1271 года братья, взяв с собой 17-летнего Марко, отправились в Иерусалим за елеем для Хубилая. И так совпало, что именно 1 сентября 1271 года кардиналы избрали наконец нового понтифика. Им стал глава Палестинской миссии Теобальдо Висконти, который при вступлении в сан принял имя Григория X. Новый папа снабжает их письмами и назначает посланниками к Хубилаю еще и двух монахов-проповедников, которые уже из Лаяса (Айас, Аяс, Айяс, л'Аяс, Лаяццо в Киликии, ит. La Giazza, Laiazzo) вернулись в Акку, испугавшись напавших на Киликию сарацин во главе с Бейбарсом Бундукдаром.

Упомянутые монахи-проповедники, т. е. доминиканцы – это Николо Виченцкий (Nicolaus Vicentinus, Nicolas de Vicence) и Гильом Триполийский (Guillelmus Tripolitanus, William of Tripoli, Wilhelm von Tripolis, Guglielmo da Tripoli, Guillaume Champenès, Guillaume de Tripoli, Guillaume Dominicain). Второй написал 2 или 3 работы: «Трактат об империи сарацин и о лжепророчестве Мухаммаде», «О Мухаммаде и книге закона сарацин» и «Уничтожение Дамьеты» [26]. Трактаты об исламе написаны на злобу дня – к объединительному Лионскому собору 1273–1274 годов, который инициировал новый папа и на котором, кроме унии Западной и Восточной церквей, обсуждался также вопрос отношения к догматам мусульман.

Далее трое Поло двигаются по следующему маршруту:

совр. **Сирия** и **Турция**: Кайсерия Каппадокийская – Сивас – Эрзинджан – Эрзерум –

Иран: Тебриз – Сава (Saveh, гробница 3 волхвов) – Кашан – Исфаган – Йезд – Шираз – Кухбанан – Керман – Рудбар – Ормуз – снова Рудбар – Тон / совр. Фердовс – Кайен / совр. Гъайен –

Афганистан: Сава, Sevah, юго-западнее Герата – Шебергъан – Балх, у совр. Мазари-Шерифа – Талекъан – Эшкашем – Вахан –

юг **Таджикистана** и **Индия**: Бадахшан – Иркештам – Вахан – Кашмир – снова Вахан –

с северо-запада на восток **Китая**: Кашгар – южным обходным путем мимо пустыни Такла-Макан / Текли-Мекен – Яркенд – Шанду – Ханбалык.

Своей конечной цели – Ханбалыка троица Поло достигла, после многих злоключений, лишь в 1275 году.

Но прежде Марко пережил пленение грабителями, промышлявшими на Шелковом Пути. В связи с этим несколько глав книги он посвятил ассасинам, действовавшим изначально в горных районах Западной Персии, а позже и в провинции Керман, в долине Рудбар, на перекрестке западных и индийской караванных дорог.

В Бадахшане Марко тяжело заболел. Согласно более пространному тексту, использованному Дж.Б. Рамузио, он долго болел в Бадахшане, на Памире, из-за чего их поездка в Ханбалык затянулась: «Горы эти очень высоки; выйдешь утром, и только к вечеру доберешься до вершины. На вершине обширные равнины, обилие трав, деревьев и ключей чистой воды, текущих

по скалам и ущельям; форель и другие нежные рыбы водятся там. Воздух на вершине очень чист, и жить здесь здорово; люди в городах, в долинах или на равнинах, как почувствуют лихорадку или какую другую болезнь, тотчас же уходят в горы, поживут там два-три дня и выздоравливают от хорошего воздуха. Марко утверждает, что испытал это на себе: болел он в этих странах с год, а как по совету сходил в горы, так и выздоровел» (XLVII, прим. 8).

Чем он болел – неизвестно. Но исцелился лишь спустя целый год – высокогорным воздухом, взобравшись на скалы, где господствуют архары, названные Карлом Линнеем в 1758 году по имени Марко Поло, которому принадлежит их первое сделанное европейским натуралистом описание. Позже, в работе «Аркары (горные бараны)» [12] зоолог и путешественник Николай Алексеевич Северцов (1827–1885) дал подробную топографию трех видов тьянь-шаньских архаров: *Ovis Polii*, *Ovis Karelini* и *Ovis Heinsii*. А одного двухлетнего выпотрошенного «аркара-качкара», т.е. архара-самца, прежде чем оценить его вкусное мясо («что-то среднее между хорошей бараниной и олениной»), он измерил и описал для отчета о поездках на Тянь-Шань в 1857–1858, 1864 и 1865–1868 гг. [13].

А пока Марко болел, Николо и Матео совершили поход из Бадахшана (или из Вахана через Ваханский коридор) в Кашмир и убедились, что дальше в направлении Индии пути нет. Это правда. Надежного всесезонного пути нет и сегодня. Туннель, связавший столицу Кашмира Сринагар и Джамму, построен только в 1960 году, а строительство высокогорной железной дороги между штатом Джамму и Кашмир и остальной страной все еще продолжается.

Успехи Поло в Китае

В Ханбалыке старшие Поло занимаются привычными торговыми делами. А возмужавший Марко удостоивается чести служить кем-то вроде чиновника без портфеля, приближенного к императору. Успешно выполняет ханские поручения и особенно угождает ему содержательными наблюдениями, сделанными во время длительных служебных поездок, в первую очередь, очевидно, по делам денежного оборота, налогов, доходов и поставок императорскому двору.

Марко гордится приобретенным положением при императоре и, по его словам (глава CXLIV), несколько лет – между 1282 и 1285 либо 1287 или 1288 – управляет городом Янчжоу, одним из двенадцати стольных городов, расположенным недалеко от слияния Великого канала и реки Янцзы, в совр. провинции Цзянсу. Но, поскольку китайскими архивными материалами это заявление не подтверждается, многие в этом сомневаются. Похоже, что он привирает и в случае руководства изготовлением требушетов для осады города Саианфу (ныне Саньян). На самом деле этой работой, по достоверным данным, руководили инженеры-сарацины. Марко пишет: «Были у братьев в услугах немец да христианин-несторианец – хорошие мастера. Приказали им братья построить две-три такие машины, чтобы бросали камни в триста фунтов. Построили мастера две отличные машины; приказал великий хан отвезти их к войску, что осаждало Саианфу и не могло города взять. Пришли туда

машины, установили их: татары глядели на них, как на великое в свете чудо. Что же вам сказать? Уставили машины и бросили камень в город; ударился камень в дом, рушит и ломает все, наделал шуму страшного. Увидели жители такое неслыханное бедствие, изумились, испугались и не знают, что говорить им и что делать. Собрались на совет, а как спастись от этого снаряда, не придумали. Стали они тут говорить, что если не сдадутся, так все погибнут; по-советовались, да и порешили всячески сдаваться. Послали сказать военачальнику, что сдаются и хотят быть под великим ханом. Принял их военачальник и согласился, а город сдался. По милости Николая, Матвея да Марка вышло так, и немалое то было дело. И город и область – самые лучшие у великого хана; большой ему доход отсюда.

Рассказал вам об этом городе и о том, как его взяли теми машинами, что братья приказали выстроить. Теперь оставим это и расскажем о городе Сингуи» (глава CXLVI).

В действительности осада имела место в 1273 году, когда Поло были еще в Афганистане. Однако В.В. Бартольд, комментируя это сообщение в примечании к нему, в корне его не опровергает: «О взятии города Санъян-фу [Сян-фань] после продолжительной осады с помощью машин, выстроенных западными мастерами, говорят также китайские и персидские источники, по которым, однако, эти мастера были мусульмане, присланные из Западной Азии, и самое взятие города [по словам М.Г. Потье, примечание 4 к главе CXXXVIII о походе Баяна Чинксана: 45, с. 455; в русском издании – глава CXXXIX] произошло в 1273 г., когда братья Поло с Марко еще не могли прибыть в Китай. Юл приводит, однако, свидетельство [персидского] историка Вассафа, по которому взятие Санъянь-фу произошло после падения столицы Южного Китая, т.е. после 1276 г.» [9, с. 302, 303; 10, с. 282, 283; попутно заметим, что в других изданиях многие тексты упрощены, а примечания сокращены или опущены вовсе].

Скептики утверждают, что о Китае Марко Поло рассказывает с чужих слов, потому что вовсе там не был, раз уж не упоминает ни о Китайской Стене, ни о фарфоре, ни о чае, ни о бинтовании ступней, ни о палочках для еды [27; 58] и много еще о чем, что приходит в голову современному туристу. Некоторые при этом огульно заявляют, что в китайских документах того времени имя Марко Поло ни в каком сколько-нибудь приблизительном написании не зафиксировано. Но это неправда. В главе LXXXVB «О предательском замысле возмутить город Камбалу», имеющейся только в издании Дж.Б. Рамузио, очень подробно описаны злоупотребления министра Ахмада и обстоятельства его убийства неким Ванчжу. Глава заканчивается словами: «В то время, когда все это происходило, Марко Поло находился там». Рассказанное в точности соответствует данным главы 205 «О министрах-злодеях» китайской династийной хроники Юань Ши, где четко сказано, что в составе комиссии по расследованию убийства был человек по имени По-Ло, который искренне рассказал императору о злоупотреблениях Ахмада.

О Великой Китайской Стене того времени можно сказать, что на юношу, который видел мощные крепости Средиземноморья, особенно многокилометровые крепостные стены Антиохии, жалкая, полуразрушенная в мон-

гольское время Китайская Стена впечатления могла и не произвести. Великая Китайская Стена, какой мы знаем ее сегодня, была заново построена лишь после монголов и против монголов – в эпоху Мин.

Те, кто упрекают Марко Поло, что он, описывая достопримечательности провинции Фуцзянь, не упомянул, дескать, о фарфоре, либо лукавят, либо читали книгу невнимательно. Он рассказал не только о «больших и маленьких фарфоровых чашечках, лучше которых и не выдумаешь», но и о технологии приготовления сырья – и именно в одной из глав о провинции Фуги, т.е. Фуцзянь, «откуда они развозятся по всему свету». Это глава CLVII, особенно обширная в версии, использованной Дж.Б. Рамузио.

Про чай Марко Поло пишет в главе CXVII, только не называет его известными нам китайскими словами – северным *tī* и южным *čaj* / *tsai*: «Родится тут много гвоздики; то маленькое деревцо с листьями, как у лавра, только подлиннее и поуже, а цветок маленький белый, как у гвоздики. Имбиря и корицы тут обилие, много и других пряностей». М.Г. Потье заключил, что Марко имел в виду «ассам» или черный чай [45, с. 379, примечание 3 к главе CXV о Тибете. В русском издании – глава CXVI, текст неполный]. Другие комментаторы возражали, полагая, что Марко говорил об ароматическом дереве кассия, из коры которого получают корицу. Это объяснение менее правдоподобно, поскольку почти в той же фразе Марко упомянул корицу, из чего следует, что под незнакомым растением имел в виду не ее.

Вообще-то недостаточное с нынешней точки зрения внимание Марко Поло к чаю объяснимо. В монгольское время чаепитие утратило популярность и возродилось лишь при династии Мин. Причем чай стали готовить уже не из брикетов, порошка или листьев, а лишь из чайного листа, а также из чайных почек и цветков, настаивая в горячей воде. Столетие спустя завезенный в Европу чай местными дамами воспринимался как нечто вроде сена с навозом. А затем они предпочли чаю новые изыски – горячий шоколад из какао, а после – кофе. Мужчины чай пили, но все же он долго не находил спроса из-за дороговизны и продавался в аптеках как лекарство от подагры. И лишь усилиями Ост-Индийских компаний культура чая распространилась на все пригодные земли суперконтинента, и чаепитие вошло в обиход аристократии, а затем и простого народа.

Бинтование ног Марко прямо не описывает. Это так. Однако в главе CXXXIV по рукописи Дзелады имеется все же описание семенящей походки китаянок. Впрочем, не говорится, что это – печальное следствие ужасного многолетнего ежедневного мучительного деформирования стоп несчастных девочек и что ходьба на изувеченных ломанием, квасцами и грибом ступнях остается болезненной на всю жизнь. Рассказчик об этом, по-моему, заведомо промолчал – ему не хотелось бросать тень на создаваемый восхитительный образ Китая. Манеру семенить он объясняет по-другому – завидной скромностью: «И вы должны знать, что девушки, соблюдая целомудренность, во время прогулки всегда ходят столь деликатно, что одна нога никогда не выступает вперед другой более чем на палец, чтобы девичьи прелести случайно не открылись глазу, если ее походка вдруг окажется слишком свободной. И это следует понимать в отношении выходцев из провинции Катай. Татары же не заботятся

о такого рода условности; их дочери и их жены ездят верхом наравне с ними, из чего следует, что их репутации это ни в коей мере не вредит. Жители Манги соблюдают обычай провинции Катай» [34, с. 305]. В других версиях этот фрагмент изложен поживее и с назиданием в адрес венецианок, любящих торчать в окне, глаза на прохожих и бесстыдно выставляя себя напоказ.

Марко много говорит о бумажных деньгах, но умалчивает о печатании книг, хотя нам теперь известно, что в Кинсае в его время использовали различные виды наборного шрифта, в том числе глиняный, деревянный и металлический. В широком ходу были деревянные гравировальные доски, существовавшие в Китае уже более трехсот лет: чаще всего их использовали для печати буддийских сутр и других священных текстов. Поскольку каллиграфия была неотъемлемой частью китайского искусства и письма, а письменность Китая к тому времени содержала около семи тысяч иероглифов, наряду с книгами существовали, однако, и рукописи. Некоторые все же утверждают, что Марко Поло привез якобы несколько книг, напечатанных подвижным шрифтом, и что европейские первопечатники Памфилио Кастальди в Фельтре, Иоганн Гутенберг (Бонемонтан) в Майнце и его ученики Иоганн Ментелин в Страсбурге и Альбрехт Пфистер в Бамберге делали свое дело по образцам Марко Поло: *Respecting the mariner's compass and gunpowder Polo I shall say nothing, as no one now, I believe, imagines Marco to have had anything to do with their introduction. But from a highly respectable source in recent years we have seen the introduction of Block-printing into Europe connected with the name of our Traveller. The circumstances are stated as follows* [47, с. 132].

Можно упрекнуть Марко Поло и в других упущениях, вроде палочек для еды, буровых установок с использованием бамбуковых труб или ловли рыбы с помощью бакланов. Но разве это умаляет весь тот позитив, который сделал его книгу пособием для многих поколений начинающих востоковедов! Как бы там ни было, но благодаря приобретенному статусу Марко получил доступ к императорской канцелярии и библиотеке, изучал деловые записи, выполненные четырьмя официальными видами письма и вел понадобившиеся впоследствии подробные собственные записи, которые, судя по содержанию книги, в плане квалифицированности все-таки вызывают критику и требуют ответа на вопрос, какое образование он получил на родине и какими знаниями и языками овладел на чужбине. Тем более, что скептики отрицают саму возможность пребывания Марко Поло на государственной службе, поскольку он не был, мол, академически сертифицирован. Ясно, что при этом они игнорируют тот факт, что Хубилай ради карьерного роста необразованной монгольской знати экзамены отменил, а академии распустил, и что из-за непрофессионализма чиновников было возобновлено уже после отъезда Поло из Китая.

О Марко известно, что после смерти матери он воспитывался у отцовской сестры Флоры. О школе – ни слова. Но в одном месте книги, говорится, что «просил великий хан апостола [прислать] к нему около ста христиан, умных, в семи искусствах сведущих» – *centum sapientes omnium septem artium eruditos* (глава VIII), а во французском тексте о ханской грамоте добавлено, что она написана *en langue torques* – «на турецком языке», а в итальянском – *in lingua tartaresca* «на татарском языке».

Конечно, слова о семи искусствах принадлежат не хану, и прибавил их, быть может, не Марко, а Рустичано, доподлинно сведущий, что эти семь искусств – *septem artes liberales* – составляли младший, подготовительный курс, ибо это он, скорее всего, закончил церковную школу и монастырский колледж. К 17 годам и Марко Поло вполне мог проштудировать тривий, или тривиум – начальный, элементарный, тривиальный курс, включающий грамматику – классику, Святое Писание и другие церковные книги; риторику, включая поэтику и этику – искусство проповеди и логику, или диалектику – умение спорить с еретиками; а уж затем другие четыре – квадривий, или квадривиум: арифметику – теорию счисления и практический счет; геометрию, включая географию; музыку, или гармонику – церковное пение; и астрологию, или астрономию – ради элементарной ориентации во времени и пространстве по Солнцу, Луне и звездам и вычисления пасхалий. А может, всего лишь 5 первых курсов. Что касается старшего курса – богословия, медицины и юриспруденции, то это было уж слишком, тем более, что ни в Венеции, где жил Марко, ни в Пизе, где жил Рустичано, университетов не было. Даже в 1330 году в Европе было всего 20 университетов: 10 в Италии (Болонья, Парма, Модена, Виченца, Ареццо, Падуя, Неаполь, Верчелли, Сиена), 5 во Франции, по 2 в Англии и Испании и 1 в Португалии.

О языках и видах письма в Китае, которыми мог овладеть Марко, важно принять во внимание следующее.

По инициативе Хубилай-хана в юаньское государственное делопроизводство была внедрена новая монгольская «квадратная письменность», основоположником которой был тибетец Пагба-лама. Просуществовала она в Китае до падения династии Юань (1368).

Хубилай-хан поручил Пагба-ламе создать новую письменность для монгольского языка. Причина состояла в том, что уйгурское письмо в применении к монгольскому языку имело ряд недостатков. Прежде всего, оно располагало только 14 знаками (буквами), в силу чего монголы должны были одной буквой обозначать разные звуки; в то же время один звук в зависимости от позиции в слове, мог обозначаться разными буквами. Такая недостаточность уйгурского алфавита, возможно, и стала поводом к созданию новой монгольской письменности.

Для китайского языка квадратная письменность была использована сразу же после введения ее в действие. Наиболее ранние из сохранившихся текстов квадратного письма, относящиеся к 1275 году, представляют собой надписи на каменных стелах с параллельным текстом иероглифическим письмом. Китайские надписи квадратным письмом встречаются также на печатях, медных монетах и бумажных ассигнациях эпохи династии Юань. Император династии Юань Хубилай-хан лично уделял большое внимание проблемам письменности, в которой он видел один из признаков суверенитета в области культуры [8, с. 230–233. О языковой ситуации в целом см. 25, с. 7–112].

Что касается собственных записей Марко, то скорее всего вел он их на родном венецианском наречии с примесью пресловутой лингва франка, на которой изъяснялись торговцы, моряки, таможенники и портовые работники. Худо-бедно, но именно ежедневным ведением записей на родном языке и знакомством с местным делопроизводством объясняется отмечаемая Палладием Кафаровым [7] и другими исследователями [4; 53] системность и адекватность последовательного описания городов Китая и Юго-Восточной Азии в его книге. В сущности эту часть сочинения и рассматривают, вполне обоснованно, как своего рода экономическую и этнографическую топографию Китая в эпоху монгольской династии Юань. Этот аспект подробно разобран в нескольких содержательных работах [17; 34; 49].

О Китае и его монгольском правителе Хубилае Марко Поло говорит с восторгом, нередко приукрашивая и привирая. В сочинении венецианца Китай предстает в виде вызывающей зависть социально ориентированной абсолютной монархии, строго упорядоченной и справедливой. Эта страна в ее полусказочном облике напоминает полуутопическую Скифию античных авторов, изображавших ее как сообщество справедливейших смертных.

До Марко Поло торговые люди, поглощенные меркантильными интересами, продавая китайские шелка и индийский жемчуг, не предлагали публике путевых заметок, натуралистических и этнографических описаний.

Его предшественникам Плано Карпини и Гийому Рубруку не посчастливилось увидеть и описать более восточные края. А Марко Поло объездил, рассмотрел и по возвращении подробно описал многое из увиденного, утаив при этом и сущность, и подробности собственного служения основателю монгольской династии Юань.

Знание «татарского»

В книге Марко Поло не раз упоминается, что его отец и дядя, да и он сам владели «татарским» языком. Так называемые «татарские» слова на проверку оказываются наполовину монгольскими, наполовину тюркскими. Особого различия не проводится, но тюркские имена и названия передаются точнее, чем китайские, арабские и персидские. Об этом среди прочих был хорошо осведомлен плодовитый мюнхенский полиглот и издатель письменных памятников Иероним Мегизер (Hieronymus Megiser, 1554–1618).

При подготовке немецкого перевода книги Марко Поло по публикации Дж.Б. Рамузио, которую он назвал «Землеписанием Тартарии» – «Chorographia Tartariae» [49] и, как отмечено в пространном заглавии, не только перевел ее на немецкий верно и с тщанием, но и украсил медными гравюрами (treulich und mit fleis verteutschet auch mit Kupfferstücken geziehret). Одна из них помещена после текста Марко Поло и содержит «Тартарский алфавит» и «Тартарский Отченаш».

Alphabetum Tartaricum

Adar. Ber. Col. Dir. Emach. Fog. Gar. Hol. Irach. Kus. Lat. Man. Nir.

Orock. Pach. Ron. Sul. Tar. Vir. Zor.

Oratio Dominica Tartarice

Atcha Wizom, hhy hokta sen algusch ludor senug adongkel suom, chauluchong bel sun sonung ark chueg alei gier da uk achtauer visun gundaluch, ot mak chu musen vou gon kay visum ja sachen, alen bisdacha kajelberin bisum jasoch namasin datcha: kojma visn sunan acha; illa garta visonn gemandam. Amen.

Наша транскрипция с предполагаемым переводом названий букв, изобретенных, вероятно, самим Иеронимом Мегизером, и молитвы:

Татарский алфавит

Adar «обещает», ber «дай», köl «озеро», dir «есть, является», emäk «труд», fog n. «идол», gar a. «пещера», hol «рука», irax «далеко», qus / quš «птица», lat «ушиб», man n. «ман (единица веса)», nir «?», oroq / oraq «серп», rak «чистый», ron «?», sul / sol «левый», tar «узкий», vir «?», zor «сильный».

Oratio Dominica Tartarica

Ata bizüm, ki köktäsen, alğuşludur senün adun, kelsün xanluxun, bolsun senün erkün aley yerdä u köktä; ber bizüm gündälüx ötmäkümüzni бүгүн; qoy bizüm yazuxnı aley, biz dağa qoyalım bizüm yazuxlumuzni; dağa qoyma bizni sinamaşqa, illä xutxar biznı yamandan. Amen.

Татарская Господня молитва

Отец наш, сущий на небе, благословенно имя Твоё, да придет царство Твоё, да будет воля Твоя так на земле и на небе; хлеб наш ежедневный дай нам сегодня; прости наши грехи так, как и мы простим грешников наших; и не введи нас во искушение, но спаси нас от злого. Аминь.

Приведенную И. Мегизером молитву записал, как нам удалось выяснить, не наш знаменитый венецианец, а не менее популярный в Германии благодаря своим дорожным запискам автор – Иоганн, или Ганс Шильтбергер, которого зачастую величают немецким Марко Поло. И. Мегизер для иллюстрации воспользовался рукописью «Книги путешествий» Иоганна Шильтбергера или, возможно, одним из старых изданий этого сочинения.

Вот источники, которые мог использовать И. Мегизер.

Heidelberg, Cpg 216 (Cod. Pal. germ. 216). В этой рукописи Гейдельбергского (Хайдельбергского) университета, датируемой 1480 годом, «тартарский» Отченаш помещен на последней странице после армянского Отченаша. Так и в рукописи из Донауэшингена, хранящейся в Баденской земельной библиотеке в Карлсруэ, Cod. Donaueschingen 481:

Das Ermenisch pater noster
 Har myer ur ergink es surpeytza an
 nuchin ka archawun chw Jegetzy kam thw
 hy erginckch yep ergory hatz meyr anhabas
 tur myes eisor yep chewg meys perdanatz
 hentz myen glich theugunch meyroch
 perdabanatz yep mythewg myes yph-
 wertzuchiū haba prige es myes ytzschere
 Amen **Das Tartarisch pater noster**
 Ocha vovsun chw kochcha sen algust
 ludur Genig adung kellsin senig han
 luegung balsamin senung ewekung alex
 gierda vkiokcha wer wifun gundaluch
 ottmekchi muson wongun koy wifun ja
 soch in alex vov dache covelle mri enfu
 sasochlomusui dache koyma wifusuna
 macha machka illa gachhe wifun geman
 Dan Amen

Das ermenisch pater noster

Har myer ur ergink es surpeytza an-
 nū chw; ka archawun chw Jegetzy kam thw
 [worpes] hy erginckch yep ergory [es] hatz meyr anhabas
 tur myes eisor yep chewg meys perdanatz
 hentz myen glich theugunch meyroch
 perdabanatz yep mythewg myes yph-
 wertzuchiū haba prige es myes ytzschere
 Amen

Das Tartarisch Pater noster

Atha wysum chy chockhta sen algusch
 ludur senūng adung kellsuū senūg han
 luchung balsamin senung erkchung aley
 gierda vkiokhta wer wisum gundaluch
 ottmakchu muson wougun koy wisum Ja
 soch ni aley wis dache coyelle nin ensū [< mwisū]
 Jasochlomosni Dache koyma wisnisuna
 macha machka Illa garthe wisni geman-
 Dan Amen

Издание 1446–1447 годов, Augsburg: Anton Sorg. Татарская молитва дана на последней странице и тоже после армянского Отченаша:

Das ist der Armenisch Pater noster
 Hae myer vt Gegnikes surpeitza annum chi ka archawm.
 chwo iogacy kam thw hyer gnick yep er gaty hatz meyr an/
 habas tur mies eis oz yep thawg meis perdanatz bentz minck
 therog nuch memrock per danabas yep mythawg myes yp/
 bwertzum hba prigo es mies ytzsheren Amen
 Das ist der Tartarisch Pater noster
 Atha wysum chy chockta sen algusch ludur senung adung kel/
 suū senung hauluchūg belsun senung arcchung aley gier da vk
 achta wer wisum gundaluch otmak chumusen wougū kay wi/
 sum iasochni alei wis dacha kayelle min wisū iasoch lamasin da
 cha koima wisni sunamacha illa garta wisni gemandan
 Ein endhatt der schiltberger

Das ist der Tartarisch Pater noster

Atha wysum chy chockta sen algusch ludur senung adung kel
 suū senung hauluchūg belsun senung arcchung aley gier da vk
 achta wer wisum gundaluch otmak chumusen wougū kay wi
 sum iasochni alei wis dacha kayelle nin wisū iasoch lamasin da
 cha koima wisni sunamacha illa garta wisni gemandan.

Ein endhatt der schiltberger.

Издание 1549–1550 годов, Nürnberg: Johann vom Berg, Ulrich Newber, озаглавленное: Ein wunderbarliche und kurzweylige Histori, wie Schildtberger, eyner auß der stadt München, in Bayren, von den Türcken gefangen, in die Heydenschaft defüret, unnd wider heim kommen: Item was sich für Krieg unnd wunderbarlicher thatten dieweil er inn der Heydenschaft gewesen zugetragen, gantz kurtzweylig zu Lesen. – Татарский Отченаш тоже в конце книги, после армянского:

Das Armenisch Vater noster.

Har myer vr Gegnites surpeiga annum chi ka archawes
nichaw sogacy kam thw hy ergnick yep ergaty has meyr an
habas tur mies eis or yep thawg meis perdanas hentz minck
therog nuch memrock per danabas yep nichawg myes yp/
bwerzuchin heba prigo es mies ynscheren/Amen.

Das Tartarisch Vater noster.

Atha wysum chy chockta sen algusch ludur senung adung
kel suum hauluchung belsun senung archung aley gier da vk
achta wer wisum gundaluch otmak chumusen wougum kay
wisum iasochni alei wis dacha kayelle nin wisum iasoch lama
sin dacha koima wisni sunamacha illa garta wisni geman-
dan/Amen.

Ende der Histori des Schildtbergers.

Gedruckt zu Nürmberg durch Johann
vom Berg/vnd Ulrich Newber.

Das Tartarisch Pater noster.

Atha wysum chy chockta sen algusch ludur senung adung
kelsuum hauluchung belsun senung archung aley gier da vk
achta wer wisum gundaluch otmak chumusen wougum kay
wisum iasochni alei wis dacha kayelle nin wisum iasoch lama
sin dacha koima wisni sunamacha illa garta wisni geman-
dan Amen.

Ende der Histori des Schildtbergers.

Gedruckt zu Nürmberg durch Johann vom Berg und Ulrich Newber.

В издании 1554 года армянская и татарская молитвы отсутствуют и в параграфе 26, и в конце текста.

В изданиях 1813, 1814 годов (Schiltberger Reisebuch hsg. Penzel) армянская и татарская молитвы отсутствуют и в главе 26, §9, стр. 71–72, и в конце текста.

В издании 1859 года Карла Фридриха Ноймана / Неймана (1793–1870) [55] по рукописи Cod. Pal. germ. 216 Гейдельбергского (Хайдельбергского) университета, датируемой 1480 годом, где «тартарский» Отченаш, как показано выше, помещен на последней странице после армянского, «татарский» Отченаш отсутствует и в главе 25, стр. 87–88, и в конце текста. На издание К.Ф. Ноймана для публикации «Книги путешествий» Иоганна Шильтбергера на русском языке (Одесса: 1866/1867) опирался Филипп Карлович Брун, на английском – Джон Бакен Телфер, которому пришлось заимствовать татарский Отченаш из какой-то инкунабулы (John Buchan Telfer, London, 1879), и др. Поэтому во многих изданиях, за исключением Дж.Б. Телфера и цитируемой ниже публикации Валентина Лангмантеля (Tübingen, 1885), Господня молитва на армянском и тюркском языках отсутствует.

Попутно заметим, что К.Ф. Нойман, прежде чем заняться синологией, изучал армянский язык, литературу и историю в армянском монастыре на о. Сан-Лазаро в Венеции, опубликовал «Историю Вардана» / «О Вардане и войне армянской» Эгише, «Хронику Ваграма» / «Стихотворную историю» Ваграма Рабуни (1830) и «Историю армянской литературы» (1836).

В конце своего издания К.Ф. Нойманн в отношении опущенного Отченаша дает следующее пояснение:

Die am Ende des Reisebuch hinzugefügten armenische und türkische Vateroster, in den ältesten Incunabule-Ausgaben mit bewunderungswürdiger Genauigkeit abgedruckt, sind jetzt überflüssig. Hingegen muss Schiltberger, wie bereits in der Einleitung bemerkt, das Verdienst bleiben, dass er es war, welcher zuerst aus den Gedanken kam, das Vaterunser als Sprachprobe aus- und hinstellen [55, с. 161]. «Добавленные в конце «Книги путешествий» армянский и тюркский Отченаши, опубликованные в старейших инкунабульных изданиях с завидной точностью, теперь излишни. С другой стороны, как отмечалось во введении, следует отметить заслугу Шильтбергера в том, что именно он первым представил Господню молитву в качестве речевого образца».

Издание 1885 года Валентина Лангмантеля [54] по Нюрнбергской рукописи (в ней, как и здесь, Отченаш перенесен в текст, а армянский отсутствует). При воспроизведении молитвы В. Лангмантель благодарит Фрица Хоммеля за восстановление этого совершенно испорченного в рукописях текста: Die richtigstellung dieses in den handschriften ziemlich verdorbenen textes verdanke ich der güte des herrn Doctors Fritz Hommel¹:

¹ Среди востоковедных работ Фрица Хоммеля (1854–1936) отметим одну из числа неопубликованных, в которой на примере около 200 шумерских и тюркских лексических созвучий он строит предположение, что шумеры были туранским племенем [28].

Und also spricht der thatrisch pater noster ²: [A]tha bisum chi kockchta sen; alguschludur senung adung; kellsun senung hanluchung; bolsun senung erckchung, aley gierda u-chokchta; [wer wi]sum gundaluch ottmeckchimisny bugun; koybysuniasachin, aley bis koyellum [?] bysum iasochlomosny dacha; koyma bisni [sunamachka; illa gartha [?] wisni] gemandan.

Und also spricht der thatrisch pater noster: [A]tha bisum chi kockchta sen; alguschludur senung adung; kellsun senung hanluchung; bolsun senung erckchung, aley gierda u-chokchta; [wer wi]sum gundaluch ottmeckchimisny bugun; koybysuniasachin, aley bis koyellum [?] bysum iasochlomosny dacha; koyma bisni [sunamachka; illa gartha [?] wisni] gemandan.

Наша транскрипция:

Ata bizüm, ki köktäsen, alyuſludur senün adun, kelsün senün ɣanluɣun, bolsun senün erkün aley yerdä u köktä; ber bizüm gündälüɣ ötmäkimizni bügün; qoy bizüm yazuɣni, aley biz qoyalum bizüm yazuɣlumuzni; daɣa qoyma bizni sinamaɣqa, illä ɣurtar bizni yamandan.

Текст татарского Отченаша, судя по контексту, Иоганн Шильтбергер записал в гористой стране Джулад, населенной большим числом христиан, которые там имеют епископство; их священники принадлежат к «ордену босоногих» (die priester sein parfüeser ordens), и они не знают латыни, а то, как они молятся и поют, это татарский язык; и делают они так, чтобы их прихожане были более тверды в своей вере. Притом многие язычники принимают святое крещение, так как они понимают то, что священники читают и поют (стр. 38).

Переводчик и комментатор записок И. Шильтбергера Филипп Карлович Брун напрасно отождествляет этих босоногих священников с не замеченными в Кыпчакской степи кармелитами [15, с. 32]. Ибо обычай ходить босиком, не носить обуви или же обувать лишь сандалии был принят и францисканцами, а они действительно миссионерствовали среди «татар».

Босиком перед Бату, а затем и перед Менгу-ханом предстали, как известно, монахи-францисканцы во главе с Гийомом де Рубруком: «Затем он отвел нас к шатру, и мы получили внушение не касаться веревок палатки, которые они рассматривают как порог дома. Мы стояли там в нашем одеянии босиком с непокрытыми головами, представляя и в собственных глазах великое зрелище... На следующий день нас повели ко двору, и я полагал, что могу идти босиком, как в наших краях, почему и снял сандалии. Когда же они являются ко двору, они слезают с лошади далеко, именно на полет стрелы из лука, от того дома, в котором находится сам хан, и там остаются лошади и служители, сторожащие лошадей. Когда мы слезли там и наш проводник отправился к дому хана, там находился один венгерский служитель, который признал нас, то есть наш орден. И когда люди стали окружать нас, разглядывали нас, как чудовищ, в особенности потому, что мы были босые, и стали спрашивать, неужели наши ноги нам надоели, так как они предполагали, что

мы сейчас лишимся их, то этот венгерец объяснил им причину этого, рассказав правила нашего ордена». В конце концов Гийом де Рубрук отморозил пальцы ног, так что «больше не мог ходить босиком» [6, с. 120, 138, 140].

Из приведенных материалов видно, что татарский текст Господней молитвы, прибавленный И. Мегизером к немецкому переводу книги Марко Поло, принадлежит вовсе не нашему венецианцу, а заимствован именно у И. Шильтбергера.

На пути домой

7 апреля 1286 года в Грузии умерла Болгана [Булуган] из племени баяут, мачеха и жена ильхана Аргуна. И Аргун послал трех послов – Улутая, Апушку и Коджу – к Хубилаю прислать невесту из того же рода. Послы прибыли в Ханбалык в 1291 году.

Хубилай вместе с посольством отправляет морем девушку Кокечин (умерла при родах в 1296 г.), а также некую дочь царя Манзи (из династии Сун) в невесты Аргуну, а с ними и всех троих Поло, снабдив своего посланника и венецианцев двумя пайцзами и письмами к апостолу (папе), французскому и испанскому (в одной рукописи: и английскому) королям и другим христианским владетелям. Посольство отправляется на 14 четырехмачтовых кораблях (команда каждого – 200–300 моряков) с попутными ветрами мимо Индокитая, Малайзии, Явы, Суматры, Бирмы, Индии и Цейлона. Было их 600 человек, не считая судовщиков, а к концу плавания, к приходу в Ормуз, осталось 16, по другой рукописи – 8 человек.

В Ормузе их встретили люди ильхана Гайхату, дяди Газана, сына Аргуна, и препроводили к Гайхату.

Бумажные деньги ильхана Гайхату

Здесь речь пойдет о хорошо известных фактах, которые, однако, исследователями книги Марко Поло и истории ильханата до сих пор не были почему-то сопоставлены и рассмотрены в их взаимосвязи. К этой проблеме подошли Карл Йан [29; 30; 31] и Ганс Ульрих Фогель [56].

Начнем с того, что придворный врач и служащий казначейства, а позже министр трех ильханов (1298–1317), историк Монгольской империи и Ирана Хулагуидов Рашид-ад-Дин (1247–1318), не упоминая о наших венецианцах, сообщает следующее: «28 числа месяца раби'-ал-ахыр [23. III. 1294] прибыли гонцы от Токтая². Их старшины – царевич Калинтай и Пулад [эмир Багдада] – предстали пред его высочеством в Далан-науре с изъявлением мира и соглашения и разного рода просьбами. 3 числа месяца джумада-л-уля [1. IV] их с большим почетом и уважением отпустили. 2 числа месяца джумада-л-уля [31. III] на берегу Куры [Гейхату-хан] основал большой город и положил ему имя Кутлуг-Балык. Возвратившись с зимнего стойбища, он произвел смотр войскам в Билясуваре. В начале месяца джумада-л-ухра 693 года [начало мая

² Токта, один из десяти сыновей Менгу-Тимура, хан Золотой Орды, 1291–1313; в 1293 и сл. вместе с братьями и Ногаем организовал поход на Северо-Восточную Русь. Тудан (Дюдень) разорил Муром, Владимир, Переяславль и др. (всего 14 городов), Токта-Тимур – Тверь.

1294] держали совет [по поводу] бумажных денег... 7 числа месяца рамазана [1. VIII] прибыли в Аладаг и созвали там курултай, а в четверг 21 числа [упомянутого] месяца курултай распустили. Аминь.

Рассказ о выпуске злополучных бумажных денег и вреде, который по этой причине произошел во владениях

Садр-ад-дин [Халиди, визирь] и некоторые эмиры от времени до времени размышляли по поводу бумажных денег [чау, чāv, чао – چاو], имеющих хождение в Хитае, и обсуждали, каким способом их [ввести] и распространить в этих владениях. Это дело они доложили на служении его высочеству. Гейхату приказал эмиру Пулад-чингсангу³ дать разъяснение по этому обстоятельству. Тот рассказал: «Чоу – это бумага с царской печатью на ней, которая ходит по всему Хитаю вместо чеканных дирхемов, а звонкая монета там балыш, и она достается высочайшей казне». Поскольку Гейхату был государем весьма щедрым, делал чрезмерные подарки, и денег в мире ему не хватало, он одобрил это дело. Садр-ад-дин же желал установить во владениях такой обычай, какой другие еще не устанавливали, и потому много старался в этом отношении. Шиктур-нойон, который был самым разумным из эмиров, говорил: «Бумажные деньги вызовут разруху в государстве, причинят бесчестье государю и смуту в ра'иятах и войсках». Садр-ад-дин доложил [государю]: «Поскольку-де Шиктур-нойон очень златолюбив, то он и силится представить бумажные деньги негодными». Вышел указ, чтобы их изготовили в скорости.

В пятницу 27 ша'бана [23. VII] эмиры Акбука, Тогачар, Садр-ад-дин и Тамачи-инак отправились в Тебриз для изготовления бумажных денег. 19 [= 12] числа месяца рамазана [13. VIII] они прибыли туда, представили указ и заготовили множество бумажных денег. В субботу 19 [= 11] числа месяца шавваля 693 года [12. IX. 1294] в городе Тебризе выпустили в обращение бумажные деньги, и указ был таков, чтобы тотчас же казнили каждого, кто не будет [их] принимать. С неделю из страха перед мечом [их] принимали, однако за них людям не много чего давали. Большая часть жителей Тебриза поневоле предпочла убраться и прихватила с собою с базаров товары и съестное, так что ничего нельзя было достать, и люди, чтобы поесть плодов, тайком пробирались в сады. Город, столь полный народа, совсем опустел. Бездельники и бродяги раздевали на улицах всех, кого встречали. Караваны там перестали ходить. По ночам бродяги устраивали засады на садовых улицах, и если какой-либо бедняк ухитрялся раздобыть [себе] харвар зерна или корзину плодов, они у него отбирали, а если он сопротивлялся, то говорили: «Продай-де и получай стоимость благословенными бумажными деньгами да укажи, где ты купил». Короче говоря, народ был охвачен несчастьем, и бедняки простирали руки мольбы.

Однажды, случайно, Гейхату проезжал по базару. Он увидел лавки пустыми и спросил о причине. Садр-ад-дин сказал: «Помер местный старшина Шараф-ад-дин Лакуши, а у тебризцев такой обычай, что, оплакивая вельмож, они расходятся с базаров».

³ Чженсян, чэнсян, цзайсян, ch'eng-hsiang – советник, министр. Пулад в 1285 году был послан представлять Хубилая при ильхане; при Газане назначен командиром тумена из монгольских рабов; был одним из источников Рашид-ад-Дина.

В одну из пятниц в соборной мечети [народ] учинил Кутб-ад-дину такой великий шум, что был отпущен.

В закоулках съестное продавали за звонкую монету [зар «золото»], а людей же за это убивали, и торговля и взимание тамговых пошлин совсем прекратились. Однажды какой-то дервиш схватился за узду [лошади] Садр-ад-дина и сказал:

Мир обьял запах горелой печени, –
Ну и нос же у тебя, коль ты не чуешь!

Садр-ад-дин под впечатлением этих слов при содействии нукеров «после разрушения Басры» получил указ, чтобы торговлю съестным производили на звонкую монету. По этой причине люди приободрились и стали открыто торговать на звонкую монету, вследствие чего беженцы начали возвращаться в город, и он в короткое время снова стал процветать. В конце концов дело с бумажными деньгами не удалось, от него отреклись, и народ избавился от этой тяготы» [11, изд. 1946 года, с. 134–136; изд. 2011 года, с. 204–206].

В самом Китае, чей опыт решили использовать Хулагуиды, в империи Сун (960–1279) сначала, т.е. в 1024 году, были введены бумажные векселя – фэйцзянь («летающие деньги»), а позже – полноценные бумажные деньги.

Хубилай, провозглашенный великим монгольским ханом на курултае 5 мая 1260 года, в первый же год своего правления заменил старые китайские деньги новыми – с символикой нового монголо-китайского государства основанной им династии Юань (просуществовала до 1368 г.).

Рассказывая в главе ХСVI о китайских бумажных деньгах, Марко Поло отмечает, что их можно обменять у управляющего монетным двором в случае ветхости на новые с потерей 3 из 100, а при желании – на золото и серебро «для поделки какой-нибудь посуды, или пояса, или чего другого».

В данную эпоху в Китае это были именно полноценные деньги, распространявшиеся по приказу великого хана «по всем областям, царствам, землям, всюду, где он властвует», наряду со звонкой монетой, «и никто, – подчеркивает наш повествователь, – не смеет, под страхом смерти, их не принимать».

Постоянное внимание Марко Поло к обороту бумажных денег во всех описываемых местностях Китая обусловлено интересом самого императора Хубилая. Причина – необходимость отслеживания на государственном уровне процесса их внедрения в 1265–1274 годах и требование поддержки доверия к ним в последующие годы. По сути, Марко Поло как бы участвовал в мониторинге этого процесса и давал отчет хану об употреблении его бумажных денег.

В государстве же Хулагуидов бумажные кредитные деньги чау вводились впервые, но с той же степенью принудительности. Однако, ввиду повсеместного к ним недоверия, неудачная реформа вмиг парализовала рынок и экономику в целом. Реформу пришлось незамедлительно прекратить, а пущенные в оборот купюры изъять и уничтожить.

Летописец сообщает, что Газан (1271–1304), наместник Хорасана, Мазандерана, Кумиса и Рея с 1291 года, перехватив близ Семнана партию чау, направлявшуюся в Мазандеран, презрительно отметил, что бумага не выдержит влажного климата региона, и отдал приказ сжечь банкноты. Заодно были сожжены и печатные приспособления – алат. А из этого вытекает и то, что

блоки для печати были деревянными, вроде печатных матриц для нанесения узора на текстиль, а не медными, как в Китае.

Банкноты, описанные Вассафом, содержали надписи на китайском и шахада – исламский символ веры, а также имя Иринджин Дорджи, данное Гайхату тибетскими ламами.

Согласно Ибн ал-Фувати, банкноты были номиналом от четверти дирхема до 10 динаров, хотя продолжатель Абу-л-Фараджа сообщает, что минимальный номинал был 1 динар.

В персидском литературном языке Средней Азии слово чау не исчезло и ещё в XVIII веке имело значение «испорченная монета».

Кризис, вызванный провальной денежной реформой, привел к тому, что против Гайхату в Тебризе вспыхнул мятеж. Гайхату бежал в Арран, а оттуда – в Билясувар. И там 24 марта 1295 года был убит мятежниками. К власти пришел Байду, племянник Аргуна. Но уже осенью Газан казнил двоюродного брата и сам стал ильханом.

Если Поло в самом деле оказались для Гайхату новым, своевременным и притом решающим источником убеждения в эффективности бумажных денег, то в Ормуз они приплыли с попутным восточным муссоном не позже марта 1294 года и, доставив невесту к Газану в Семнан или Мазандеран, добрались к Гайхату в Билясувар или уже в Тебриз, где оставались 9 месяцев – не более чем до третьей декады марта 1295 года.

Итак, Поло не только исполнили »все дела невесты и все поручения, что великий хан им наказывал, «но и, возможно, оказали помощь в изготовлении бумажных денег для Гайхату по китайскому образцу.

Дальнейшее исследование приведенных фактов в их совокупности может пролить свет и на другие связанные с этим моменты. В частности, в Тебризе именно от послов Токты, хана Золотой Орды, а не только от Рашид-ад-Дина, Поло могли почерпнуть приведенные Марко в конце книги уникальные сведения из истории западных татар. Здесь же они должны были бы узнать и о смерти Хубилая, случившейся год назад – 18 февраля 1294 года. Однако о Хубилае Марко Поло всегда говорит в настоящем времени – как о здравствующем, и это, видимо, не только художественный прием. Иногда свидетельство совершенно недвусмысленно, напр., в адекватном русском переводе: «великий хан Кублай, что теперь царствует» (LXXV); «великий хан Кублай, и ныне царствующий» (CXXXIX). Точно так же говорится и о Газане, который стал ильханом уже после их отъезда: «Кокачина, жена Казана, что теперь царствует» (XIX).

Шанс вернуться в Венецию

Мыслей о возвращении в Ханбалык после выполнения миссии в душах у Поло, наверняка, не было уже с самого начала. Хотя своим монгольским опекунам об этом, думается, они даже не намекали, чтобы не потерять особые привилегии послов великого хана.

Гайхату щедро вознаградил их за оказанные услуги и, со своей стороны, дал им 4 золотые пайцзы – 2 с кречетом, 1 со львом и 1 простую и провожатых, которых иной раз было «до 200 человек; и было это нужно. Ахату не был законным владельцем, и народ не боялся, как при законном царе, злодействовать».

Ехали они «каждый день, пока не добрались до Трапезунда⁴, оттуда в Константинополь, далее в Негропонт⁵ и, наконец, в Венецию, и было это в 1295 г. по Р. Х.».

Согласно Франческо Бальдуччи Пеголотти, караван мог преодолеть путь между Трабзоном и Тебризом за 30–32 дня.

В Трапезунде семье Поло «Комнином Трапезундским»⁶ был нанесен ущерб в 4000 гиперперов⁷. Спустя годы Венеция получила от Константинополя некоторую компенсацию. В числе прочих Марко Поло от дожа и города Венеции в счет упомянутого ущерба получил 1000 фунтов и разделил их поровну на троих. В завещании Матео Поло от 6 февраля 1309/1310 года содержится особый пункт: дядя Матео удостоверяет, что племянник Марко с ним сполна расплатился надлежащими «тремястами тридцатью тремя с третью фунтами» [34, с. 533].

Путь от Трабзона до Венеции около 2700 морских миль, или 5000 км. Круглый торговый корабль – *когг* – развивал максимальную скорость в 7,5 узла, т.е. 7,5 миль в час. Но реально на парусниках никто с такой скоростью подобные расстояния не преодолевал. Путь вдоль побережья от Суматры до Ормуза «по Индийскому океану» – около 4500 морских миль. Поло из-за ожидания попутного муссона, непостоянной погоды и прочих задержек преодолели его за 18 месяцев. Здесь же они двигались гораздо быстрее и без столь длительных остановок, а потому могли добраться из Трабзона в Венецию до прекращения торговой навигации не больше чем за полгода – к октябрю 1295-го.

Товарищи по узилищу

В эту пору Венеция на суше и на море обороняется от генуэзцев. Во время морского сражения 8 сентября 1298 года при Курцоле 65 из 90 венецианских кораблей были потоплены, 18 захвачены; около 7500 венецианцев попали в плен к генуэзцам, у которых было всего 78 кораблей, в том числе 15 оставленных в резерве. По сообщению Дж.Б. Рамузио, который не раскрывает своих источников, Марко Поло был командиром галеры (*sopracomito*) и попал в плен в ходе этой битвы. Но в этом случае, говорят другие, у него было мало времени для составления книги на чужом языке, да еще с получением из Венеции своих записок. Поэтому Луиджи Фосколо Бенедетто (1886–1966) [42; 43, с. XII–XIII], а за ним и Артур Кристофер Моул и Поль Пелли (1878–1845) предполагают, что Марко Поло оказался в плену уже в 1296 году во время битвы при Лаясе или во время некой неизвестной стычки [34, с. 34].

Однако не следует забывать, что выпустили-то его не сразу в день заключения «вечного мира» 25 мая 1299 года в Милане, и не в день его ратификации в Венеции 1 июля 1299 года, а лишь 28 августа 1299 года, то есть через год, вместе со всеми заключенными венецианцами.

⁴ Трабзон, *Τραπεζοῦς*; по совр. Автодорогам от Тебриза до Трабзона 850 км через Догубаязит – Агры – Эрзерум – Байбурт и 926 через Догубаязит – Ыгдыр – Карс – Артвин – Хопа – Ризе.

⁵ Город Халкис, или Халкида на юго-западе острова Эвбея.

⁶ Иоанн II Великий Комнин, 1262/1263–1297, император с 1280 г.

⁷ Иперпир, номисма или солид; здесь – 4,55 г даже не низкопробного золота, а максимально удешевленного электра, содержащего 20, а то и 10 процентов золота.

Товарищ Марко по узилищу был захвачен в плен генуэзцами, возможно, еще раньше – 5–6 августа 1284 года в битве при Мелории, в итоге которой генуэзцы, уничтожив 5000, взяли в плен свыше 9000 пизанцев, либо при разрушении Пизы 10 сентября 1290 года.

О выкупе до окончания войны речь наверняка не шла: бесплатных батраков и потенциальных воинов, особенно командиров, на свободу не отпускали. В неволе Марко познакомился с сочинителем по имени Рустичано / Рустичелло / Рустикелло / Русто из Пизы – лат. *Rusticianus de Pise* (ркп. BnF. 1116), ит. *Rusticiano / Rustichello da Pisa*, фр. *Rusto* (< *rustico, rusticano*, фр. *rustique, rustaud* < лат. *rusticus* «сельский, деревенский, крестьянский; крестьянин, сельский житель, селянин; мужик, деревенщина, простак пр.»). Он был не единственным томившимся в здесь пизанцем, владевшим пером и слогом. В ту пору за копированием книг коротали здесь невольничьи годы Нерио Санпанте, Бондье Тестарио, Риндольфи Ридольфи Пуньолини, Баккиамео ди Бакконе, Таддео и другие грамотеи из Пизы. Сколько рыцарских романов (в том числе самого Рустичано), историй, житий, сочинений по философии и дидактике и прочих эти невольники успели переписать и иллюминировать, можно только догадываться, если через 700 лет – по их подписям, особенностям орфографии, лексики, грамматики и стиля – в качестве переписанных пизанцами определено свыше тридцати книг, вышедших из генуэзских скрипториев.

О Рустичано известно, что он сопровождал будущего английского короля Эдуарда I Длинного (1239–1307, король с 1272, коронован 19 августа 1274) в IX – продолжение VIII-го – крестовом походе 1271–1272 гг. и на основе бывших при нем рукописей скомпилировал на старофранцузском языке куртуазный роман о легендарном короле Артуре [16, с. 289–290]; впоследствии роман был разделен на две части по имени главных героев: «Мелиадус» (*Meliadus*, отец Тристана) и «Гвирон Вежественный / Жирон Учтивый» (*Guiron le Courtois*). Свободу Рустичано обрел, видимо, примерно в то же время – после заключения договора между Генуей и Пизой 31 июля 1299 года.

Французское сочинение двух итальянцев

Со слов Марко пизанец Рустичано излагает на северном французском языке рассказы Поло, чаще всего очень лаконичные, деловые, словно для справочника, а иногда – детальные, живые, многостраничные, но всегда довольно точные, вероятно, сверенные с записями, доставленными для этого из Венеции.

Это был не совсем французский язык в нашем современном понимании, а помесь французского с «франкским». Тогдашний французский был языком романов, а «франкский» – *lingua franca*, смешанный язык Средиземноморья – был деловым. Использовали его сами франки, или латиняне, то есть европейцы, в общении с арабами, персами, тюрками и между собой. В основе его была варварская латынь, итальянская, особенно венецианская лексика, меньше – испанская и провансальская, реже – греческая, арабская, персидская и тюркская. На нем велись торговые дела чуть ли не до конца XVIII века. По этой причине текст Рустичано пришлось переводить на собственно французский, равно как и на итальянский и латинский языки, и даже с переводного латинского на французский. Кстати, функцию *lingua franca* в Азии выполняли тогда письменный тюрки и его кыпчакский извод. После монголо-татарского

нашествия кыпчакский тюрки стали называть татарским, а во Франции – тар-тарским.

25 мая 1299 года Генуя и Венеция подписывают мирный договор, и Марко возвращается в Венецию, погружается в торговые дела, женится.

В 1307 году его посещает рыцарь Тьебо де Сепой и получает от него список книги в подарок графу Алансонскому, Шартрскому и Анжуйскому и пр., императору Латинской империи Карлу де Валуа (1270–1325). Эта рукопись (но скорее – копия с нее) сегодня хранится в Национальной библиотеке Франции под шифром Fg. 5649. Она была использована в двухтомном издании М.Г. Потье [45]. В ней имеется колофон, сообщающий об этом, а также о том, что с этого списка были сделаны еще копии. Одна из них хранится в Швейцарской национальной библиотеке в Берне – В. Civ. 125 [47, с. 67].

Записи Рустичано становятся достоянием общества и распространяются в списках, в которых по-итальянски наш венецианец именуется «Il Milione».

В 1920 году наука располагала 122 рукописями: 70 на латыни, 18 по-венециански, 17 по-тоscanски, 16 по-французски и 1 на французско-итальянском идиолекте Рустичано 1302 года [46, с. 133–136].

К 1938 году число выявленных рукописей возросло до 150. Артур Кристофер Моул и Поль Пеллио дают перечень из 150 манускриптов, в том числе фрагментарных [34, с. 509–516]:

фр.-ит. Рустичано	2 (BnF 1116 и 1 фрагмент, гл. XXXI–XXXIII)
лат. монаха Пипино	74
фр. деловой	20
венец.	19
тоscan.	18
итал.	4
нем.	5
исп.	1
ирл.	2
англ.	1
арагон.	1
каталон.	1
португ.	1
чеш.	1

Многие списки содержат произвольные добавления переписчиков, иногда очень большими кусками. Некоторые сделаны не с рукописей, а с печатных изданий.

Генри Юл [46, с. 88–102] и Луиджи Фосколо Бенедетто [42; 48] выполнили скрупулезный труд по текстологическому сопоставлению известных рукописей, а Л.Ф. Бенедетто составил также таблицу преемственности. Его классификацию и таблицу дополнил А.К. Моул [34, с. 40–49, 509–520]. Он подтвердил – ввиду утраты оригинала и первичных копий – приоритет французско-итальянской версии Рустичано в копии первой половины XIV века, хранящейся в настоящее время в Национальной библиотеке Франции в Париже под шифром Ms. Fg. 1116 и изданной в двухтомнике М.Г. Потье [45], а затем Л.Ф. Бенедетто с использованием других версий [42; 43]. На второе место поставлена утерянная итальянская версия, изданная Дж.Б. Рамузио в

1559 году [50. Репринт – 35]. На третье – опубликованная А.К. Моулом версия XV века из Кодекса Дзелада, хранящегося в библиотеке Кафедрального собора Св. Марии в Толедо, представленная также в поздней копии, находящейся в Амброзианской библиотеке в Милане. Особо стоят тосканские версии XIV века, использованные в реконструкции Л.Ф. Бенедетто, переработанной Валерией Бертолуччи Пиццоруссо с участием Джорджо Раймондо Карбони [43].

А.К. Моул, профессор синологии в Кембридже, один из лучших издателей сочинения Марко Поло, довольно верно раскрыл его достоинство как автора и специфику его труда: «В Англии мы называли его «Путешествия Марко Поло» с той же уверенностью, с которой итальянцы называли его «Миллион», и столь же мало обоснованно. Ибо это не история путешествий Марко Поло... но основополагающая книга научной географии. Это серьезное и бесценное описание – от страны к стране и от города к городу – значительной части средневековой Азии, оживляемое лишь несколькими умело рассказанными историями, – но они не являются рассказами о путешествиях Марко Поло»⁸. Это верно. И потому еще в 1574 году Джованни Баттиста Рамузио, публикуя основные версии труда Марко Поло, квалифицировал его как географическую энциклопедию. Следуя ему, А.К. Моул и Поль Пеллио в 1938 году дали своему переводу более точное английское название: «The Description of the World» – «Описание мира». Да и мы знаем это сочинение в русском переводе как «Книгу о разнообразии мира».

Прибавления Рустичано и переписчиков

По большей части эти прибавления (помимо оставляемых в стороне повсеместных художественных украшений) извлечены Дж.Б. Рамузио из несохранившихся копий, но многие – анахроничные по своему содержанию – выявлены в списках, сделанных через двести-триста, а то и больше лет. Отметим основные, а именно те, которые воочию демонстрируют, что не все в книге Марко Поло стоит принимать за чистую монету, отчеканенную им самим. По главам:

Глава I. Обращение к государям и императорам, герцогам и маркизам, графам, рыцарям и гражданам... и похвала рассказчику, – буквальная цитата из упомянутого выше романа Рустичано о легендарном короле Артуре, скомпилированного на основе рукописей, которые были у Эдуарда I во время крестового похода. Роман начинается теми же словами, что и книга Марко Поло. У Марко: Государи и императоры, короли, герцоги и маркизы, графы, рыцари и граждане и все... В романе: Seingneur enperaor et rois, et princes et dux, et quenz, et baronz, civalier et vauvasor, et borgiois, et tous le preudome de ce monde... [53].

Глава VIII. Велел потом великий хан изготовить на турецком языке грамоты для отправки к апостолу, передал их братьям и тому князю, да поручил

⁸ In England we have called it «The Travels of Marco Polo» as resolutely as the Italians have called it «Il Milione», and with as little reason. For it is not the story of Marco Polo's travels... but the pioneer of scientific geography. It is a serious and invaluable description country by country and town by town of a large part of medieval Asia, relieved by a few well-told stories – but they are not stories of Marco Polo's travels [34, c. 40].

им также и на словах сказать от своего имени апостолу. В посольской грамоте да в словах значилось, знайте, вот что: просил великий хан апостола к нему *около ста христиан, умных, в семи искусствах сведущих, в спорах ловких*, таких, что смогли бы *идолопоклонникам и людям других вер толком доказать, что идолы в их домах, которым они молятся, – дело дьявольское, да рассказали бы язычникам умно и ясно, что христианство лучше их веры* [вместо вероятного: что смогли бы изложить суть их веры].

Поручил также великий хан братьям привезти масла из лампы, что у Гроба Господня в Иерусалиме, *потому что много почитал Иисуса Христа и верил, в него, как в истинного Бога*.

Глава XIX. Дал он им также поручение к апостолу, к *французскому да испанскому королям и к другим христианским владетелям и к королю английскому*.

Глава XX. Здесь описывается Малая Армения. Добавлено: На юг обетованная страна (Палестина) подчинена сарацинам. На север туркоманы, что зовутся караманами (турки); на северо-восток Кайсария (Кайсери), Севаст (Сывас) и многие другие города, подчиненные татарам: на запад море, по нем идут в христианские страны. Второе добавление – о Ноевом ковчеге.

Главы XXVII–XXX о Багдадском чуде с передвижением горы силой веры – христианская легенда.

Глава XXXI – о крепости Кала Атаперистан, а по-французски «крепость огнепоклонников».

Глава XXXIII. Пшеницы, ячменя, пшени, всякого хлеба, вина и всяких плодов у них много. Добавлено: Могут возразить, что сарацины не пьют вина; это запрещено им их законом; на это отвечаем, они толкуют текст вот как: если вино вскипятить на огне, оно частью испарится и станет сладким, и тогда можно его пить, не нарушая заповеди, потому они не зовут его более вином; оно изменило вкус и называется уже иначе.

Глава LXXXa, дополнительная, «Как великий хан, одержав победу, вернулся в Камбалу, как он почитал празднества, христиан, иудеев, магометан и идолопоклонников и почему он не стал христианином». В ней Хубилай просит старших Поло привести от папы римского богословов: «Вы идите к папе, попросите его от меня прислать сюда сто человек, сведущих в вашем законе, которые могли бы перед лицом язычников осудить их деяния, и сказали бы им, что и сами умеют и могут делать то же, но не хотят, потому что свершается это с помощью дьявола и злых духов, и довели бы их до того, что язычники не могли бы творить чудес в их присутствии. Когда я это увижу, обличу язычников и их закон и приму крещение; если же я крещусь, все мои князья и старшины крестятся, примут крещение и их подвластные; и христиан будет здесь больше, нежели в ваших местах».

Глава XCVI. Прибавление о ценности бумажных денег: «Эти бумажки выпускаются с такой важностью и торжественностью, как будто бы они были из чистого золота или серебра; над каждым родом бумажек поставлено много чиновников, назначенных для того, чтобы подписывать свои имена и прикладывать свои печати. Когда все приготовлено как следует, тогда главный чиновник, назначенный государем, окрашивает киноварью вверенную ему печать и прикладывает ее к бумажке, так что форма ее отпечатывается на по-

следней красным; после этого монета считается подлинной. Если бы кто подделал монету, он был бы подвергнут смертной казни».

Глава CXXXV. Прибавлено заметки о девственности невест и о верованиях китайцев в 48 идолов.

Глава CLVI. Город Фучжоу (Фути). Показывая пальцем на эту главу, Фрэнсис Вуд, обвиняющая Марко Поло в том, что он вообще не был в Китае, а издателей – в том, что они раздули его небольшую книжку рассказов в гротеск, привирает, кроме прочего, утверждая, что к этой главе имеется многостраничное прибавление об охоте. На самом деле у этой главы вообще никаких прибавлений нет.

Глава CLVII. Скажу вам еще, что у здешних жителей свой особый язык. Прибавлено: Надо знать, что во всей провинции Манги один язык и один способ письма, но есть разнообразие в наречиях по местности, как (у нас) наречия генуэзцев, миланцев, флорентийцев и неаполитанцев: говорят различно, но все-таки могут понимать друг друга.

Глава CLX. Прибавлено описание особого монгольского вида смертной казни: «...убивают людей, совершивших какое-нибудь преступление, следующим образом. Им завертывают обе руки в кожу буйвола, только что снятую, и крепко сшивают ее; высыхая, кожа так сжимает тело, что человек никоим образом не может двигаться и так умирает жалкою смертью, не будучи в состоянии помочь себе».

Глава CLXXIV. Прибавлено: Относительно долгов у них есть такое правило. Если какой-нибудь должник много раз получит требование от своего кредитора и будет откладывать исполнение обещания со дня на день и если кредитору удастся когда-нибудь застать его и провести около него круг, то должник не смеет выйти из этого круга, пока не удовлетворит кредитора или не даст достаточного залога; иначе, если он выйдет из круга, он будет подвергнут смертной казни как нарушитель законов. Упомянутый господин Марко, когда возвращался домой и находился в этом царстве, увидел такой случай. Царь был должен некоторую сумму денег иностранному купцу; несколько раз к нему предъявлялось требование, но он все тянул дело обещаниями. Однажды, когда царь совершал прогулку верхом, купец воспользовался случаем и очертил круг около коня. Видя это, царь не захотел ехать дальше и не двинулся с места, пока не удовлетворил купца. Это видели стоявшие кругом люди; они были очень удивлены и говорили, что самый справедливый царь тот, кто сам подчиняется законам.

У кого есть дети мужского пола, те отпускают их из дома тотчас после достижения тринадцати лет и не позволяют им жить дома. Они говорят, что мальчики уже в состоянии добывать себе средства к жизни и заниматься торговлей; каждому дают 20 или 24 (венецианских) гроша или соответствующее количество других монет. Мальчики весь день не перестают перебегать от одного места к другому, покупают какую-нибудь вещь, потом продают ее. Во время ловли жемчуга они бегут к гавани, покупают у рыбаков или других людей пять или шесть жемчужин, сколько могут, приносят их купцам, остающимся дома из страха перед солнцем, и говорят им: «Это стоило мне столько-то; дайте мне такую прибыль, как вам будет угодно». Те дают им небольшую прибыль сверх цены, в которую им обошлись жемчужины. Так они поступают со многими другими вещами и становятся превосходными,

опытными торговцами. Потом они приносят домой своей матери все необходимое; та варит для них кушанье и делает все для них, но их еда ничего не стоит их отцу.

Глава CLXXV. Прибавлено: Легенда о добывании алмазов и других драгоценных камней с помощью орлов, известная по крайней мере с IV в.

Глава CXC. Много тут (на о. Сокотра) амбры. Прибавлено: Жители находят у берегов того острова много амбры, которая выбрасывается из желудка китов (кашалотов). Так как это дорогой товар, то жители идут ловить китов с зубчатыми железными дротиками, от которых кит, когда они вонзились в него, не может освободиться. К дроту привязана длинная веревка с бочонком, плывущим на поверхности моря; благодаря этому они знают, где найти кита, когда он околеет. Его притягивают к берегу, где из его желудка вынимают амбру, а из головы – достаточное количество бочек жира.

Глава CCXVII, несколько повторяющая и дополняющая главы LXIX–LXX, своим заключительным абзацем обеспечивает переход от «страны тьмы» к двум дополнительным главам – CCXVIII и CCXIX. В главе CCXVIII описываются «Великая Росия», или просто «Росия», упоминается страна «Лак» и указывается, что «Росия» простирается до Норвегии. А в главе CCXIX вскользь говорится о Великом (Черном) море с горой Фар / Фур при входе в него на западе. Эти дополнительные главы прибавлены в XVIII веке. Глава CCXIX особенно обширна в латинском Кодексе Дзелады⁹, где приведены поздние скабрзные анекдоты о русских.

Главы CCXX–CCXXXII, дополнительные главы о западных татарах, войне Берке против Хулагу, о Туда-Менгу, Токта хане и Ногае. Эти главы написаны в духе и в выражениях упомянутого выше романа Рустичано о легендарном короле Артуре. Последнее по времени описываемое в этих главах событие – поражение хана Токты от темника Ногая, который ранее помог ему возглавить ханство. Битва состоялась в 698 году хиджры (1297–1298) между Доном и Волгой. Что касается источника сведений Марко Поло о «западных татарах», то он остается невыясненным. Но поскольку сведения обрываются на этом событии и не включают более ярких эпизодов 1298 года (убийство в Кафе Актаджи, сына дочери Ногая, и месть Ногая – разграбление им крымских городов, в частности разгром Судака¹⁰), можно все-таки предполагать, что факты почерпнуты самим Марко Поло из устных рассказов до его пленения генуэзцами при Курцале 8 сентября 1298 года, а романтическое описание свершений и героической личности Ногая обязаны писательской фантазии Рустичано.

⁹ Франческо Саверио де Дзелада, 1717–1801, итальянский куриальный кардинал. Печатные книги из его собрания переданы в библиотеку Ватикана, рукописи – в Кафедральный собор Св. Марии в Толедо. Список с этой рукописи хранится в Амброзианской библиотеке в Милане.

¹⁰ Очевидец под датой 20 декабря 1298 года сообщает: «пришло Ногаево войско» [1, с. 596]. Подробное описание разгрома со ссылкой на купцов, прибывших из Судака в мае 1299 года, дает египетский историк ал-Мудаффал [14, с. 195].

Завещание Марко Поло, продиктованное после смерти

В возрасте около 70 лет Марко Поло составляет завещание и распределяет немалое наследство между тремя дочерьми, уделяя надлежащую часть городу, церкви, духовнику и отпущенному на свободу рабу Петру из Татар. И уходит из жизни, оставив еще пару загадок.

Первая загадка – предположительно 2 большие золотые пайцзы, если именно так понимать выражения *chaueço grando di seda tola i dora* и *tolaj.doga granda di comandamento* в перечне золотых вещей (золотая чашечка с мускусом, золотое ожерелье с жемчугом и под.) в посмертной описи имущества Марко Поло, копия которой имеется в документе от 13 июля 1366 года [34, с. 555, 556]. Вспомним, что, возвращаясь от Хубилая в первый раз, Матео, Николо и посол-татарин получили от него 1 золотую дорожную пайцзу (глава IX). При возврате всех троих Хубилай выдал им 2 дорожных пайцзы «с повелениями», о которых, правда, не сказано, что они тоже золотые (глава XIX). А ильхан Гайхату на дорогу из Тебриза выдал им 4 золотые пайцзы: 2 с кречетом, 1 со львом и 1 простую (глава XIX). Матео Поло в своем завещании от 6 февраля 1309/1310 года дает распоряжение относительно 3 золотых таблиц, выданных великим татарским ханом (*de tribus tabulis de auro que fuerunt magni chani tartarorum*) [34, с. 531].

Вторая загадка – не менее замысловатая. Завещание Марко Поло датировано 9 января 1323 года: *In nomine dei eterni amen anno ab incarnatione domini nostri ihesu xpisti Millesimo Trecentesimo vigesimo tercio menssis januarii die nono intrantis indicione septima Riualti* (Biblioteca Marciana. Cod. Lat. 58, 59. Collocazione 2437. 38. fol. 33) “In the year from the Incarnation of our Lord Jesus Christ 1323, on the 9th day of the month of January, in the first half of the 7th Indiction, at Rialto”. – Комментарий Генри Юла: *The legal Year at Venice began on the 1st of March. And 1324 was 7th of the Indiction. Hence the date is, according to the modern Calendar, 1324* [47, с. 69]. При этом в упомянутой копии описи его имущества указано, что умер он днем раньше – 8 января 1323 года: *In nome de dio, 1323 die 8 çener mori miser Marco polo* [34, с. 558].

Одни полагают, что Марко прожил еще ровно год, но другие склонны считать, что он ушел из жизни в тот же день, едва составив завещание, а нотариус поставил 9 число либо согласно традиции отсчета дней от захода солнца, либо оформляя чистовик для подписи следующим утром. Последнее находит обоснование в самом документе. В конце листа после удостоверяющей формулы с именем завещателя, перед именами духовника, свидетеля и нотариуса оставлено достаточно много пустого места для подписей и печатей, но, вместо этого, мы видим лишь стандартное выражение *notarius complevi et roboravi* «нотариус составил и заверил» и в начале строки с его именем – его же незамысловатый вензель.

Противоречивы и другие сведения о возрасте Марко Поло, содержащиеся в его книге. Николо и Матео из первой поездки возвратились в Венецию летом 1269 года – спустя 3 года после отъезда из Ханбалыка с Коготалом, который отстал из-за болезни через первые 20 дней. В момент возвращения отца Марко было, скорее всего, 15 лет: у Рустичано и большинстве старых рукописей XV, но издатель текста Рустичано прочел XII; Рамузио исправил на XIX. Значит ли это, что он родился в конце 1253 года – первой половине 1254 года, а Николо и Матео уехали из дому весной-летом 1253 года и что летом

1271 года, в начале второй поездки ему было 17 лет, весной 1275 – 21 год, летом 1292 года – 38 лет, а летом 1295 года – 41 год? И значит ли это, что он умер в 70 лет или что ему шел 70-й год?

Марко Поло и открытие Америки

Среди 5 раритетов Христофора Колумба в Библиотеке Колумбина в Севилье хранится экземпляр книги Марко Поло в латинском переводе Франческо Пипино – El ejemplar de la traducción al latín de Francesco Pipino anotado por Cristóbal Colón [41]. Инкунабула эта была напечатана в 1483 или 1484 году в Гауде (Нидерланды) либо уже в Антверпене (Бельгия), куда переехало издательство Герарда Леу. На его полях обнаружено 366 заметок, приписываемых Колумбу на основании сходства почерка, стиля и соответствия его интересам [24, с. 155].

В дневнике первого путешествия за 21 октября – 1 ноября 1492 года и далее Колумб пишет о достижении Японии и Китая, аргументируя свое заключение тождеством увиденного с тем, что об этих странах ранее узнал из описаний Марко Поло, хотя он и не называет его имени. Поэтому острова и города на побережье «материка» предстают у него под названиями, заимствованными из этого издания книги Марко Поло, а могущественный правитель, против которого борются местные индейцы, именуется «великим ханом», подобно Хубилаю у Марко Поло.

В 1514 году португальские корабли достигают Кантона – города Гуанчжоу на юге Китая. И привозят оттуда «китайские яблоки», называемые португальцами «портакал». За ними последовали голландцы, от которых мы переняли нынешнее слово с тем же значением – апельсин. Интенсивно развивается сеть транспортных артерий, именуемая употребляемым и сегодня названием Шелковый Путь. Но задолго до этого Серики (Страна Шелка, или Китай) и Сина (южный, приморский Китай) не понаслышке были знакомы месопотамцам, египтянам и европейцам, а античные шелковые пути – Аристотелю (384–322 гг. до н.э.) и Клавдию Птоlemeю (100–170 н.э.).

Далекие земли у пределов Гога и Магога – Йаджудж и Маджудж известны и средневековым европейским, арабским и персидским географам. Подробно обозначены они, к примеру, в сочинении «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям», иначе «Отрада страстно желающего пересечь мир») арабского географа ал-Идриси 1154 года и на его подробнейшей карте мира, составленной для короля Сицилии Рожера на 70 листах. Иными словами, в качестве новооткрытого часто выступает старое, но давно забытое вследствие исторических катаклизмов.

К сожалению, Христофор Колумб, великий мореплаватель и благодарный читатель Марко Поло, совершивший еще 3 экспедиции в Новый Свет, так и не понял, что на самом деле за Японию и Китай венецианца он принял Багамские острова и Кубу, а Панамский перешеек и Южную Америку – за Индию. Да и мы все еще называем аборигенов Америки индейцами.

Карты дочерей Марко Поло

В связи с юбилейными празднествами открытия Америки волна за волной появлялись многочисленные публикации, оспаривающие приоритет Христофора Колумба и Америго Веспуччи и приписывающие открытие Нового Света китайским, японским и прочим мореплавателям, в том числе – нашему Марко Поло.

В 5 выпуске журнала «Imago Mundi» за 1948 год, основанном Лео (Львом Семеновичем) Багровым, эмигрировавшим в 1918 году из Санкт-Петербурга в Берлин, а затем в Швецию и издавшим фундаментальные монографии по истории мировой и русской картографии [2; 3], к одному из юбилеев открытия Америки им была опубликована ошеломительная статья о семи картах из архива Марко Поло, а также относящихся к этим картам записках. Те и другие составили служивший у Марко «сирийский капитан и торговец Сирдомап» и дочери Марко Поло Фантина, Беллела и Моретта. Вот эти документы: карта и текст Сирдомапа, хроника Беллелы Поло, карта с кораблем, карта «Pantect», ключ к карте «Pantect» (позже утрачен), 2 карты Фантины Поло, 2 карты Моретты Поло, хроника Лоренцо Поло и другие, более поздние материалы. В цитате из письма обладателя этих материалов к Л. Багрову от 14 января 1948 года сообщается, что адмирал Руджеро Сансеверино, выпускник мореходного училища в Амальфи (Салерно, Кампания), получил их лично от Марко Поло, затем их унаследовал Руберт Сансеверино и так далее, пока наконец они не были привезены в Калифорнию прямым потомком адмирала Маркиано Филомено Эмануэле Росси. Имя Сансеверино в данной коллекции документов указывает, видимо, не на коммуну Сан-Северо в Апулии, а на церковь Сан-Северо, тоже посвященную епископу Северу Неаполитанскому, в приходе которой в Венеции Поло жили до покупки усадьбы Виллионе / Милионе.

О Маркиано Росси известно, что родился он 7 октября 1870 года в Латинне, в Италии, приехал в США в 1889 году, жил в Санта-Кларе, в Калифорнии, и умер там же 13 октября 1948 года¹¹. В Сан-Хосе, в Калифорнии, в 1920 году опубликовал фантастическую повесть «A Trip to Mars» – «Поездка на Марс»¹². В 1933 году представил Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне фотокопию одной из своих карт, а затем оригиналы двух карт, из которых библиотека предпочла карту с кораблем. При этом экспертом отмечено, что это – копия XVII века с оригинала XIV века. Именно она сейчас доступна для всеобщего внимания на библиотечном сайте¹³.

На левой половине лицевой стороны этого обрезанного листа пергамента – виньетка вроде беседки, увитой плющом и розами. Этот рисунок прежде занимал весь лист: он выходит за его нынешние края, а внизу и справа выскоблен, а затем еще и смыт и заменен легендой и щитом с картой, когда кожа, видимо, еще не успела полностью просохнуть. В сохранившемся левом проеме беседки – набросок шхуны. Под ним – монограмма и полуразмытая

¹¹ http://www.sf-encyclopedia.com/entry/rossi_marcianus_f; <http://www.isfdb.org/cgi-bin/ea.cgi?132506>.

¹² <https://archive.org/details/triptomars00ross>.

¹³ Лицевая сторона: <http://hdl.loc.gov/loc.gmd/g7800.ct001372r>; оборотная сторона: <http://hdl.loc.gov/loc.gmd/g7800.ct001372v>.

легенда к карте на венецианском диалекте с дополнением (*даем курсивом*): «MARCO POLO. I. Индия и соседние острова, как об этом говорят сарацины. II. Каттигара Тартарии (Кантон Китая), Япония и соседние острова. III. Полуостров Морского Льва (Камчатка). IV. Острова, примыкающие к Оленьему полуострову (Алеутские острова и Аляска), отстоящие на 2–4 часа [долготы] от обнесенных стеной провинций Тартарии (Китай)».

На очищенной правой половине – геральдический щит между двух копий, увенчанный симметричными завитками аканта с розеткой между ними. Внутри розетки – чуть ли не радиоактивный компас Владимира Николаевича Адрианова 1907 года с мушкой, целиком и тормозом (арретиром); на циферблате, правда, не одна стрелка, а крестообразная картушка: от чашечки в центре круга к его краям идут 4 типографские стрелки с шипами-усиками; шипы северной соединены в сторону вершины под тупым углом. Стороны света не обозначены. Это, конечно, не компасная звезда с четырьмя лучами, появившаяся на картах гораздо позже, и не изображение какого-то из двух магнитных компасов с градуированной на 360° шкалой пикардийского дворянина Пьеро из Марикура (Petrus / Pierre de Maricourt) по прозвищу Перегрин, описанных им в письме другу, рыцарю Сигеру из Фукокура от 8 августа 1269 года, а также не рисунок усовершенствованного компаса Флавио Джоя из Амальфи 1302 года с легкой картушкой на 16 румбов, прикрепленной к магнитной стрелке, надетой на вертикальную шпильку.

На щите – контурная карта вроде школьной, но без градусной сетки, равно как и без роз ветров и румбов. Впрочем, эти обозначения можно считать необязательными. Зато довольно похоже очерчены острова Малайского архипелага, Индокитай, Китай, Корея, четыре Японских острова (Кюсю, Сикоку, Хонсю и Хоккайдо), Сахалин, пять Курильских островов, Камчатка, десяток Алеутских островов, вся Чукотка, вся Аляска и северная часть западного побережья Северной Америки. Бросаются в глаза надписи доморощенными псевдоарабскими каракулями и иероглифами вроде китайских.

Оборотная, то есть внешняя сторона карты выглядит сильно изношенной, особенно на продольных сгибах, и имеет следы смывания чернил. Видно, что ее сначала складывали вдвое, заворачивая вовнутрь верхний и нижний края, а затем вдоль сворачивали в трубочку. В то же время, рисунки и тексты на внутренней, лицевой стороне карты следов износа не имеют, и даже их контуры, четко проступающие на оборотную сторону, тоже несколько не нарушены. Нельзя не заметить, что изображения и тексты на обеих сторонах нанесены разными перьями, стилусами, рейсфедерами и по-разному разбавленными чернилами.

Среди записей на обороте поражает своей откровенностью оставленная без должного внимания выразительная английская надпись с именем составителя карты и датой: Mfr. Marciano F. Rossi May 10. 1943, где Mfr. = Manufacturer, а никак не Mister «мистер, господин» (стандартное сокращение – Mr.), как представлено издателем, то есть: «Изготовитель Маркиано Ф(иломено) Росси. 10 мая 1943 года».

Указанных наблюдений вполне достаточно, чтобы признать данную карту палимпсестом, а документ в целом – подделкой нового времени. В связи с этим стоит поделиться еще одной догадкой.

В легендах карт и записках говорится, что в составлении карт Марко Поло принимал участие сириец по имени *Biaxio Sirdomap / Sirdumap*. Имя *Biaxio* сравнивали с ит. *Biagio*, но толком это сочетание не разъяснено. И думается, вот почему: это замысловатое имя – выложенный на самое видное место ключ, код к умопомрачительному фейку писателя-фантаста либо другого предприимчивого эрудита, решившего заработать на фальшивке под юбилейную шумиху открытия Америки или, по крайней мере, сыграть в чепуху от его имени и одурачить легковверных ученых. Конечно, это не столь изощренный шедевр, как акrostихи Дионисия Гераклеяского в его поддельной трагедии «Парфенопей» («Παρθένοπαῖος»), приписанной Софоклу. Гераклид Понтийский поверил, что автор трагедии – Софокл, и неистово доказывал самому Дионисию подлинность его же подложной пьесы. Согласно Диогену Лаэртскому («Жизнь, учения и изречения знаменитых философов», кн. 5, 92–93), Дионисий в доказательство своего авторства указал ему на умышленно скомпонованные два акrostиха: первые буквы начальных строк трагедии составляли имя Панкала, в которого Дионисий был влюблен, а начальные буквы второго акrostиха – издевательский диалог:

– На старых обезьян ловушек нет.

– Есть и на них: дай срок, и попадутся.

А затем прибавил: «И не стыдно тебе, Гераклид, что ты и буквы складывать разучился?».

Ключ нашего фальсификатора составлен попроще:

Biaxio Sirdomap / Sirdumap =

Be [BI:] An eXpert In all [C:I], SIR, to DO / [DU:] a MAP =

Be an expert in all things, Sir, to do a map

Будь(те) экспертом во всем, сэр, чтобы справиться с картой.

Благодаря сенсационной «коллекции Маркиано Росси» журнал Лео Багрова «*Imago Mundi*» и его основатель обрели мировую известность. Номер с его статьей и сегодня продается успешнее других – за \$110, а за скан одной лишь этой 11-страничной статьи продолжают взимать \$46. По этим материалам написано немало положительных научных статей в разных странах, а в Институте искусств в Торонто даже защищена докторская диссертация, в продолжение которой в Чикаго опубликована солидная монография, превозносящая их историческую ценность [37]. Сам же Лео Багров в серьезных трудах по картографии избегает даже упоминания о своем поразившем мир открытии. И причина вынужденного умалчивания, как можно догадаться, – во вполне осознаваемой подложности опубликованных им карт и записок. Так сказать, бизнес – отдельно, наука – отдельно.

В заключение бросим взгляд в будущее. Многократно издававшийся русский перевод книги Марко Поло, выполненный и прокомментированный И.П. Минаевым и снабженный примечаниями В.В. Бартольда и И.П. Магидовича, на который у нас опираются, превосходен и, очевидно, не утратит ценности до тех пор, пока его место не займет новый – с учетом упомянутого сводного английского перевода А.К. Моула, учитывающего практически все рукописи и первоиздания и снабженного креативными комментариями Поля Пеллио. Надеемся, что тот, кто возьмет на себя этот нелегкий труд, сумеет с честью отделить зерно от мякины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антонин, архимандрит (Капустин)*. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5, 1863.
2. *Багров Л.* История картографии. М.: Центрполиграф, 2004.
3. *Багров Л.* История русской картографии. М.: Центрполиграф, 2005.
4. *Бергрин Л.* Марко Поло: От Венеции до Ксанду / Пер. Г. Соловьевой. М.: АСТ: Астрель, 2011.
5. *Верн Ж.* История великих путешествий. В трех книгах. Книга 1: Открытие Земли / Пер. Е.П. Брандиса. М.: Альбина, Престиж Бук, 2007.
6. *Джиованни дель Плано Карпини.* История Монгалов. *Гильом де Рубрук.* Путешествие в Восточные страны / Пер. А.И. Малеина. М.: Госгеоиздат, 1957.
7. *Кафаров П.* Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на Путешествие Марко Поло по Северному Китаю. С предисловием Н.И. Веселовского. СПб., 1902.
8. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.
9. *Поло Марко.* Книга Марко Поло / Пер. старофранцузского текста И.П. Минаева. Редакция и вступительная статья И.П. Магидовича. [Примечания В.В. Бартольда]. М.: Госгеоиздат, 1956.
10. *Поло Марко.* Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р.Х. Алма-Ата: Наука, 1990.
11. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 3 / Пер. А.К. Арэндса. Под редакцией А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса и А.Ю. Якубовского. М.–Л.: АН СССР, 1946. Репринт: Рашид-ад-Дин Фазуллах. Джами-ат-таварих. Баку: Изд-во АН АзССР, 1957; Баку: Нагыл Еви, 2011.
12. *Северцов Н.А.* Аркары (горные бараны) // Природа, 1873, кн. 1. С. 144–245.
13. *Северцов Н.А.* Путешествия по Туркестанскому краю и исследования горной страны Тянь-Шаня. СПб., 1873. С. 247–248.
14. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.
15. *Шильтбергер Иван.* Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год / Пер. Ф.К. Бруна. Одесса, 1867.
16. *Эрс Ж.* Марко Поло. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
17. *Юрченко А.Г.* Книга Марко Поло: Записки путешественника или имперская космография. СПб.: Евразия, 2007.
18. *Baldelli Boni G.B.* Vita di Messer Marco Polo Viniziano scritta dal conte Gio. Batt. Baldelli Boni. Firenze: Da'torchi di Giuseppe Pagani, 1827.
19. *Benedetto G.* Le cento novelle antiche. Anonimo. Secondo l'edizione del 1525 [di Girolamo Benedetti]. Corrette ed illustrate, con note. Milano: Rusconi, 1825.
20. *Bonardi G.* Un documento archeologico cristiano del secolo XIV scoperto in Cina // L'Osservatore Romano, Città del Vaticano, 26 Aprile 1952.
21. *Cecchetti B.* Testamento di Pietro Vioni veneziano fatto in Tauris (Persia) MCCLXIV, X decembre // Archivio Veneto, ser. 1, vol. 26, 1883. P. 161–165.
22. *du Cange C.* Glossarium mediæ et infimæ latinitatis conditum a Carolo du Fresne domino du Cange. Editio nova aucta pluribus verbis aliorum scriptorum a Léopold Favre. Vol. V. Paris, 1938.
23. *Découverte de la terre: Histoire générale des grands voyages et des grands voyageurs,* publié en quatre volumes, les trois derniers en collaboration avec Gabriel Marcel. Vol. 1, 1870; Vol. 2, 1878; Vol. 3: Les grands navigateurs du XVIIIe siècle, 1879; Vol. 4: Les voyageurs du XIXe siècle, 1880 (rééd. 2011).
24. *Edwin George Beal Junior.* Concerning Marco Polo and Christopher Columbus: The Pipino Version // Journal of East Asian Libraries, 10, no. 1. 1993. P. 151–160.

25. *Gaunt S.* Marco Polo's Le Devisement du Monde: Narrative Voice, Language and Diversity. Cambridge: D. S. Brewer, 2013.
26. *Guillelmus Tripolitanus.* 1) Notitia de Machometo et de libro legis qui dicitur Alcoran et de continentia eius et quid dicat de fide Domini nostri Iesu Christi. 2) Tractatus de statu Sarracenorum et de Machometo pseudopropheta ipsorum eorum et de ipsa gente et eorum lege et fide, 1273 (Repr.: Wilhelm von Tripoli. Notitia de Machometo; De statu Sarracenorum / hrsg. und übers. v. Peter Engels. Würzburg, 1992 // Corpus Islamo-Christianum: Series Latina, 4). 3) Clades Damiatæ.
27. *Haeger J.W.* Was Marco Polo in China? Problems with internal evidence // Bulletin of Sung and Yuan Studies, 14, 1978. P. 22–30.
28. *Hommel F.* Zweihundert sumero-türkische Wortvergleiche als Grundlage zu einem neuen Kapitel der Sprachwissenschaft. München, 1915 (Handschrift).
29. *Jahn K.* Paper Currency in Iran: A Contribution to the Cultural and Economic History of Iran in the Mongol Period // Journal of Asian History, 4 (1970). P. 101–135.
30. *Jahn K.* Das Iränische Papiergeld: Ein Beitrag zur Kultur- und wirtschaftsgeschichte Irān's in der Mongolenzeit // Archiv Orientalní, 10 (1938). S. 308–340.
31. *Jahn K.* Rashid-ad-Dīn and Chinese Culture // Central Asiatic Journal, 1970, № 14.
32. *Littre É.* Dictionnaire de la langue Française par É. Littré, de l'Académie Française. T. 3. Paris, 1874.
33. *Lopez R.S.* Venezia e le grandi linee dell'espansione commerciale nel secolo XIII // La Civiltà Ceneziiana del secolo di Marco Polo. Venice: Sansoni, 1955. P. 37–84 (repr.: Storia della civiltà veneziana, Vol. 1, pp. 363–385).
34. *Moule A.C., Pelliot P.* Marco Polo. The Description of the World. Vol. I. London, 1938.
35. Navigazioni et Viaggi di Giovanni Battista Ramusio. Edizione di riferimento a cura di Marica Milanese, 6 voll. Torino: Einaudi, 1978–1988. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://docenti.lett.unisi.it/statici/RAMUSIO.pdf>.
36. *Olshin B.B.* A sea discovered: pre-Columbian conceptions and depictions of the Atlantic Ocean. University of Toronto, 1994.
37. *Olshin B.B.* The Mysteries of the Marco Polo Maps. Chicago, London: University of Chicago Press, 2014. (Со ссылкой на: Bagrow Leo. The Maps from the Home Archives of the Descendants of a Friend of Marco Polo // Imago Mundi, 5, 1948, pp. 3–13; Black John. 1) A Note on Three Polo Maps // Felicitation Volumes of Southeast-Asian Studies Presented to His Highness Prince Dhaninivat Kromamun Bidyalabh Bridhyakorn on the Occasion of His Eightieth Birthday, Vol. 2, 1965, BE 2508, pp. 348–349, fig. 1–6; 2) Marco Polo Documents Incorporated in the Felicitation Volumes of Southeast Asian Studies // Journal of the Siam Society, Vol. 70, parts 1–2, 1982, pp. 13–34).
38. *Olshki L.* Marco Polo's Asia. University of California Press, 1960.
39. *Orlandini G.* Marco Polo e la sua famiglia // Archivio Veneto-Tridentino, Vol. IX, 1926. P. 1–68.
40. *Petech L.* Les marchands italiens dans l'empire Mongol // Journal Asiatique, Vol. 250, 1962. P. 549–574.
41. *Polo Marco.* El libro de viajes de Marco Polo. Impresa en la ciudad holandesa de Gouda por Gerardus Leeu, ca. 1483/1484.
42. *Polo Marco.* Il milione [di] Marco Polo. A cura di Luigi Foscolo Benedetto. Firenze: L.S. Olschki, 1928.
43. *Polo Marco.* Il libro di messer Marco Polo cittadino di Venezia detto Milione dove si raccontano le meraviglie del mondo; ricostruito criticamente e per la prima volta integralmente tradotto in lingua italiana da Luigi Foscolo Benedetto. Milano, Roma: Treves-Treccani-Tumminelli, 1932. (Переработанное, расширенное и исправленное издание: Marco Polo. Milione. Versione toscana del Trecento. Edizione critica a cura di Valeria Bertolucci Pizzorusso. Indice ragionato di Giorgio Raimondo Cardona. Milano: Adelphi, 1975, 1982, 1994, 2003).

44. *Polo Marco*. Il milione di Marco Polo: testo di lingua del secolo decimoterzo ora per la prima volta pubblicato ed illustrato dal conte Giovanni Battista Baldelli Boni. T. 1–2. Firenze: Da'torchi di G. Pagani, 1827.
45. *Polo Marco*. Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise, conseiller privé et commissaire impérial de Khoubilaï-Khaân. Rédigé en français par Rusticien de Pise / Publié par M.G. Pauthier. 2 parties. Paris: Librairie de Firmin-Didot frères, fils et c., 1865.
46. *Polo Marco*. Ser Marco Polo. Notes and Addenda to Sir Henry Yule's Addition, Containing the Results of Recent Research and Discovery, by Henri Cordier. London: John Murray, 1920.
47. *Polo Marco*. Ser Marco Polo, the Venetian, Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. Newly Translated and Edited, with Notes, Maps, and other Illustrations by Colonel Henry Yule. In two volumes. Vol. I. Second edition, revised. London: John Murray, 1875.
48. *Polo Marco*. The Travels of Marco Polo / Translated into English from the text of L.F. Benedetto by Aldo Ricci, with Introduction and Index by E. Denison Ross. London, 1931.
49. *Polus Marcus*. Chorographia Tartariae: oder warhafftige Beschreibung der uberaus wunderbahrlichen Reise, welche ... Marcus Polus, mit dem zunahmen Million ... in die Oriental und Morgenländer, sonderlich aber in die Tartarey ... verrichtet ... / alles aus dem Original, so in Italianischer Sprach beschrieben, ... verteutschet, auch mit Kupfferstücken geziehret, durch Hieronymum Megiserum. Leipzig: in vorlegung Henning Grossen des Jüngern, 1611.
50. *Ramusio Giovanni Battista*. Secondo Volume delle Navigationi et Viaggi. Venetia: Stamperia de Giunti, 1559, 1573, 1574, etc. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.bibliotecaitaliana.it/indice/visualizza_testo_html/bibit001323.
51. *Rouleau F.A.* The Yangchow Latin Tombstone as a Landmark of Medieval Christianity in China // Harvard Journal of Asiatic Studies. 17 (3/4). Harvard-Yenching Institute, 1954. P. 346–365.
52. *Rudolph C.R.* A Second Fourteenth-Century Italian Tombstone in Yangzhou // *Journal of Oriental Studies*, 13, №2, 1975. P. 133–136.
53. *Rustichello da Pisa*. Il romanzo arturiano / Le Roman de Meliadus. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://dante.di.unipi.it/ricerca/html/rar.html>.
54. *Schiltberger Hans*. Hans Schiltbergers Reisebuch nach der Nürnberger Handschrift herausgegeben von Dr Valentin Langmantel. Tübingen, 1885.
55. *Schiltberger Hans*. Reisen des Johannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427 / Hrsg. Karl Friedrich Neumann. München, 1859.
56. *Vogel H.U.* Marco Polo Was in China: New Evidence from Currencies, Salts and Revenues. Leiden, Boston: Brill, 2013.
57. *Voyageurs anciens et modernes* / Par Édouard Charton. 4 tomes. Vol. I: Voyageurs anciens depuis le cinquième siècle avant Jésus-Christ jusqu'à la fin du quatrième siècle de notre ère; Vol. II: Voyageurs du Moyen Âge depuis le sixième siècle de l'ère chrétienne jusqu'au quatorzième; Vol. III: Voyageurs modernes. Quinzième siècle et commencement du seizième; Vol. IV: Voyageurs modernes. Seizième, dix-septième et dix-huitième siècles, 1854–1857 (rééd. 1861–1863).
58. *Wood F.* Did Marco Polo Go to China? London: Secker & Warburg, 1995 (reprint: Boulder (Colorado): Westview Press, 1996).
59. *Zhang Y.* La representation de la Chine dans les Voyages de Marco Polo d'Alain Grandbois. Université du Québec, 1992.

Сведения об авторе: Александр Николаевич Гаркавец – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Казахского научно-исследовательского института культуры Министерства культуры и спорта Республики Казахстан (Алматы, Казахстан). E-mail: qurpchaq@gmail.com

Поступила 18.05.2017 Принята к публикации 16.08.2017
Опубликована 30.09.2017

REFERENCES

1. Antonin, archimandrit (Kapustin). *Zametki XII–XV veka, odnosyashshiesya k krymskomu gorodu Sugdee (Sudaku), pripisannyye na grecheskom Synaxare* [Notes of the 12th–15th centuries relating to the Crimean town Sugdeya (Sudak) added to the Greek Synaxarion] *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnost'ey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. 5, 1863. (In Russian).
2. Bagrow L. *Istoriya kartografii* [The History of Cartography]. Moscow, Centrpoligraph, 2004. (In Russian).
3. Bagrow L. *Istoriya russkoy kartografii* [The History of Russian Cartography]. Moscow, Centrpoligraph, 2005. (In Russian).
4. Bergreen Laurence. *Marko Polo: Ot Venetsii do Ksandu* [From Venice to Xanadu]. Translated by G. Solovyova. Moscow, AST: Astrel, 2011. (In Russian).
5. Verne Jules. *Istoriya velikikh put'eshestviy* [History of Great Travels]. In. 3 Books. Book 1: *Otkrytiye Zemli* [Discovery of the Earth]. Translated by E.P. Brandis. Moscow, Al'dina, Prestige Book, 2007. (In Russian).
6. Giovanni del Plano Carpini. *Istoriya Mongalov*. Guillaume de Rubrouck. *Put'eshestviye v vostochnyye strany* [Giovanni del Plano Carpini. History of the Mongals. William of Rubruck. A Travel to the Eastern Countries. Transl. by A.I. Malein]. Moscow, Gosgeoizdat, 1957. (In Russian).
7. Kafarov P. *Commentariy archimandrita Palladiya Kafarova na put'eshestviye Marco Polo po Severnomu Kitayu. S predisloviyem N.I. Veselovskogo* [Elucidations of archimandrit Pallady Kafarov of the Marco Polo's Travels in Northern China. With an Introduction by N.I. Veselovsky]. St. Petersburg, 1902. (In Russian).
8. Kryukov M.V., Malyavin V.V., Sofronov M.V. *Etnicheskaya istoriya kitaytsev na rubezhe srednevekovya i novogo vremeni* [Ethnic Chinese history at the turn of the Middle Ages and modern times]. Moscow, 1987. (In Russian).
9. Polo Marco. *Kniga Marko Polo*. Perevod starofrantsuzskogo teksta I.P. Minaeva. Redaktsiya i vstupidelnaya statya I.P. Magidovicha. Primechaniya V.V. Bartolda. [Marco Polo's Book. Transl. from an Old French Text by I.P. Minaev. Edition and Introduction by I.P. Magidovich. Commentaries by V.V. Bartold]. Moscow, Gosgeoizdat, 1956. (In Russian).
10. Polo Marco. *Kniga Marko Polo o raznoobrazii mira, zapisannaya pizantsem Rustikano v 1298 g. ot R.Kh* [The Marco Polo's Book on the Diversity of the World, script by Rusticiano of Pise in 1298 A.D.]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1990. (In Russian).
11. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey*. Per. A.K. Arends. Pod red. A.A. Romaskevicha, Ye.E. Bertelsa i A.Yu. Yakubovskogo [Rashid-ad-Din. The Jāmi' al-tawārīkh. Compendium of Chronicles. Vol. 3. Transl. by A.K. Arends. Ed. by A.A. Romaskevich, Ye.E. Bertels and A.A. Yakubovsky]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1946 (Repr.: Rashid al-Din. Jāmi' al-tawārīkh. Baku, Acad. of Sciences of AzSSR, 1957; Baku, Nagyl Evi, 2011). (In Russian).
12. Severtsov N.A. *Arkary (gornyye barany)* [Arkars (Mountain Sheeps)]. *Priroda* [The Nature], 1873, Book 1, pp. 144–245. (In Russian).

13. Severtsov N.A. *Puteshestviya po Turkestanскому krayu i issledovaniya gornoy strany Tyan'-Shan'a* [Traveling on Turkestan Region and Study the Mountainous Country of Tien Shan]. St. Petersburg, 1873, pp. 247–248. (In Russian).
14. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashshikhsya k istorii Zolotoy Ordyy* [Tiesenhausen V.G. The collection of materials relating to the history of the Golden Horde]. Vol. 1. St. Petersburg, 1884. (In Russian).
15. Schiltberger H. *Puteshestvie Ivana Shiltbergera po Yevrope, Azii i Afrike s 1394 goda po 1427 god* [Hans Schiltberger's Travel to Europe, Asia and Africa from 1394 till 1427]. Transl. by F.K. Brun. Odessa, 1867. (In Russian).
16. Heers J. *Marco Polo* [Marco Polo]. Rostov-on-Don, Phoenix, 1998. (In Russian).
17. Yurchenko A.G. *Kniga Marco Polo: Zapiski puteshestvennika ili imperskaya kosmografiya* [Marco Polo's Book: Traveller's notes or imperial cosmography]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2007. (In Russian).
18. Yurchenko A.G. *Kniga Marco Polo: Zapiski puteshestvennika ili imperskaya kosmografiya* [Marco Polo's Book: Traveller's notes or imperial cosmography]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2007. (In Russian).
19. Baldelli Boni G.B. *Vita di Messer Marco Polo Viniziano scritta dal conte Gio. Batt. Baldelli Boni*. Firenze: Da'torchi di Giuseppe Pagani, 1827. (In Italian)
20. Benedetto G. *Le cento novelle antiche*. Anonimo. Secondo l'edizione del 1525 [di Girolamo Benedetti]. Corrette ed illustrate, con note. Milano: Rusconi, 1825. (In Italian)
21. Bonardi G. Un documento archeologico cristiano del secolo XIV scoperto in CiCina. *L'Osservatore Romano*. Città del Vaticano, 26 Aprile 1952. (In Italian)
22. Cecchetti B. Testamento di Pietro Vioni veneziano fatto in Tauris (Persia) MCCLXIV, X decembre. *Archivio Veneto*, ser. 1, vol. 26, 1883, pp. 161–165. (In Italian)
23. du Cange C. *Glossarium mediæ et infimæ latinitatis conditum a Carolo du Fresne domino du Cange*. Editio nova aucta pluribus verbis aliorum scriptorum a Léopold Favre. Vol. V. Paris, 1938. (In Latin)
24. *Découverte de la terre: Histoire générale des grands voyages et des grands voyageurs, publié en quatre volumes, les trois derniers en collaboration avec Gabriel Marcel*. Vol. 1, 1870; Vol. 2, 1878; Vol. 3: *Les grands navigateurs du XVIIIe siècle*, 1879; Vol. 4: *Les voyageurs du XIXe siècle*, 1880 (rééd. 2011). (In French)
25. Edwin George Beal Junior. Concerning Marco Polo and Christopher Columbus: The Pipino Version. *Journal of East Asian Libraries*, 10, no. 1. 1993, pp. 151–160.
26. Gaunt S. *Marco Polo's Le Devisement du Monde: Narrative Voice, Language and Diversicty*. Cambridge, D.S. Brewer, 2013.
27. Guillelmus Tripolitanus. 1) *Notitia de Machometo et de libro legis qui dicitur Alcoran et de continentia eius et quid dicat de fide Domini nostri Iesu Christi*. 2) *Tractatus de statu Sarracenorum et de Machometo pseudopropheta ipsorum eorum et de ipsa gente et eorum lege et fide, 1273* (repr.: Wilhelm von Tripoli. *Notitia de Machometo; De statu Sarracenorum*. hrsg. und übers. v. Peter Engels. Würzburg, 1992. *Corpus Islamo-Christianum*: Series Latina, 4); 3) *Clades Damiatæ*. (In Latin)
28. Haeger J.W. Was Marco Polo in China? Problems with internal evidence. *Bulletin of Sung and Yuan Studies*, 14, 1978, pp. 22–30.
29. Hommel F. *Zweihundert sumero-türkische Wortvergleichen als Grundlage zu einem neuen Kapitel der Sprachwissenschaft*. München, 1915 (Handschrift). (In German)
30. Jahn K. Paper Currency in Iran: A Contribution to the Cultural and Economic History of Iran in the Mongol Period. *Journal of Asian History*, 4 (1970), pp. 101–135.
31. Jahn K. Das Irānische Papiergeld: Ein Beitrag zur Kultur- und wirtschaftsgeschichte Irān's in der Mongolenzeit. *Archiv Orientalní*, 10 (1938), pp. 308–340. (In German)
32. Jahn K. Rashid-ad-Dīn and Chinese Culture. *Central Asiatic Journal*, 1970, № 14. (In German)
33. Littré É. *Dictionnaire de la langue Française par É. Littré, de l'Académie Française*. St. Petersburg, Vol. 3. Paris, 1874. (In French)

34. Lopez R.S. Venezia e le grandi linee dell'espansione commerciale nel secolo XIII. *La Civiltà Ceneziana del secolo di Marco Polo*. Venice, Sansoni, 1955, pp. 37–84 (repr.: Storia della civiltà veneziana, vol. 1, pp. 363–385).
35. Moule A.C, Pelliot P. *Marco Polo. The Description of the World*. Vol. I. London, 1938.
36. *Navigationi et Viaggi di Giovanni Battista Ramusio*. Edizione di riferimento a cura di Marica Milanese, 6 Voll. Torino: Einaudi, 1978–1988. Available at: <http://docenti.lett.unisi.it/statici/RAMUSIO.pdf>. (In Italian)
37. Olshin B.B. *A sea discovered: pre-Columbian conceptions and depictions of the Atlantic Ocean*. University of Toronto, 1994.
38. Olshin B.B. *The Mysteries of the Marco Polo Maps*. Chicago, London, University of Chicago Press, 2014 (Referring to: Bagrow Leo. The Maps from the Home Archives of the Descendants of a Friend of Marco Polo. *Imago Mundi*, 5, 1948, pp. 3–13; Black John. 1) A Note on Three Polo Maps. *Felicitations Volumes of Southeast-Asian Studies Presented to His Highness Prince Dhaninivat Kromamun Bidyalabh Bridhyakorn on the Occasion of His Eightieth Birthday*, Vol. 2, 1965, BE 2508, pp. 348–349, fig. 1–6; 2) Marco Polo Documents Incorporated in the Felicitations Volumes of Southeast Asian Studies. *Journal of the Siam Society*, Vol. 70, parts 1–2, 1982, pp. 13–34).
39. Olshki L. *Marco Polo's Asia*. University of California Press, 1960.
40. Orlandini G. Marco Polo e la sua famiglia. *Archivio Veneto-Tridentino*, Vol. IX, 1926, pp. 1–68. (In Italian)
41. Petech L. Les marchands italiens dans l'empire Mongol. *Journal Asiatique*, Vol. 250, 1962, pp. 549–574. (In French)
42. Polo Marco. *El libro de viajes de Marco Polo*. Impresa en la ciudad holandesa de Gouda por Gerardus Leeu, ca. 1483/1484. (In Spanish)
43. Polo Marco. *Il milione [di] Marco Polo*. A cura di Luigi Foscolo Benedetto. Firenze: L.S. Olschki, 1928. (In Italian)
44. Polo Marco. *Il libro di messer Marco Polo cittadino di Venezia detto Milione dove si raccontano le meraviglie del mondo; ricostruito criticamente e per la prima volta integralmente tradotto in lingua italiana da Luigi Foscolo Benedetto*. Milano, Roma, Treves-Treccani-Tumminelli, 1932 (Revised, extended and revised edition: Marco Polo. *Milione. Versione toscana del Trecento*. Edizione critica a cura di Valeria Bertolucci Pizzorusso. Indice ragionato di Giorgio Raimondo Cardona. Milano, Adelphi, 1975, 1982, 1994, 2003). (In Italian).
45. Polo Marco. *Il milione di Marco Polo: testo di lingua del secolo decimoterzo ora per la prima volta pubblicato ed illustrato dal conte Giovanni Battista Baldelli Boni*. T. 1–2. Firenze, Da'torchi di G. Pagani, 1827. (In Italian)
46. Polo Marco. *Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise, conseiller privé et commissaire impérial de Khoubilaï-Khaân*. Rédigé en français par Rusticien de Pise / Publié par M.G. Pauthier. 2 parties. Paris, Librairie de Firmin-Didot frères, fils et c., 1865. (In French)
47. Polo Marco. *Ser Marco Polo. Notes and Addenda to Sir Henry Yule's Adition, Containing the Results of Recent Research and Discovery, by Henri Cordier*. London, John Murray, 1920.
48. Polo Marco. *Ser Marco Polo, the Venetian, Concerning the Kingdoms and Marvels of the East*. Newly Translated and Edited, with Notes, Maps, and other Illustrations by Colonel Henry Yule. In two volumes. Vol. I. Second edition, revised. London, John Murray, 1875.
49. Polo Marco. *The Travels of Marco Polo*. Translated into English from the text of L.F. Benedetto by Aldo Ricci, with Introduction and Index by E. Denison Ross. London, 1931.
50. Polus Marcus. *Chorographia Tartariae: oder warhafftige Beschreibung der uberaus wunderbahrlichen Reise, welche ... Marcus Polus, mit dem zunahmen Million ... in die Oriental und Morgenländer, sonderlich aber in die Tartarey ... verrichtet ... / alles aus*

dem Original, so in Italianischer Sprach beschrieben, ... verteutschet, auch mit Kupfferstücken geziehret, durch Hieronymum Megiserum. Leipzig, in vorlegung Henning Grossen des Jüngern, 1611. (In German)

51. Ramusio Giovanni Battista. *Secondo Volume delle Navigazioni et Viaggi.* Venetia, Stamperia de Giunti, 1559, 1573, 1574, etc. Available at: http://www.bibliotecaitaliana.it/indice/visualizza_testo_html/bibit001323. (In Italian)

52. Rouleau F.A. The Yangchow Latin Tombstone as a Landmark of Medieval Christianity in China. *Harvard Journal of Asiatic Studies.* 17 (3/4). Harvard-Yenching Institute, 1954, pp. 346–365.

53. Rudolph C.R. A Second Fourteenth-Century Italian Tombstone in Yangzhou. *Journal of Oriental Studies*, 13, №2, 1975, pp. 133–136.

54. Rustichello da Pisa. *Il romanzo arturiano. Le Roman de Meliadus.* Available at: <http://dante.di.unipi.it/ricerca/html/rar.html>. (In Italian)

55. Schiltberger Hans. *Hans Schiltbergers Reisebuch nach der Nürnberger Handschrift herausgegeben von Dr Valentin Langmantel.* Tübingen, 1885. (In German)

56. Schiltberger Hans. *Reisen des Johannes Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427.* Hrsg. Karl Friedrich Neumann. München, 1859. (In German)

57. Vogel H.U. *Marco Polo Was in China: New Evidence from Currencies, Salts and Revenues.* Leiden, Boston: Brill, 2013.

58. *Voyageurs anciens et modernes.* Par Édouard Charton. 4 tomes. Vol. I: *Voyageurs anciens depuis le cinquième siècle avant Jésus-Christ jusqu'à la fin du quatrième siècle de notre ère*; Vol. II: *Voyageurs du Moyen Âge depuis le sixième siècle de l'ère chrétienne jusqu'au quatorzième*; Vol. III: *Voyageurs modernes. Quinzième siècle et commencement du seizième*; Vol. IV: *Voyageurs modernes. Seizième, dix-septième et dix-huitième siècles, 1854–1857* (rééd. 1861–1863). (In French)

59. Wood F. *Did Marco Polo Go to China?* London, Secker & Warburg, 1995 (reprint: Boulder (Colorado): Westview Press, 1996).

60. Zhang Y. *La représentation de la Chine dans les Voyages de Marco Polo d'Alain Grandbois.* Université du Québec, 1992. (In French)

About the author: Alexander N. Garkavets – Dr. Sci. (Philology), Chief Scientist, Kazakh Research Institute of Culture under the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan). E-mail: qypchaq@gmail.com

*Received May 18, 2017 Accepted for publication June 16, 2017
Published September 30, 2017*

**SOME REMARKS ON THE SLAVE TRADE IN THE HEART
OF THE GOLDEN HORDE (14TH CENTURY)
IN THE WAKE OF C. VERLINDEN'S RESEARCH**

Lorenzo Pubblici

Santa Reparata International School of Art

Florence, Italy

lpubblici@santareparata.org

Objective: For decades the slave trade was very lucrative for the Italian merchants who travelled to the East. The formation of the Mongol Empire, and the economic and demographic growth occurred in Europe, have contributed to the increase of both, the demand of slaves and the supply human merchandise. Trade increased with the simultaneous increase in the number of journeys of western merchants to the East.

The creation of a structured trading system on the Black Sea coast has allowed Genoa and Venice to strengthen their trade relations with the dominant centers of power *in loco*: the Golden Horde of the Mongols and the Mamluks of Egypt.

Materials: This article is a preliminary critical mapping of a larger project I'm working on, and which aims to explore the relationship between Italian commercial immigration and the slave trade in the Venetian settlement of Tana, situated in the mouth of the Don, and representing the easternmost outpost of all Latin Trading System in the East in the 13th and 14th centuries. Based on a solid historiographical tradition and the Venetian documentary sources, I'm trying to restore the perception of a slave in the unique context of the Golden Horde, where the western urban mercantile and the eastern nomadic factors came into contact.

Results and novelty of the research: While many of the conclusions of this research are still to be confirmed, a primary investigation has shown that slaves were not only the primary and most profitable resource for Italian merchants, but also the most direct and effective means to penetrate and understand an ethnic and culturally stranger context.

Keywords: Black Sea, Slavery, Venice, Genoa, Medieval Mediterranean

For citation: Pubblici L. Some Remarks on the Slave Trade in the Heart of the Golden Horde (14th century) in the Wake of C. Verlinden's Research. *Zolotoordynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 566–576. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.566-576

The commerce of slaves was, for decades, a very profitable activity for the merchants who traveled within the borders of the Golden Horde. This rewarding business grew particularly during the 13th century, when the accessibility of slaves increased. A major cause of this was a permanent state of war largely due to the Mongol invasions. In the same decades, Western Europe was going through an extraordinary economic and demographic growth. The creation of the Mongol Empire – a coherent political power extended over an immense territory – was a relatively new condition that favored the movement of people and commodities between Europe and Asia. The new political situation stimulated international trade; merchants from Central Asia (Turkestan and Il-khanate) and Western Europe became the protagonists of a wide range trade of slaves. The Italian sea republics, Genoa and Venice in particular, built a complex system of *emporia* on the shores

of the Black Sea, taking advantage of the new political situation, and negotiating the terms for establishing their commercial settlements directly with the Mongol governor of the region.

The increased availability of human merchandise, and a more established Western presence in the East, gave a decisive boost to the commerce of slaves; therefore, the basin of the Black Sea became the most lucrative area of the whole economic system of the Middle Ages for recruiting slaves (see C. Verlinden [26; 28] and Y. Rotman [23]).

By virtue of its strategic position, between the mouth of the Don River and the Azov Sea, the settlement of Tana represents a particularly interesting case for investigating human movements in this region; it was the easternmost settlement of the whole Venetian commercial network. Tana never rose to become a major center; however, its strong commercial vocation made the settlement a lively meeting point for diverse peoples, coming from different cultural contexts, creating numerous occasions for this ethnic complexity to come into contact.

The slave trade is a very well studied topic for the Middle Ages and for this region in particular. Yet, collected data have to be taken with caution, especially because the only perspective we have is partial. For what concerns the 14th century, I have studied the documents drafted in Tana by the Venetian notaries Benedetto Bianco [1, busta 19; 6, busta 106], Marco Marcello [1, busta 117] and E. Fenster [11, p. 161–195]), and some parchments preserved in the State Archive of Venice, fondo Procuratori di San Marco [4, buste 149 and 250; 6, buste 85, 104, 127, 135]. For the 15th century, I have analyzed the production of the notaries Donato de Mano [19] and PSM Citra [4, busta 92] on the activity of Andrea Giustiniani, Moretto Bon [10] and Cristoforo Rizzo [25; 26] plus, other charts of the same fondo, Procuratori di San Marco [4, busta 149] and PSM Misti [6, buste 146a, 215]. The documentation available consists almost entirely of Genoese and Venetian primary sources, which present two important advantages: they were produced *in loco* and are available in a satisfactory amount. Nevertheless, the notaries who produced these documents were Italian; their primary purpose was to serve the client and the client was often a fellow citizen or native to the Italian Peninsula. This is, together with the “partiality” of the sources mentioned above, the main limit of such a research. Tartars, Armenians, Muslims and Greeks all consulted Italian notaries, and are therefore occasionally mentioned in the available primary sources. However, these groups were probably a more significant presence than what we can conclude with certainty based on these sources. Likewise, we should take into account the “Adriatic displacement” of the documents; those from other parts of the Italian Peninsula are partially represented in the sources. Yet, I still believe that the results can be useful to understand the economic and social dynamic of interaction between the local population (Tatars and Turkish nomads) and the foreign merchants (Western Europeans, but also Muslim from Central Asia) who lived there; locals and Westerners had two very distant aggregative models and two diverse concepts of slavery (see on this: [20, p. 102–110]). The Italian merchants travelled on the Azov Sea with their urban mercantile cultural background, according to which the servant represents a good, which can be the object of commercial transaction.

The Venetian notaries who worked in Tana since the 1350's, produced a large mass of contracts in a time when the settlement was slowly recovering after the

harsh crisis of the mid-14th century. Their documents contain the names of more than 700 individuals, a figure that allows us to try some hypothesis.

In mid-14th century Tana, the buying and selling of slaves was the main business: more than 50% of all total transactions.

Tana was the place where supply and demand met, one of the more abundant zones for buying slaves and an extremely strategic outpost in heart of the Golden Horde, which was the institutional framework of a nomadic society that had become commerce oriented.

The notarial documents show how the locals, Mongols, and Turks, did not directly participate in the business transactions; they merely adjusted and governed them. The *noyon* that governed a certain *tümen*, had the responsibility of every movement occurred *in loco*. Obviously, the majority of the people – still strongly identifiable with nomadism – remained strangers to this practice and only the local aristocracy was in charge of it. In Tana, the natives and the Western immigration did never really integrate and the separation between the two communities remained neat. Some data from the sources will help a better understanding of it.

On 400 documents, 234 (58,5%) are contracts for buying and selling slaves. Tana was a commercial outpost for Venetians and Genoese, it was a transit market for the slave trade. On the contrary, Caffa became in the second half of the 14th century, an arrival point for slaves. The Crimean city had grown significantly and its population became more stable [8, p. 301]. According to his calculations, Caffa reached a population of circa 20,000 in the years 1385–86. This new situation augmented the necessity of manpower; the use of slave labor became increasingly frequent. In fact, the Genoese authorities created a new body to superintend the import of slaves in town, the *officiales capitum s. Anthonii*. According to the data of the *Massaria* of Caffa, the *Officium capitum s. Anthonii* perceived an income of one third of the total of tolls (gabelle) in town [8, p. 299–300]. The presence of instrument to control the slave trafficking and the taxation imposed on this commerce pushed the merchants to go around Caffa, when possible, and do business somewhere else. Tana was a privileged place for this, not only because it was in the heart of the Golden Horde, therefore in the proximity of the wealthier “reservoir” of people, but also because slave sales were not subject to taxation [29, p. 185–202; 8, p. 301].

On 8 June 1360, Bartolomeo di Promontorio, a Genoese who lives in Pera, sold one of his slaves (*que emit in Caffa*) in Tana to the Florentine Bartolomeo di Nuto. The girl is 16 and Tatar (*genere tartarorum*). The average price for girls of that age was circa 6–700 aspers. In this case, the price is fixed to 8 silver *sommi*, which corresponded to 1520 aspers, more than double [1, busta 19, registro I/26].

Among the documents I analyzed, 26 reports of Genoese merchants selling slaves, none of who was a buyer [1, busta 19; 27; 8, p. 300]. The majority of them consisted of temporary inhabitants (*habitatores Tane*), or merchants coming from Pera, Caffa, and Candia.

Some of the slaves purchased in Tana were imported to Venice or somewhere else in Italy. Unfortunately, there does not exist a recent systematic study on Venice and slavery, based on the documentation of 14th–15th centuries, apart from the old Lazzari [17]. In C. Verlinden [28, Vol. II, p. 550–710] there is a section dedicated to this topic, and it is still an important point of reference for researches. On Genoa, besides the already mentioned Gioffrè [12], see M. Balard [8, p. 785–833].

In the period when the trade seems to be more profitable, we find in Venice many people owning Tatar slaves. On 16 June 1368, Niccolò da Pesaro bought from Niccolò Rubino an 11 years old Tatar boy for 26 golden ducats; in December, the same Niccolò purchased a Tatar girl from Pietro Stornello for 22 ducats [6, busta 150]. In 1365, Pietro Morosini drafts his testament and appears as the owner of several slaves, Greek and Tatar. He freed them all. The testament was written in Venice on 24 July 1365 [6, busta 128].

Documents about possession of slaves are numerous also in the 1370's [6, buste 144, 123, 147 and 166]. In 1372 Florence, out of 357, 274 are Tatars (77%). Among others, there are 30 Greeks, 13 Russians, 8 Turkish, and 4 Circassians [18, p. 336; 12, p. 14]. Therefore, it is not random that a Florentine merchant, Domenico dei Benci, is the most active seller of slaves in Tana between 1359 and 1360. It is the same in Genoa, where the majority of slaves imported in the 14th century are Tatars [8, p. 794, 799]. Balard calculated that the 64% of slaves in Genoa was *genere tartarorum*; the second most represented ethnic group is the Circassian (only 7,1%).

In these years, among the slaves traded in Tana, the ethnic majority are Tatars, but it is necessary to make a distinction between what this ethnonym meant in the Trecento to a Western European merchant or notary, and what a Tatar actually was. In his research, Gioffrè noted how in the 15th century the Russian slaves increased significantly, while the Tatars decreased. The scholar explained it with the crisis of the Grand Duchy of Moscow and its troubled relations with the Baltic powers. It is undeniable that Moscow was going through a very difficult period from a political point of view, but it is equally true that in these years the city was slowly emerging as a hegemonic center over the Russian lands. Furthermore, for the Westerners, the ethnonym *Russo/russorum* did not necessarily mean the Muscovites or those who lived around the cities; they were more likely all those who came from the Northern forest zone, which is to say distinct from the Tatars. Nevertheless, those that the Western merchants called Tatar, very rarely were Mongols. In fact, the documents I have analyzed indicate very often the Tatars (*genere tartarorum*), and very rarely the Mongols (*genere mongalorum*). Furthermore, I have rarely found in the sources the ethnonym *cumanus*, which was likely the dominant ethnic element around the Latin *emporia* on the Northern shores of the Black Sea. The sources show that the notaries and the merchants their clients very generally and superficially knew the difference between the several ethnic groups that lived in the Black Sea region. It was a problem of perception of the other. The languages were incomprehensible, the color of the skin was different, and so was the lifestyle. These factors affected the different attitude of the individuals who lived in Tana; it is hard to believe that our notaries knew the anthropological difference between a Tatar and a Mongol.

In any case, it seems that the Mongol and the Tatar slaves (*genere mongalorum* and *genere tartarorum*) were all those purchased from the nomadic tribes of the steppe. The Golden Horde was not a state rich of cities. The khans constantly needed to increase their incomes. Trade, and slavery in particular, represented the most profitable resource through taxation. Furthermore, after the death of Janibek the leadership of the state became very unstable. In times of political troubles, the need of money of the Treasure augmented, so taxation increased. Villagers were forced to sell their children in order to support the fiscal pressure.

Out of 238 slaves found in the records, 178 are described as *genere tartarorum* (74,78%). The rest is shared equally among Alans (9), Circassians (25), Mongols (17) and only one 18 years old Greek girl, that *ser* Marcello Pilotto sells to Andrea de Bernardo on 19 September 1359 [1, busta 19, I/38]).

In the early 15th century, the situation changes and the recruitment of *tatar* slaves decreased significantly both in Genoa and in Venice, especially because of the Timurid military advance [12, p. 15, 58; 29, p. 126]. If in the first two decades 1400–1424 in Genoa there are 105 Tatar slaves (41,5%), in the next two decades 1425–1449 the figures decrease until 57 (just over 19%). The Russian slaves pass from 51 (20%) to 123 (41,6%). A similar trend occurred in Tana in the same years [19; 10; 6, buste 11, 64, 79, 94 and 147/a].

In Western Europe, the use of slave labor was mainly moving into housework; this explains the neat predominance of women in the negotiations. The documents analyzed mention – for the late 14th century – 175 cases (74,78%) in which the object of the transaction is a woman. In addition, it should not be forgotten that many girls were purchased in order to satisfy diverse needs, including sex.

Graph 1. Price trend of Tatar slaves in Tana (1359–1360)

Observing the graph, we may notice females (in red) were worth less in childhood because they could not accomplish most of the tasks for which they had been purchased. In contrast, merchants for arduous works could use males already at the age of 9 or 10. The price of females constantly grows in direct proportion to age, and this indicates a tight link between the value of the slave and the reason for which women were purchased. Instead, males lost value during adolescence, when they were not young enough to be integrated into a new social framework, to which the buyer belonged. On the other hand, they were too young to withstand hard work.

If we look at the quantity of slaves compared by age, some interesting insights emerge. For example, we notice that the average age is higher for females (14,87 years versus 12,8). This data, together with the predominant quantity of girls traded in youth (from the age of 14 to 18), suggests a reaction caused by a condition of

necessity: nomad families got rid of girls later than boys (on late 13th century, see M. Balard: [8, p. 292]). In a non-agricultural nomadic society, girls were more useful than boys for housework. More than the origin, age and gender counted [8, p. 294].

Most of the slaves were very young, and it suggests a rather recent enslavement. In fact, it appears that elders were often sold with their children, sometimes as entire families. On 22 August 1362, the Greek Teodoro sold to Corrado, Venetian, a 36 years old Tatar woman, and her 8 years old daughter [1, busta 19, II/4]. A few days later, on 31 August, another Tatar woman is sold together with her daughter [1, busta 19, II/16]. On 18 September, Bartolo Fantinechi sells to Paolo Nanni a 30 years old man and his 14 years old son [1, busta 19, II/100].

From the total of traded slaves, 115 (49,14%) are baptized; of course, all those who arrived in Venice the next year were baptized too. Slaves remained shortly in Tana because the settlement of the Azov Sea was not, as mentioned above, an arrival point for the slave trade. It was instead a transit market, pierced into a vast, Mediterranean commercial system [8, p. 292; 9, p. 229]. Bratianu, refers to the late 13th century, but we can extend these characteristics to the next century, taking into account that the slave trade in the East reached its peak precisely in the 14th century.

From the documentation that covers the two years from 1359 to 1360, and the notarial acts of the immediate next years, we notice a sharp fall in price. In some cases, the price fell by a third over the two years. For the males of *genere tartarorum*, the most represented in the records, it had gone from an average of 651,5 aspers to 183,5 (a drop by over 70%).

Things are very similar for females, where the prices go from an average of 720,42 aspers to 229,2 (also in this case the decrease was 68%). There can be many reasons for this phenomenon. I would consider the strong political change that occurred in Tana as the main cause. In 1359, Berdibek, khan of the Golden Horde, died and the succession was complicated. The attitude of the Mongol authorities towards the commercial immigration abruptly changed. The dismemberment of political unity inside the Golden Horde was occurring well before the deaths of Berdibek and Janibek. However, the charisma and the energetic repressive action exercised by them, delayed the implosion of the Ulus Jochi. A further confirmation of the complicated political situation comes from the ship freights. The *incanti* of the galleys to *Romania* suffered a drastic fall in these years [22, p. 27–34; 24]. Finally, after 1361, the Turkish military action in Thrace intensified causing many problems to the commerce in the Region.

The Italian merchants ran from a relative enthusiasm – also determined by the return to Tana in 1358 – to a more solid realism. The inhabitants of Tana had to deal with a growing insecurity. It is likely that the slow economic and demographic recovery followed the disastrous outbreak of bubonic plague has diminished the commercial resources and the trade structures for exchanging slaves in the Orient.

In good times, the gains that could be achieved from the sale of slaves were huge. On 5 May 1364, Jacopo Contini and Nanni di Nanni sell to Pasqualino Cotano a 10 years old boy, *genere tartarorum*, already baptized with the name Giorgio. The notary recorded that the slave was purchased on 7 July 1360 in Tana when the boy was 6 years old; he remained with the merchants for almost 4 years

and was finally sold for 30 Venetian ducats [1, busta 19, carte sciolte, foglio 7]. We should consider that in September 1362, Ludovico Bedolotto sells to his brother a 10 years old Tatar slave, for 10 ducats [1, busta 117]. If we take as valid the change asper-ducat in use in 1360's Tana (1/42,5) then the boy was sold for an amount of circa 1275 aspers. The average price for a Tatar slave of that age was no more than 500 aspers, so the profit was very good (over 60%), even if we consider the huge expenses withstood by merchants to travel to the Azov Sea.

For the same amount, two slaves, 13 and 14 years old, were sold in Venice in the same year [1, busta 19, carte sciolte, fogli 2 and 11v]. On 18 September 1364, Andrea Trevisan purchased a 20 years old Tatar girl from *donna* Maria, wife of Tommaso Biondo, from Ancona. The price was fixed in 40 ducats [1, busta 19, carte sciolte, foglio 14]. In this case, it was possible to purchase Tatar girls, around the age of 20, for circa 400 aspers, though the profit was even bigger, almost 70%. On 2 December 1366, Pietro Stornello sold to Niccolò da Pesaro a 12 years old Tatar girl, baptized with the name Lucia, for a price of 22 ducats. On 16 June 1368, Niccolò Rubino sold to the same Niccolò da Pesaro an 11 years old Tatar boy for 26 ducats. The prices were rising in these years. In 1374, for a 13 years old Tatar girl, our Niccolò paid 30 ducats [6, busta 150].

In early 15th century, the slave trade changes. The records analyzed are not too many: 146 documents and only 41 (28,1%) concern slave trade.

The presence of Tatar slaves decreases in the documentation (19,5%). The majority are Russians and Circassians. This fact agrees with Gioffré's version on 15th century Genoa. In particular, between 1407 and 1408, out of 16 slaves, seven are Tatars, six Circassian, two *genere de Zichia* (from the Kerč Straits), 1 Russian and a Bulgarian girl. A few years later (1413–1416), the Tatars almost disappear from the sources; Russians and Circassians increase. The seller is often a Venetian merchant who lived shortly in Tana. In some cases, merchants from Transoxiana and Turkestan traveled to the Azov Sea to sell slaves they had bought in the steppe.

On 20 April 1408, a Saracen named Congo sold to Pietro Loredan a 20 years old Circassian girl [10, n. 24]. The same day, another Saracen named Amuxa sold to Giovanni di Mauro a 30 years old Tatar woman. On 17 May 1408, Zindi, *saracenus de Zolati*, sold to Marco Marceno a 14 old boy and the same day Maometto sold to Pietro Loredan a girl *de Zichia* [10, n. 25, 31 and 32]. On 9 August 1415 Omar Carac, *saracenus de Urganiciis* (Urgench), sold to Marco di Allega a Russian boy [19, p. 85].

In early 15th century, the capability of European merchants to find slaves within the borders of the Golden Horde decreased, especially because of the Timurid advance. The emergence of a new center of power around Moscow, and the vital economy of the Region, despite many periods of crisis, made possible the mobility of men; the degree of difficulties for traveling significantly increased, but already from the 1410's circulation of people started again over long distances. One of the immediate consequences of Timur's military campaigns was the decadence of the most frequented transit routes in favor of the southern passage [20, p. 435–439]. Tana suffered the new situation and the merchants from Saraj found more difficult to reach the mouth of the Don River. However, the merchants from Persia and Transoxiana (Urgench, Merv, Samarkand) filled the void. In fact, according to the

accounting book (Massaria) of Caffa, in 1410 the *introitu Sancti Anonini* was still due [28, Vol. II, p. 953]. Furthermore, on 10 August 1427, a ship with 400 slaves («ultra numeros quadringentorum inter sclavos et sclavas») sailed from Tana to Venice. The sea conditions were rough and the Venetian Senate authorizes the ship to go to Istria and «que dictos sclavos et sclavas conduci facient Venetias usque per totum mensem decembris proximus» [7, registro 56, foglio 120]. Evidently, the commerce of slaves in this Region was still vital in the early years of the 15th century [28, Vol. II, p. 955–963].

The Timurid invasions brought destruction into Central Asia and the Caucasus, and some of the most important centers for recruiting slaves were seriously affected by it. Nevertheless, the activity of the Italian merchants did not stop. Indeed, even after the Ottoman conquest and the partition of Crimea, the slave trade was for centuries a very profitable business for the Italian merchants. Despite the firm moral condemnations of slavery by the Church authorities, Crimea and the Azov Sea remained in pre-modern times one of the most lucrative basins of human merchandise in the world (see on this M. Kizilov: [16]).

In Tana in particular, even though the growing difficulties in recruiting, in the 1400's, the slave trade in Tana was still good deal.

REFERENCES

1. Cancelleria Inferiore, Notai. *Archivio di Stato di Venezia*.
2. Cancelleria Inferiore, Miscellanea, Notai Diversi. *Archivio di Stato di Venezia*.
3. Cancelleria Inferiore, Miscellanea, Notai Diversi, Contratti di Schiavi. *Archivio di Stato di Venezia*.
4. Procuratori di S. Marco de Citra, Commissarie. *Archivio di Stato di Venezia*.
5. Procuratori di S. Marco de Ultra, Commissarie. *Archivio di Stato di Venezia*.
6. Procuratori di S. Marco, Misti, Commissarie. *Archivio di Stato di Venezia*.
7. Senato Misti. *Archivio di Stato di Venezia*.
8. Balard M. *La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle)* [Genoese Romania (12th to the early 15th Centuries)]. Roma–Paris, École française de Rome, 1978. 494 p. (In French)
9. Bratianu G.I. *Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire au XIIIe siècle* [Researches on the Genoese Commerce on the Black Sea]. Paris, P. Geuthner, 1929. xii + 359 p. (In French)
10. De Colli S. *Moretto Bon, notaio in Venezia, Trebisonda e Tana (1403–1408)* [Moretto Bon, Notary in Venice, Trabzon and Tana]. Venezia, Comitato per la pubblicazione delle fonti relative alla storia di Venezia, 1963. x + 67 p. (In Italian)
11. Fenster E. Zur Fahrt der venezianischen Handelsgaleeren in das Schwarze Meer 1362 [On the Journey of the Trade Venetian Galleys in 1362 Black Sea]. *Byzantinoslavica*, XXXIX/2. Praha, Slovanský Ústav Akademie věd ČR, 1978, pp. 161–195. (In German)
12. Gioffrè D. *Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV* [Slave Market in 15th century Genoa]. Genova, Fratelli Bozzi, 1971. 334 p. (In Italian)
13. Karpov S.P. Venetsianskaya Tana po aktam kantslera Benedetto B'yanko (1359–60 gg.) [Venetian Tana from the Documents of Notary Benedetto Bianco (1359–60)]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Coast in the Middle Ages]. Vol. V. St. Petersburg, Aletea, 2001, pp. 9–26. (In Russian)

14. Karpov S.P. Rabotorgovlya v Yuzhnom Prichernomor'e v pervoy polovine XV veka [Slave Trade in the Southern Black Sea Coast in the first half of the 15th century]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantina chronika]. Moscow, Akademii nauk SSSR Publ., 1986, no. 46, pp. 139–145. (In Russian)
15. Karpov S.P. Greki i latinyane v venetsianskoy Tane (seredina XIV – seredina XV vv.) [Greeks and Latins in the Venetian Tana (mid-14th – mid-15th centuries)]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Coast in the Middle Ages]. Vol. VII. Moscow–St. Petersburg, Aletea, 2009, pp. 164–174. (In Russian)
16. Kizilov M. Slave Trade in the Early Modern Crimea from the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources. *Journal of Early Modern History*. Leiden, Brill Academic Publisher, 2007, no. 11, pp. 1–31.
17. Lazzari V. Del traffico e delle condizioni degli schiavi in Venezia nei tempi di mezzo [On Trade and Conditions of the Slaves in Venice in the Middle Ages]. *Miscellanea di Storia Italiana*, Vol. I. Torino, Stamperia Reale, 1862, pp. 463–501. (In Italian)
18. Origo I. The Domestic Enemy: The Eastern Slaves in Tuscany in the XIVth Centuries. *Speculum*. Cambridge, Mass., Mediaeval Academy of America, 1955, no. XXX, pp. 321–366.
19. Prokof'eva N.D. Akty venetsianskogo notariya v Tane Donato a Mano (1413–1419) [Acts of the Venetian Notary in Tana Donato a Mano (1413–1419)]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Coast in the Middle Ages]. Vol. IV. St. Petersburg, Aletea, 2000, pp. 36–174. (In Russian)
20. Pubblici L. Venezia e il Mar d'Azov: alcune considerazioni sulla Tana nel XIV secolo [Venice and the Azov Sea: Some Remarks on Tana in the 14th century]. *Archivio Storico Italiano*, CLXIII/3. Firenze, Leo S. Olschki, 2005, pp. 435–484. (In Italian)
21. Pubblici L. *Dal Caucaso al mar D'Azov. L'impatto dell'invasione mongola in Causasia fra nomadismo e società sedentaria (1204–1295)* [From Caucasus to the Azov Sea. The Impact of the Mongol Invasion in Causasia, among Nomadism and Sedentary Society (1204–1295)]. Firenze, Firenze University Press, 2007. xv + 254 p. (in Italian)
22. Pubblici L. Gli italiani e il mar d'Azov dopo la pace di Milano [The Italians and the Azov Sea after the Peace of Milan]. *Paradigmi dello sguardo*. A cura di I. Melani, atti del convegno Prato, 18 dicembre 2009. Viterbo, Settecittà, 2011, pp. 21–49. (In Italian)
23. Rotman Y. *Les esclaves et l'esclavage. De la Méditerranée antique à la Méditerranée médiévale, VIe – XIe siècles* [Slaves and Slavery. From Ancient Mediterranean to Medieval Mediterranean, 6th–11th centuries]. Paris, Belles lettres, 2004. 403 p. (In French)
24. Stöckly D. *Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin XIIIe – milieu XVe siècle)* [The System of the Incanto of the Venetian Trade Galleys (end of 13th – mid-15th century)]. Leiden, E.J. Brill, 1995. xviii + 434 p. (In French)
25. Talyzina A.A. Venetsianskiy notariy v Tane Kristoforo Ritstso (1411–1413) [The Venetian Notary in Tana Cristoforo Rizzo (1411–1413)]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Coast in the Middle Ages]. Vol. IV. Saint Petersburg, Aletea, 2000, pp. 19–35. (In Russian)
26. Talyzina A.A. Zaveshchaniya notariya Kristoforo Ritstso, sostavlennyye v Tane (1411–1413) [The Testaments of Notary Cristoforo Rizzo Drafted in Tana (1411–1413)]. *Prichernomor'e v Srednie veka* [Black Sea Coast in the Middle Ages]. Vol. V. Saint Petersburg, Aletea, 2001, pp. 27–39. (In Russian)
27. Verlinden C. La colonie vénitienne de Tana centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle [The Venetian Colony of Tana Center for Slave Trade in 14th and early 15th centuries]. *Studi in onore di G. Luzzatto*, Vol. 2. Milano, A. Giuffrè, 1950, pp. 1–25. (In French)

28. Verlinden C. *L'esclavage dans l'Europe Medievale* [Slavery in Medieval Europe]. 2 Vols. Bruges–Gent, De Tempel; Rijksuniversiteit te Gent, 1955–1977. (In French)

29. Verlinden C. Le recrutement des esclaves à Genes, du milieu du XIIe siècle jusque vers 1275 [The Recruitment of Slaves in Genoa, from the beginning of 12th century to circa 1275]. *Fatti e idee di storia economica nei secoli XII–XX. Studi dedicati a F. Borlandi*. Bologna, Il Mulino, 1976, pp. 37–57. (In French)

About the author: Lorenzo Pubblici – Full Professor of History and Anthropology at Santa Reparata International School of Art (Florence), Department of Humanities and Liberal Arts, and Professor of Eastern European History at Università degli Studi di Firenze (Piazza dell'Indipendenza, 4, 501294 Firenze, Italia); Email: lpubblici@santareparata.org

Received June 20, 2017 Accepted for publication August 31, 2017

Published September 30, 2017

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО РАБОТОРГОВЛЕ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ (XIV ВЕК) ПО СЛЕДАМ ИССЛЕДОВАНИЙ Ч. ВЕРЛИНДЕННА

Лоренцо Пуббличчи

Международная школа искусств Санта Репарата

Флоренция, Италия

lpubblici@santareparata.org

Цель исследования: в течение многих десятилетий работорговля была очень прибыльным делом для итальянских купцов, которые прибывали на Восток. Формирование Монгольской империи и экономический и демографический рост, наблюдавшийся в Европе, способствовали параллельному росту спроса на рабов и предложения этого типа коммерческого товара. Торговля возросла с одновременным увеличением числа поездок западных купцов на Восток.

Организация структурированной торговой системы на побережье Черного моря позволила Генуе и Венеции упрочить торговые отношения с доминирующими центрами власти: с Золотой Ордой монголов и мамлюками Египта.

Материалы исследования: эта статья представляет собой предварительное критическое отображение более крупного проекта, над которым я работаю и который имеет своей целью исследовать взаимосвязь между итальянской коммерческой иммиграцией и работорговлей в венецианской фактории Таны, располагавшейся в устье Дона и представлявшей собой самый восточный форпост всей латинской торговой системы на Востоке в XIII и XIV веках. Основываясь на солидной историографии и венецианских документальных источниках, я пытаюсь восстановить восприятие раба в уникальном контексте контакта между западным городским и восточным кочевническим факторами.

Результаты и новизна исследования: Хотя многие заключения данного исследования еще требуют своего подтверждения, это первичное изыскание показало, что рабы были не только первичным и наиболее выгодным торговым ресурсом итальянских купцов, но и самым прямым и эффективным средством для понимания этнического и в сущности чуждого для них контекста.

Ключевые слова: Черное море, рабство, Венеция, Генуя, Средиземноморье в Средние века

Для цитирования: Pubblici L. Some Remarks on the Slave Trade in the Heart of the Golden Horde (14th century) in the Wake of C. Verlinden's Research // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 566–576. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.566-576

Сведения об авторе: Лоренцо Публичи – профессор истории и антропологии, Международная школа искусств Санта Репарата (Флоренция), кафедра гуманитарных наук и свободных искусств; профессор восточноевропейской истории в университете Флоренции (Piazza dell'Indipendenza, 4, 50129 Firenze, Italia). Email: lpubblici@santareparata.org

*Поступила 20.06.2017 Принята к публикации 31.08.2017
Опубликована 30.09.2017*

УДК 930(575.2)(04)

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.577-590

**«МАДЖМУ АТ-ТАВАРИХ» КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ УЛУСА ДЖУЧИ****Ж.М. Сабитов***Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева**Астана, Казахстан**babasan@yandex.ru*

Цель: изучить сведения об Улусе Джучи в историческом источнике под названием «Маджму ат-Таварих». Проанализировать сведения из «Маджму ат-Таварих» о жизни эмиров и ханов Золотой Орды.

Материалы исследования: исследование проведено на основе анализа опубликованных и неопубликованных частей перевода «Маджму ат-Таварих».

Результаты и научная новизна: «Маджму ат-Таварих» является ценным источником по истории Золотой Орды. В данном сочинении есть целый ряд анахронизмов, но при этом также существуют уникальные и оригинальные сведения об истории Золотой Орды и кыргызов. Существует три списка данного источника. Первый список под инвентарным номером В 667 хранится в Институте восточных рукописей Академии наук в Санкт-Петербурге. Второй список под инвентарным номером 693 хранится в Восточном отделе библиотеки СПбГУ. Третий список под инвентарным номером 167а хранится в фонде Национальной академии Наук Кыргызской республики (Бишкек). Третий список был издан в переводе на кыргызский язык в 1996 году.

В данном источнике есть уникальные сведения о жизни и семье таких ханов Золотой Орды как Токтамыш, Кара-Ногай, Пулад. В данном сочинении есть рассказы о жизни таких эмиров как Мамай (из племени Кият), Тегиня (Тегин, Декне) из племени Ширин, Темир-ходжа (Даир-ходжа) и его сын Кара-ходжа из племени Аргын, Хусейн Ак-Суфи из племени Кунгират и его сын Ак Ногай, Мамай из племени Сарай, Баба Али из племени Хитай.

Также в «Маджму ат-Таварих» упоминаются легендарный Манас из племени Кыпчак (кыргызский кыпчак), его отец Якуб-бек и дядя Карнас, Тамерлан и его сын Омар-шейх, чагатайский бек Шир Бахрам, могулистанский бек Инга торе, могулистанский бек Камар ад-Дин из племени Дуглат, его отец Джолой и дед Чонкчи, мусульманский шейх Сейид Мир Джалил и т.д.

Главным информатором «Маджму ат-Таварих» о Золотой Орде был Баба Али из племени Хитай, который служил Тукай-Тимуриду Абдулкериму, хану Большой Орды и Астрахани, а также хорезмскому хану Султангази. Баба Али Хитай был также информатором Утемиша-хаджи в плане рассказов о Токтамыше, Кара-Ногае и Хусейне Ак-Суфи.

Ключевые слова: «Маджму ат-Таварих», Манас, Утемиш-хаджи, Золотая Орда, Токтамыш-хан, Баба Али Хитай, Хусейн Ак Суфи, Кара Ногай

Для цитирования: Сабитов Ж.М. «Маджму ат-Таварих» как источник по истории Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 577–590. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.577-590

THE “MAJMU AL-TAWARIKH” AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE JOCHID ULUS

Zh.M. Sabitov

*L.N.Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan
babasan@yandex.ru*

Research objective: To study information about the Golden Horde contained in a historical source called the “Majmu al-tawarikh” and to analyze the information found in that source about the lives of amirs and khans of the Golden Horde.

Research materials: The study was conducted on the basis of an analysis of published and unpublished sections of the “Majmu al-tawarikh” which have been translated.

Results and novelty of the research: The “Majmu al-tawarikh” is a valuable source for the history of the Golden Horde. There are a number of anachronisms in the “Majmu al-tawarikh”, but it also contains unique and original information about the history of the Golden Horde. There are three copies of the source. The first copy (B 667) is stored at the Institute of Oriental Manuscripts of the Academy of Sciences in St. Petersburg. The second copy (№ 693) is stored in the Oriental department of St. Petersburg State University library. The third copy (№ 167a) stored in the fund of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (Bishkek). A translation in Kyrgyz of the third copy was published in 1996.

This source contains unique information about the life and family of such khans of the Golden Horde as Toktamys, Kara-Nogai, Pulad. This work contains stories about the lives of such amirs as Mamai (from the Kiyat tribe), Teginya (Tegin, Dekne) from the Shirin tribe, Temir-khodzha (Dair-Khodzha) and his son Kara-Khodzha from the Argyn tribe, Hussain Aq-Sufi from Kungirat tribe and his son Ak Nogai, Mamai from the Saray tribe, Baba Ali from the Khitai tribe, etc.

Baba Ali from Khitai tribe was the main source of information for “Majmu al-tawarikh” about the Jochid ulus. He served Abd al-Kerim, the khan of Astrakhan, and the Khwarezm’s khan, Sultan-Ghazi. This same Baba Ali was also the informant of Ötemish-Hajji, who recorded stories about Toktamys, Kara-Nogai and Hussain Aq-Sufi.

Keywords: “Majmu al-tawarikh”, “Manas”, Ötemish-Hajji, Golden Horde, Toktamys, Kara Nogai, Hussain Aq-Sufi, Baba Ali Khitai

For citation: Sabitov Zh.M. The “Majmu al-tawarikh” as a Source on the History of the Jochid Ulus. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 577–590. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.577-590

Сочинение «Маджму ат-Таварих» написано на персидском языке в XVI в. в Фергане муллой Сайф ад-Дином Ахсикенди. В.В. Бартольд получил первый список данного сочинения (B 667), который хранится сейчас в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Изучив его, В.В. Бартольд охарактеризовал данное сочинение как посвященное истории шейхов города Касан. При этом В.В. Бартольд считал, что в данном сочинении много анахронизмов и книга не имеет исторического значения. Переводчик данного сочинения В.А. Ромодин высказал иную точку зрения, согласно которой в данном сочинении есть исторические факты вперемешку с легендами и вымыслом [16, с. 200]. Кроме того, в данном сочинении впервые в письменных источниках был зафиксирован Манас [16, с. 201]. После В.В.

Бартольда данный источник не изучался востоковедами до 1960 годов, когда А.Т. Тагирджанов описал второй список данного сочинения (№ 693 в Восточном отделе библиотеки ЛГУ). В 1961 году К.И. Петров выпустил свою монографию, где использовал данные «Маджму ат-Таварих» [20, с. 138–148] и коротко пересказал некоторые ее части [20, с. 142–145]. При этом К.И. Петров отмечал, что Сайф ад-Дин Ахсикенди имел того же информатора, что и Утемиш-хаджи. Данным информатором являлся Баба Али Хитай [20, с. 139–140]. Баба Али из рода Хитай был главным беком (беклярибеком) хана Абдулкерима (из потомков Тимур-Кутлука), правившего в Большой Орде и Астрахани в конце XV – начале XVI века. После его смерти, Баба Али Хитай совершил хадж в Мекку, вернулся в Астрахань, а затем перебрался в Хорезм, где он служил Султангази (Шибанид из потомков Арабшаха), который «заставлял рассказывать предания о Токтамыше». Эти рассказы о Токтамыше были записаны Утемишем-хаджи [20, с. 139–140]. Позже Баба Али Хитай стал последователем Сейид Мир Джалила, руководителя суфийского тариката Ишкия. Мулла Сейф ад-Дин Ахсикенди также принадлежал к этому тарикату и был последователем Сейид Мир Джалила. Более того, «Маджму ат-Таварих» было написано по просьбе и с благословения Сейид Мир Джалила [20, с. 140]. Хотя тут встречается явное противоречие, Сейид Мир Джалил согласно источнику был современником Манаса, приобщал кыргызов к исламу и скончался около 1430-х годов [20, с. 141]. На основании вышеуказанной информации К.И. Петров считал, что Баба Али Хитай был основным информатором Муллы Сейф ад-Дина Ахсикенди касательно истории Улуса Джучи. В своей монографии 1961 года К.И. Петров писал, что «вместе с В.А. Ромодиным и другими намеревается подготовить перевод данного сочинения» [20, с. 139]. Но, несмотря на то, что К.И. Петров прожил еще три десятка лет, полный перевод данного сочинения так и не был осуществлен. В 1973 году В.А. Ромодин издал перевод отрывков из «Маджму ат-Таварих» касательно истории кыргызов [16, с. 200–213]. К сожалению, в 1961 году информация по истории Улуса Джучи, опубликованная К.И. Петровым не была в должной мере оценена современниками. Некоторые его детали (личности Кара Нога и Ак Хусейна) стали понятны только после ввода в научный оборот сочинения Утемиша-хаджи [33]. Другие детали его перевода не понятны без полного академического перевода данного источника. В 1995 году О.К. Караев писал о том, что в «Маджму ат-Таварих», в отличие от эпоса, легендарных и мифических черт у Манаса не отмечено, то есть Манас обозначается полностью историческим персонажем [14]. В 1996 году «Маджму ат-Таварих» был переведен на кыргызский язык О. Соороновым и М.С. Досболовым [8]. Данный перевод был сделан на основе одного бишкекского списка без сверки разных списков. Исходя из этого и некоторых других деталей, данный перевод некоторыми исследователями признается неакадемическим. В 2002 и 2015 годах Р.А. Абдуманов использовал «Маджму ат-Таварих» как аргумент в дискуссии о родовой принадлежности Манаса. Согласно «Маджму ат-Таварих» Манас является каркаринским кыпчаком [3; 2, с. 156–161]. Эти данные подтверждаются санжыра (устные генеалогии) кыргызских кыпчаков, согласно которым Манас происходит от кыргызских торайгыркыпчаков [1, с. 8]. С.В. Плоских в 2009 году издала часть неопубликованных переводов В.А. Ромодина из «Маджму ат-Таварих», а также вкратце дала

информацию по третьему бишкекскому списку, который хранится в фонде Национальной академии наук Кыргызской республики (№ 167а) [21] и который по устной информации Т.А. Акерова был переведен О. Соороновым и М.С. Досболовым в 1996 году. А.К. Исаева использовала части переводов из «Маджму ат-Таварих» для сравнения с эпосом Манас [11]. Т.А. Акеров в двух своих статьях описал и вкратце пересказал содержание кыргызского перевода «Маджму ат-Таварих» 1996 года [5; 6].

Ниже мы приведем свои комментарии к тем частям и отрывкам из «Маджму ат-Таварих», которые были опубликованы ранее. Сначала стоит затронуть некоторые исторические фигуры.

1. Онг-хан. Отцом Токтамыша назван Онг-хан, современник и сподвижник Чингиз-хана, после смерти которого он стал правителем Ташкента [20, с. 141]. Онг-хан является выходцем из рода кара йетти, Онг-хан выходец из страны Адыл (Итиль – Волга), где ранее находились земли печенегов, кереитов, а потом Золотой Орды. После смерти Онг-хана его владения поделили Токтамыш и Инга-торе, которые были друг другу двоюродные братья. Первый правил в Золотой Орде, второй в Могулистане [6, с. 159]. Онг-хан ушел в приволжские степи бороться с Шамаем (Мамай, по мнению К.И. Петрова), который изгнал его вассалов: правителя Крыма Ак Хусейн-ногая и правителя Булгара Кара-Хусейн-ногая. Воспользовавшись отсутствием Онг-хана, калмаки (в смысле неверные, а не ойраты [24]) во главе с Дамбуркалмаком напали на Ширкент. Кыпчак-кыргызы Каркары и Ульмас-Кулана пришли на помощь Онг-хану. После этого, спустя некоторое время вождь калмаков Чонкчи напал на кыпчаков и Якуб-бека (сын Каркары и отец Манаса). Якуб-бек обратился за помощью к Онг-хану, тот с союзниками прогнал Чонкчи [20, с. 142]. У Т.А. Акерова сначала Онг-хан выделил 10 тысяч войска в помощь Якуб-беку; после поражения, Онг-хан выступил со своей армией лично [6, с. 160]. После этого сын Чонкчи по имени Джолой захватил половину Джете (Могулистана). Когда Онг-хан умер, Джолой захватил Кара-Кишлак и пленил его владельца Якуб-бека [20, с. 143].

2. Инга-торе. Согласно «Маджму ат-Таварих», он двоюродный брат Токтамыша. Но при этом их генеалогии не сходятся. Генеалогия Инга-торе приведена отдельно в этом же сочинении: Инга-тюря Бай-мурат Черик (полное имя Инга-торе) был сыном Кул-Джугач-тюря, а тот был сыном Атан-бия, сына Доуле-бия, сына Мары-бия, сына Ак-туга (по прозвищу Онг-хан), сына Турды-бия, сына Кули-бия, сына Ахмад-бека, сына Арсланг-бия, сына Гуз-хана, сына Аналхакка Лур-хана. У Инга-торе было два сына Ахмад-бек и Мухаммед-бек (по прозвищу Кок-буга) [16, с. 209]. Здесь также стоит добавить информацию о том, что Инга-торе (Анка тура) в «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди назван как сын старшего брата Хаджи-бека из рода Аркинут [12, с. 124], а сам Хаджи-бек упоминается в 1360 году как соратник могулистанского хана Тоглук-Тимура [12, с. 20]. Родиной Хаджи-бека и Инга-торе был назван Каратал [12, с. 139]. В «Зафар-наме» последний раз Инга-торе упоминается под 1389 годом [12, с. 133].

Стоит отметить, что, судя по тексту, мулла Сейф ад-Дин Ахсикенди под одним персонажем объединил трех человек с именем Онг-хан. Первым Онг-ханом является Ван-хан кереитский (кара-йетти), современник Чингиз-хана. Вторым Онг-ханом был Той-ходжа, отец Токтамыша. Предполагаем, что

Онг-хан было его прозвищем, которое можно перевести как «правый хан» (хан правого крыла). Третьим Онг-ханом был Актуг («Белое знамя») по прозвищу Онг-хан, предок Инга-торе в пятом поколении. Здесь возможны два варианта: 1. Судя по именам из его генеалогий, данного Онг-хана можно связать с Он-ханом, отцом Тайбуги Сибирского. Присутствующий в генеалогии Инга-торе его предок по имени Мары-бий мог носить имя Умар, по аналогии с другим Тайбугидом Умар-бием буркутом (Мар, сын Ходжи), который считался потомком Тайбуги Сибирского. Таким образом, могулистанский эмир Инга-торе мог быть Тайбугидом, точнее потомком его брата Мары-бия (Умар), если генеалогия из «Маджму ат-Таварих» верна. Версия о том, что Инга-торе – из рода кереит (то есть потомок Ван-хана кереитского), мало обоснована в силу того, что они нигде не названы кереитами, более того, Хаджи-бек указывался в источниках как «из рода аркинут», а рядом с ним указывались эмиры из рода кереит (Улуг Тимур кереит) [12, с. 20]. Если бы Хаджи-бек или Инга-торе были действительно потомками Ван-хана, то этот факт был бы указан в источниках либо прямо либо косвенно (племенная принадлежность кереит). 2. Ак-туг по прозвищу Онг-хан это другой Онг-хан, не имеющий ничего общего с кереитским и тайбугидским Онг-ханами. Вполне возможно, он происходил из кыргызов, так как его генеалогия совпадает с генеалогиями Адигине, Тагая и других кыргызов из «Маджму ат-Таварих». Таким образом, в любом случае Инга-торе не мог быть кузеном Токтамышу. Данный домысел возник у автора «Маджму ат-Таварих» из-за совпадения прозвищ отца Токтамыша и предка Инга-торе, а также из-за их союзнических отношений друг с другом.

3. Токтамыш. Согласно «Маджму ат-Таварих» Токтамыш унаследовал владение от Ташкента до Волги от своего отца Онг-хана. Токтамыш оказывал помощь Манасу и был его сюзереном [20, с. 143]. Когда Манас и Якуб-бек начали воевать с Джолоем за Кара Кишлак, Токтамыш помог Манасу (пришел с Волги, где был его враг Мамай), вернул ему Кара Кишлак и заключил мир с Джолоем [20, с. 143]. Причем Токтамыш использовал силы улусов Бахрин и Каркыра [6, с. 160]. Потом Токтамыш воевал три года на Яике (Урал) и в Крыму против Пулада (ставленник Идегея) [20, с. 144].

4. Манас является сыном Якуб-бека и вассалом Токтамыша. Его дружина состояла из кыпчаков Каркары. Каркару здесь можно отождествить с местностью Каркаралы в Центральном Казахстане. После того как Онг-хан умер, Джолой напал на Якуб-бека и захватил Кара Кишлак. Манас откочевал на Талас и Чаткал [20, с. 143], в то время ему было 12 лет [21, с. 193]. Манас стал собирать союзников против Джолоя, и в итоге к нему на помощь пришли Токтамыш, Инга-торе, сын правителя Туркестана Кара-Ногая, Кукира мирза, Баба Али Хитай [20, с. 143]. Здесь стоит отметить присутствие сына золотоордынского хана Кара-Ногая, который в первой половине 1360-ых годов правил в Сыгнаке и контролировал города Южного Казахстана. Присутствие Баба Али Хитая странно, так как жил он чуть позже, в конце XV-начале XVI веков. Возможно, здесь отмечен предок (дед или прадед) Баба Али Хитая (Баба часто переводят как предок в тюркских языках), который был союзником Токтамыша и сына Кара-Ногая. В этом случае понятным становится то, откуда Баба Али Хитай знал столько много информации о Токтамыше и Кара-Ногое. Среди оппонентов Манаса выделяются как калмаки (их

мы опишем ниже), так и предводители племен с Волги, которые были врагами Токтамыша. Среди них ни разу ни упомянут Идегей, но зато есть такие люди как: «предводитель мангытов» Пулад-оглан (у К.И. Петрова он записан как Фулад), Ширин Тигана, Ямгурчи, Сарай Мамай (видимо Мамай из рода Сарай) [20, с. 143]. Здесь однозначно можно отождествить Пулад-оглана с Пулад-ханом, а Ширин Тигану с Тегиней (Декне) из рода Ширин [7, с. 194]. Также есть и другие союзники Манаса: предводитель кыпчаков Ульмас-Кулана, а также правитель Джете (Могулистана) Темир-ходжа и его сын Кара-ходжа. После перемирия Токтамыша с Джолоем, Якуб-бек и Манас получили от Токтамыша обратно Кара Кишлак, а Кара-ходжа получил город Манасию (Манас), который Токтамыш некогда построил для Манаса [20, с. 144]. Здесь Кара-ходжу можно отождествить с известным соратником Токтамыша Кара-ходжой Аргыном, который был послом Токтамыша к Тамерлану в 1405 году. Также по данным Кадырали Жалаири Кара-ходжа Аргын погиб вместе с Токтамышем. Здесь есть одно противоречие: отцом Кара-ходжи в «Маджму ат-Таварих» назван Темир-ходжа. В то время как в казахских шежирах Кара-ходжа имеет следующую генеалогию: Кара-ходжа, сын Даир-ходжи (прозвище Акжол), сына Кодана, сына Аргына [13, с. 42]. Вполне возможно, переписчики «Маджму ат-Таварих» могли исказить имя Даир-ходжа, переделав его в Темир-ходжу. Тем более, что помимо Темир-ходжа, этот человек называется и Ай-ходжа [6, с. 160]. После того как Токтамыш ушел в Крым и на Яик воевать с Пуладом, «калмаки» во главе с Джолоем и Солон Шивой напали на Кара Кишлак и Манасию. Манас в союзе с Кара-ходжой и Инга-торе воевал против них. Также им на помощь подошли силы чагатайского эмира Шир Бахрама, который был мюридом Сейид Мир Джалила (умер в 1430-х годах). После этого вернулся сам Токтамыш с Яика. Джолой был побежден. К нему прибыл посол Тубай от Пулада. Джолой пытался использовать Тубая для того, чтобы отравить Манаса [20, с. 144]. После смерти Джолоя его сторонников возглавил сын Камар ад-Дин. Но при нашествии Аксак Тимура Камар ад-Дин вынужден был примириться с Манасом и его сторонниками и войти в состав коалиции против Тамерлана. В состав данной коалиции вошли Токтамыш, Камар ад-Дин, хан Могулистана Хызр-ходжа, Инга-торе, Кара-ходжа (из племени Аргын), кыпчаки Каркары и Ульмас-Кулана во главе с Карнасом (дядя Манаса). Судя по «Маджму ат-Таварих» данная коалиция нанесла поражение Омар-шейху, сыну Тамерлана [20, с. 145]. Примечательно, что сведения «Маджму ат-Таварих», подтверждаются самим эпосом Манас. В.М. Жирмунский на основе разных списков эпоса Манас отмечает связи Манаса с Токтамышем и Идегеем [10, с. 73–76], что подтверждает данные «Маджму ат-Таварих». Более того, эпос «Манаш» встречается у ногайцев [32, с. 72]. А.И.-М. Сикалиев переводит имя Манаша как людоед [32, с. 99], хотя такой перевод является довольно спорным, но, судя по всему, Манаш – это один из вариантов написания имени Манас. А.И.-М. Сикалиев не раз упоминает данный эпос [32, с. 126, 153, 168], при этом отмечая, что долина Иртыша была владением ногайского мурзы Манаша, а соседний народ хотел прогнать его оттуда [32, с. 166]. Также Манаш называется как Эртиш Бойлык Эр Манаш (Батыр Манаш из Иртыша), также у него отмечается наличие двух детей Саид-Ахмеда и Туякбая [32, с. 195]. Саид-Ахмеда можно отождествить с Сейтеком, внуком Манаса, согласно кыргызской эпической традиции. У

казахов встречается также эпос Манашы [9, с. 393–394] и Туякбай Манашыулы (сын Манашы) [9, с. 287–308] в рамках большого эпоса «Сорок батыров Крыма», который в XVIII веке пришел к казахам от ногайцев [30]. Таким образом, версия о том, что Манас был тесно связан с золотоордынскими кочевниками и ханами, подтверждается. Судя по эпическим данным, Манас был из кыпчаков, жил на Иртыше, на границе восточных владений Улуса Джучи и алтайских кыргызов в эпоху Токтамышша и Идегея.

5. Ак Хусейн и Кара Хусейн и их сыновья Ак Ногай и Кара Ногай. Согласно «Маджму ат-Таварих», Ак Хусейн был вассалом Онг-хана и правителем Крыма. Он был изгнан из Крыма Хулагу-ханом или Шамаем и оказался в Хорезме. Кара Хусейн был также вассалом Онг-хана и был правителем Булгара. Был изгнан Шамаем оттуда и оказался в Туркестане [20, с. 142]. Сын Ак Хусейна по имени Ак Ногай должен был стать правителем Хорезма, а сын Кара Хусейна Кара Ногай должен был стать правителем Сырдарьи до Туркестана [20, с. 143]. Также позже сын Кара Ногай стал соратником Токтамышша и Манаса в их борьбе с Джолоем калмаком [20, с. 143]. Здесь стоит отметить, что Ак Хусейн – это известный по Утемиш-хаджи и другим источникам Хусейн Ак Суфи, сын золотоордынского эмира Нангудая из рода Кунгират, правитель Хорезма [33, с. 113] и основатель династии Суфи, правившей в Хорезме в 1360–1370-ых годах [25]. К сожалению, об Ак Ногае, сыне Хусейна Ак Суфи сведений в других источниках нет. Что касается Кара Хусейна, как известно согласно «Муизз ал-Ансаб» и «Таварихи Гузидаи Нусрат-наме», отцом Ногай (в Утемиш-хаджи Кара Ногай) был Сасы. Можно предположить, что Сасы имел также мусульманское имя Хусейн, и под этим именем (Кара Хусейн – Черный Хусейн) он сохранился в «Маджму ат-Таварих». Также интересен отрывок из Утемиша-хаджи: *«Рассказывают. Устроил однажды этот злосчастный прием зимой, в лютую стужу. Вдруг послышались звуки мелодии. Скинули огланы эти, в соответствии с повседневным требованием, шапки свои и опустили на колени. Стоял мороз. [У того из них], кого звали Хусайн-оглан, [а] был он из родичей отцов Тимур-Кутлук-хана [и] Урус-хана (был Тукай-Тимуридом – Ж.С.), обморозились уши и более чем до половины отвалились. С тех пор стали называть его Корноухий Хусайн (Чонак Хусайн)»* [33, с. 109]. Вполне возможно Чонак Хусейн (корноухий Хусейн) и Кара Хусейн (черный Хусейн) – это один и тот же человек, отец будущего сыгнакского хана Кара Ногай. По всей видимости, эпитеты Ак и Кара (белый и черный) были даны двум Хусейнам и двум Ногаям (их сыновьям) для того, чтобы различать живущих в одном времени людей, как это было с Кучук и Улуг Мухаммедами чуть позже.

6. Династия калмаков, традиционные враги Манаса и его отца. Врагами Манаса обозначены калмаки (немусульмане, «оставшиеся в вере своих отцов») Чонкче (Чонкчи), его сын Джолой и сын Джолоя Камар ад-Дин [20, с. 143–145]. Здесь наиболее логичным является отождествление Калмака Камар ад-Дина и Камар ад-Дина, могулистанского бека из рода Дуглат. В то время Камар ад-Дин свергнув могулистанских ханов стал фактическим правителем Могулистана. Как писал Мухаммед Хайдар Дулати: *«Среди моголов ходит и такая [молва], что в один день он будто бы убил восемнадцать ханов, присвоил себе титул «хан», и дела Моголистана расстроились»* [18, с. 61]. По письменным источникам генеалогия Камар ад-Дина известна очень слабо. Не известно имя его отца, но известны имена его четырех братьев:

Тулак, Пуладжи (Буладжи), Шамс ад-Дин, Шайх Даулет [18, с. 661]. Их дедом (предком) назван эмир Уртубу, который от Чагатая получил местность Манглай Субе [18, с. 26]. Судя по генеалогическим расчетам, вряд ли Уртубу (современник Чагатая, который умер в 1242 году) был непосредственным дедом Камар ад-Дина (активно участвовал в политике Могулистана во второй половине XIV века). Уртубу являлся предком, но не дедом Камар ад-Дина. Другим предком дуглатов назван Байдаган. *«В пределах этих четырех сторон расположены Каишгар и Хотан. Первым, кто из дуглатов утвердился в тех владениях, был эмир Байдаган. От эмира Байдагана [это владение] из рода в род, из века в век, от сына к сыну перешло по наследству к упомянутому выше Мирза Аба Бакру»* [18, с. 366]. Так как Байдаган назван «первым дуглатом», мы можем предположить, что он был отцом Уртубу и после его смерти Чагатай пожаловал Уртубу земли отца (Манглай субе). Генеалогия Камар ад-Дина из «Маджму ат-Таварих», таким образом, не противоречит данным других источников. Мы можем утверждать, что Чонкчи был потомком Байдагана и Уртубу и дедом Камар ад-Дина. Сыном Чонкчи был Джолой, у которого было 5 сыновей: Тулак, Пуладжи (Буладжи), Шамс ад-Дин, Камар ад-Дин, Шайх Даулет.

7. Пулад-оглан (Пулад-хан). В «Маджму ат-Таварих» он назван предводителем мангытов и соперником Токтамыша. Он в союзе с калмаками воевал против Манаса и Токтамыша. Эти сведения представляют собой точку зрения сторонников Токтамыша и Манаса, в то время как есть другой источник («Бахр ал-Асрар»), повествующий о данных событиях с точки зрения Пулад-хана. Т.А. Акерев считает, что данное столкновение имело место в 1407 году, когда Пулад-хан совершал поход на кыргызов [6, с. 160]. А. Мокеев приводит данные «Бахр ал-Асрар» о походе Пулад-хана на кыргызов: *«Махмуд ибн Вали рассказывает, что когда Пулад-хан установил свою власть в стране, он решил наказать кыргызские племена (аквам-и кыргыз), которые совершали набеги в пограничные районы Ак-Орды. Однако, Шейбаниды по той причине, что во время нашествия Тимура бежали к кыргызам и пользовались их покровительством, отказались принять участие в походе Пулад-хана. Несмотря на это, Пулад-хан сам отправился против кыргызов и отчистил от них окрестности Ак-Орды. В этих же рассказах Махмуд ибн Вали сообщает, что Ак-Орда находилась в восточной части Даиш-и Кыпчака и соприкасалась с землями кыргызов»* [19, с. 101]. Как отмечал Р.А. Абдуманов: *«по сообщению автора «Бахр ал-асрар» потомки Орды присоединились к Пулад-хану в этом походе; после победоносного завершения которого хан поручил охрану прииртышских пределов Ак-Орды амирам племени байрин, полностью преградившим путь кыргызам»* [3, с. 43–44]. Здесь под Ак Ордой стоит понимать не государство-улус потомков Орда-ичена [27], а ставку-резиденцию джучидских правителей [26; 15].

Как известно, Токтамыш погиб зимой 1406 года [17, с. 148], точнее зимой 1406–1407 годов [22, с. 189], во времена правления Шадибека, а не Пулада. В «Маджму ат-Таварих» Пулад назван огланом, но в «Бахр ал-Асрар» он назван ханом. Скорее всего, поход Пулад-хана был в 1407–1408 годах, в промежутке после своего воцарения и до похода Идегея на Москву в 1408 году, так как в походе на Москву участвовали Ширин Тегиня и Сарай (Сарай-Мамай), которые были соратниками Пулад-хана в походе на кыргызов (Манаса и его союзников). Военные действия Пулада против Манаса в переводе В.А. Ромо-

дина приведены в статье С.В. Плоских. Согласно этому переводу, Темир-ходжа (Даир-ходжа) остался в крепости Манассия. Манас с войском пошел на Пулада. Случилась битва батыров от двух войск. От войска Пулада был Ямгурчи, а от войска Манаса – Карнас (ранее упоминался как дядя Манаса). После этого Манас ночью атаковал лагерь Пулад-хана. Разгневанный Пулад повел войско на Манассию. Погибло тысяча человек. Ямгурчи запалил ворота и проник в крепость. Темир-ходжа вышел с ним на поединок и ранил саблей. Ямгурчи выбрался из крепости. Пулад перевязал ему раны. После этого войско Пулада отступило. Манас вернулся к Темир-ходже и укрепил ворота Манассии [21, с. 194]. Интересно отсутствие Кара-ходжи, сына Темир-ходжи в этих отрывках. Видимо, он действительно погиб зимой 1406–1407 годов вместе с Токтамышем, как сказано у Кадырали Жалаири. Также есть и другое описание битвы Манаса с Пуладом. Видимо, мы имеем здесь описание другого эпизода столкновения Манаса и Пулада, не 1407 года. Т.А. Акеров вкратце пересказывает сведения о битве между Пулад-ханом и Манасом: «*Решающее сражение сторон происходит в Яике, т.е. на Урале. Манас выходит на поединок с Пуладом и ранит его. Во втором поединке Манас ранит Жолоя, а его союзник Темиркожо (Айкожо) сразил копьём Пулада, а затем отрубил ему голову. Союзники, одержав победу, возвратились в свою резиденцию – город Манассию*» [6, с. 160]. Сама локализация битвы на Яике показывает, что это вряд ли имеет отношение к походу Пулад-хана на кыргызов, проживавших на Алтае. Скорее тут события прямо противоположные: бывшие сторонники Токтамыша и кыргызы могли сами напасть на ставку Пулад-хана в Волго-Уральском междуречье. Упоминание в «Маджму ат-Таварих» того, что Темир-ходжа (Даир-ходжа Аргын) убил Пулада и отрубил ему голову, интересны. Здесь возможны два варианта хронологии этой битвы. 1. Даир-ходжа Аргын (отец Кара-ходжи) действительно убил Пулад-хана. Тогда это могло случиться только в 1411 году, когда Пулад-хан умер [31, с. 186]. 2. Либо эта битва имела место в 1408 году, когда Идегей со своей армией совершал поход на Москву и получил весть от Пулад-хана о том, что на него напал некий царевич, который «много мятежа в Орде сотворил» [31, с. 185]. Во втором случае Пулад-хан не был убит.

Помимо коротких пересказов К.И. Петрова и Т.А. Акерова есть еще переводы В.А. Ромодина как в статье С.В. Плоских, так и в рамках «Материалов по истории киргизов и Киргизии». К сожалению, там данных об истории Улуса Джучи мало. Ниже мы прокомментируем ряд отрывков из «Материалов по истории киргизов и Киргизии» касательно истории Улуса Джучи.

8. Приведена генеалогия золотоордынского племени Юз. Это племя происходит от Туркан-хана Атабека Караджа, который был сыном Салгура, сына Фа Сельджука, сына Атабека Нуштегина [16, с. 204–205]. Таким образом, есть две версии происхождения данного племени. С одной стороны они могут быть потомками Сельджука, из огузского племени Кынык. С другой стороны, они могут быть потомками хорезмшаха Ануштегина (правил в 1077–1097 годах), происходящего из огузского рода Бекдили. Второй вариант более предпочтителен, так как, согласно историческим данным, Сельджук имел другую генеалогию: сын Токака (Тукак, Дукак), сына Лукмана, происходившего из рода Тугшырмыша, сына Керекучи-ходжи. В любом случае «Маджму ат-Таварих» свидетельствует об огузском происхождении золотоордын-

ского племени Юз. С большей долей вероятности предок племени Юз являлся представителем боковой ветви династии Хорезмшахов (Ануштегиниды), правившей с 1077 по 1231 года.

9. «Маджму ат-Таварих» является первым произведением, где приведен список 92 узбекских племен илатьи [16, с. 210–213]. Как мы писали ранее, данный список является отражением родоплеменного состава кочевников всего Улуса Джучи, а не только его Восточной части [29]. Если касаться источника информации, то есть два варианта. Возможно, источником данной информации являлся вышеупомянутый Баба Али Хитай. Также существует возможность того, что немногочисленные узбеки Шейбани-хана (см. о численности узбеков Шейбани-хана [28]) либо представители золотоордынских родов Аргын [23], Минг (Бабур упоминает их в Фергане в конце XV века) или Юз (их происхождение указано в сочинении, то есть автор контактировал с ними), переселившиеся в государство Тимуридов до Мухаммеда Шейбани, могли быть информаторами Сейф ад-Дина Ахсикенди.

Подводя итоги статьи, стоит отметить, что «Маджму ат-Таварих» является ценным источником по истории Улуса Джучи, несмотря на наличие в сочинении целого ряда анахронизмов. В данном источнике упоминаются такие ханы Золотой Орды как Токтамыш, Кара-Ногай и его сын (был союзником Токтамыша), Пулад, Онг-хан (возможно, прозвище отца Токтамыша), Кара Хусейн (отец Кара-Ногая, правил Булгаром как вассал Онг-хана). Среди эмиров Улуса Джучи упоминаются Мамай (из племени Кият), Тегиня (Тегин, Декне) из племени Ширин, Темир-ходжа (Даир-ходжа) и его сын Кара-ходжа (из племени Аргын), Хусейн Ак-Суфи из племени кунгират и его сын Ак Ногай, Мамай из племени Сарай, сторонники Пулада Ямгурчи и Тубай, некий Кукира мирза, Баба Али из племени Хитай и, возможно, его предок (соратник Токтамыша и сына Кара Ногая). Также в «Маджму ат-Таварих» упоминаются легендарный Манас из племени Кыпчак, его отец Якуб-бек и дядя Карнас, Тамерлан и его сын Омар-шейх, чагатайский бек Шир Бахрам, могулистанский бек Инга-торе, Камар ад-Дин из племени Дуглат, его отец Джолой и дед Чонкчи (Чонкче), мусульманский шейх Сейид Мир Джалил (умер в 1430-х годах) и т.д. Одним из результатов заблуждений автора представляется одиночная фигура Онг-хана, под именем которой на самом деле скрывалось три действительных исторических лица (Тогрул (Тоорил), керейт по прозвищу Ван-хан, Актуг по прозвищу Онг-хан, предок Инга-торе, Той-ходжа по прозвищу Онг-хан, отец Токтамыша).

Главным информатором «Маджму ат-Таварих» в плане сведений об Улусе Джучи был Баба Али из племени Хитай, который служил Тукай-Тимуриду Абдулкериму, хану Астрахани, а также Шибаниду, хорезмскому хану Султангази из потомков Арабшаха. Баба Али Хитай был информатором Утемиша-хаджи о Токтамыше и, возможно, Кара-Ногая и Хусейне Ак-Суфи. Так как он был информатором и для Сейф ад-Дина Ахсикенди, Кара Ногай также встречается и в сочинении «Маджму ат-Таварих».

К сожалению, несмотря на всю свою научную ценность, «Маджму ат-Таварих» так и не был переведен полностью с учетом всех существующих списков и с научными комментариями (переведенная на кыргызский язык бишкекская копия может отличаться от других копий «Маджму ат-Таварих»). Введение в научный оборот данного источника позволит обогатить инфор-

мацию как по истории Золотой Орды, так и по истории Могулистана и кыргызов, граничивших с восточными владениями Улуса Джучи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдрахманов Г. Улуу Эл урпактары. Т. 2. Бишкек, 2015. 788 с.
2. Абдуманов Р.А. Кипчаки в истории Кыргызов. Бишкек, 2015. 200 с.
3. Абдуманов Р.А. К истокам организации родоплеменной структуры кыргызов // Тюркологический сборник 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 40–50.
4. Абдуманов Р.А. О кыпчакских корнях кыргызского эпоса Манас // Четвертые востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы IV региональной конференции. Барнаул. 26 апреля 2002 г. Барнаул: Изд-во БПГУ, 2002. С. 211–217.
5. Акеров Т.А. Версия эпоса Манас в книге Маджму ат-Таварих С. Ахсикенди как исторический источник по истории Кыргызского народа // Мир Евразии. Горно-Алтайск, 2016. № 1 (32). С. 2–12.
6. Акеров Т.А. Золотая Орда в легендарном сочинении «Маджму ат-таварих» С. Ахсикенди // Золотоордынская цивилизация. Казань: Институт истории АН РТ, 2016. № 9. С. 158–161.
7. Акчуринов М.М. Начальная генеалогия ширинских князей // Золотоордынское наследие. Казань: Институт истории АН РТ, 2011. Вып. 2. С. 191–202.
8. Ахсикенди Сайф ад-Дин Тарыхтардын Жыйнагы (Мажму атут таворих) // Акыл / под редакцией Досболова М. и Сооронова О. Бишкек, 1996. 126 с.
9. Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры. Астана: Фолиант, 2008. Т. 51. 448 б.
10. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 728 с.
11. Исаева А.К. Интерполяции эпоса «Манас» (от Маджму ат-Таварих до «Айкөл Манаса») // Известия вузов Кыргызстана. Бишкек: Изд-во: «Наука и новые технологии», 2016. № 1. С. 163–167.
12. Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. Ташкент: Sanat, 2008. 486 с.
13. Қазақ ру-тайпаларының тарихы. Арғын. Т. 9. Книга 3. Алматы: «Алаш» Тарихи Зерттеу Орталығы, 2007. 660 с.
14. Караев О.К. Ранние сообщения о Манасе // Эпос «Манас» как историко-этнографический источник. Тезисы международного научного симпозиума, посвященного 1000-летию эпоса Манас. Бишкек, 1995. С. 32–33.
15. Кушкумбаев А.К. «Алтыннан Соққан ақордан...»: О термине «Ақ Орда» в героическом эпосе «Ер Едіге» // Золотоордынская Цивилизация. Казань: Институт истории АН РТ, 2016. № 9. С. 144–152.
16. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. (под редакцией Ромодина В.А.). М.: Изд-во «Наука», 1973. 283 с.
17. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
18. Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди / пер. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой. Ташкент: Фан, 1996.
19. Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Бишкек, 2010.
20. Петров К.И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их отношений с ойратами. Фрунзе, 1961. 213 с.
21. Плоских С.В. Памятники письменности Кыргызстана в рукописном фонде Национальной Академии Наук // Письменные памятники Востока. СПб.: Институт восточных рукописей РАН, 2009. № 2. С. 192–203.
22. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 408 с.
23. Сабитов Ж.М. Аргуны во владениях Тимуридов в 1450–1550-е гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2011. № 3. С. 128–133.

24. *Сабитов Ж.М.* Калмаки Восточного Дашт-и Кыпчака в XIV–XVI веках // *Global Turk*. Астана, 2014. № 3/4. С. 134–143.
25. *Сабитов Ж.М.* Кунгираты в восточном Дешти-Кипчаке в XIII–XV веках // *Вестник Евразийского Национального Университета*. Астана. 2012. № 3(88). С. 121–124.
26. *Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К.* Термины Ак-Орда и Кок-Орда в письменных и устных источниках (к вопросу о семантике терминов) // *Научный Татарстан*. 2015. № 3. С. 33–42.
27. *Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К.* Улусная система Золотой Орды в XIII–XIV веках: к вопросу о локализации Ак орды и Кок орды // *Золотоордынское обозрение*. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. № 2. С. 60–72.
28. *Сабитов Ж.М.* К вопросу о составе войск Шейбани-хана // *Мир научных исследований*. Астана, 2014. № 7–12 (85–90). С. 7–11.
29. *Сабитов Ж.М.* О происхождении этнонима «узбек» и «кочевые узбеки» // *Золотоордынская цивилизация*. Казань: Институт истории АН РТ, 2011. № 4. С. 166–173.
30. *Сабитов Ж.М.* Эпос «Сорок батыров Крыма» в Казахском Народном фольклоре // *Global Turk*. Астана, 2015. № 3/4. С. 46–57.
31. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 278 с.
32. *Сикалиев А.И.-М.* Ногайский героический эпос. Черкесск: КЧИГИ, 1994. 328 с.
33. *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследования В.П. Юдина. Подготовила к изданию Ю.Г. Баранова. Комментарии, указатели М.Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым. 1992. 296 с.

Сведения об авторе: Жаксылык Муратович Сабитов – Ph.D. (политические науки), доцент кафедры регионоведения Евразийского Национального Университета им. Л.Н.Гумилева (010008, ул. Сатпаева, 2, Астана, Казахстан). E-mail: babasan@yandex.ru

*Поступила 04.07.2017 Принята к публикации 04.09.2017
Опубликована 30.09.2017*

REFERENCES

1. Abdrakhmanov G. *Uluu El urpaktary* [Descendants of the great tribe]. Bishkek, 2015. Vol. 2. 788 p. (In Kyrgyz)
2. Abdumanapov R.A. *Kipchaki v istorii Kyrgyzov* [Kipchaks in the history of the Kyrgyz.]. Bishkek, 2015. 200 p. (In Russian)
3. Abdumanapov R.A. K istokam organizatsii rodoplemennoy struktury kyrgyzov [To the origins of the organization of Kyrgyz tribal structure]. *Tyurkologicheskiy sbornik 2006*. [Turkological collection 2006]. Moscow, Oriental Literature Publ., 2007, pp. 40–50. (In Russian)
4. Abdumanapov R.A. O kypchakskikh kornyakh kyrgyzskogo eposa Manas [About Kipchak roots of the Kyrgyz epos Manas]. *Chetvertye vostokovedcheskie chteniya pamyati S.G. Livshitsa. Materialy IV regional'noy konferentsii. Barnaul. 26 aprelya 2002 g.* [Fourth Oriental Readings in Memory of S.G. Livshits. Proceedings of the IV Regional Conference. Barnaul. April 26, 2002]. Barnaul, 2002, pp. 211–217. (In Russian)
5. Akerov T.A. Versiya eposa Manas v knige Madzhmu at-Tavarikh S. Akhsikendi kak istoricheskiy istochnik po istorii Kyrgyzskogo naroda [Version of the epic Manas in “Majmu al-Tawarikh” by S. Akhsikendi as a historical source on the history of the Kyrgyz people]. *Mir Evrazii* [World of Eurasia]. Gorno-Altaysk, 2016, no. 1 (32), pp. 2–12. (In Russian)

6. Akerov T.A. The Golden Horde in the Legendary Work “Majmu al-Tawarikh” by S. Akhsikendi. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan, Sh.Marajani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, no. 9, pp. 158–161. (In Russian)
7. Akchurin M.M. Nachal'naya genealogiya shirinskikh knyazey [Initial genealogy of the Shirin princes]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordyy»* [Golden Horde Heritage: Proceedings of the 2nd International Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde”]. Kazan, Sh.Marajani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2011, Vol. 2, pp. 191–202. (In Russian)
8. Ahsikendi Sajf al-Din. «Taryhtardyn zhyjnagy» (*Mazhmu atat tavorih*). «Akyl», pod red. M. Dosbolova, O. Soroonova. Bishkek, 1996. 126 p. (In Kyrgyz)
9. Babalar sozi: Zhuz tomdyk. Batyrlar zhyry. [Ancestor's words: one hundred volumes. Heroes of the epic]. Astana, Foliant Publ., 2008. Vol. 51. 448 p. (In Kazakh)
10. Zhirmunsky V.M. *Tyurkskiy geroicheskiy epos* [Turkic heroic epic]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 728 p. (In Russian)
11. Isaeva A.K. Interpolyatsii epasa «Manas» (ot Madzhmu at-Tavarikh do «Aykel Manasa») [Interpolation of the epic “Manas” (from Majmu 'al-Tawarikh to “Aykel Manas”)]. *Izvestiya Vuzov Kirgystana* [Proceedings of the universities of Kyrgyzstan]. Bishkek, Nauka i novye tekhnologii Publ., no. 1, 2016, pp. 163–167. (In Russian)
12. Yazdi Sharaf ad-Din Ali. *Zafar-name* [Book of the victories]. Tashkent, Sanat Publ., 2008. 486 p. (In Russian)
13. *Qazaz ru-taypalarynyn tarikhy. Arghyn*. [The history of Kazakh tribes and clans. The Argyn]. Vol. 9. Book 3. Almaty, Alash Historical Research Center Publ., 2007. 660 p. (In Kazakh)
14. Karaev O.K. Rannie soobshheniya o Manase. Original'naya versiya [Early Reports about Manas. Original version]. *Jepos «Manas» kak istoriko-jetnograficheskiy istochnik. Tezisy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma, posvjashhennogo 1000-letiju jeposa «Manas»* [The Epic “Manas” as a Historical and Ethnographic Source. Abstracts of the International Research Symposium dedicated to the 1000th Anniversary of the Epic “Manas”]. 1995, pp. 32–33. (In Russian)
15. Kushkumbaev A.K. «Altynnan Soqqan aqordan...»: O termine «Aq Orda» v geroicheskom epose «Er Edige» [“Altynnan Soqqan aqordan”: On the term “Aq Orda” in the heroic epos “Er Edige”]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization: Collected articles]. Kazan, Sh.Marajani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016, no. 9, pp. 144–152. (In Russian)
16. *Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii* [Materials on the History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan] (pod red. V. A. Romodina). Moscow, 1973. Is.1. 283 p. (In Russian)
17. Mirgaleev I.M. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordyy perioda pravleniya Tokhtamysh-khana*. [The political history of the Golden Horde in the period of rule of Tokhtamysh Khan]. Kazan, Alma-Lit Publ., 2003. 164 p. (In Russian)
18. Mirza Muhammad Haidar. *Tarikh-i Rashidi* [History of Rashid]. Trans. A. Uruntaeva, R.P. Jalilova. Tashkent, Fan Publ., 1996. (In Russian)
19. Mokeev A. *Kyrgyzy na Altae i na Tyan'-Shane* [Kyrgyz people in the Altai and the Tien Shan]. Bishkek, 2010. 200 p. (In Russian)
20. Petrov K.I. *K istorii dvizheniya kirgizov na Tyan'-Shan' i ikh otnosheniy s oyratami* [On the history of the movement of Kyrgyz people in the Tien Shan, and their relations with Oirats]. Frunze, 1961. 213 p. (In Russian)
21. Ploskikh S.V. Pamyatniki pis'mennosti Kirgystana v rukopisnom fonde Natsional'noy Akademii Nauk [Written monuments of Kyrgyzstan in the manuscript collection of the National Academy of Sciences]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written Monuments of the East]. St. Petersburg, Institute of Oriental Manuscripts Publ., 2009, no. 2, pp. 192–203. (In Russian)

22. Pochekaev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ord* [The kings of the Horde. Biographies of khans and rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg, Evrasia Publ., 2010. 408 p. (In Russian)
23. Sabitov Zh.M. Arguny vo vladenyakh Timuridov v 1450–1550-e gg. [The Arguns in the land holdings of the Timurids in the 1450–1550s]. *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar states]. Kazan, Sh.Marajani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, no 3, pp. 128–133. (In Russian)
24. Sabitov Zh.M. Kalmaki Vostochnogo Dasht-i Kypchaka v XIV–XVI vekakh [The Kalmaks of the Eastern Dasht-i Kipchak in the 14th–16th centuries]. *Global Turk*. Astana, 2014, no. 3/4, pp. 134–143. (In Russian)
25. Sabitov Zh.M. Kungiraty v vostochnom Deshti-Kipchake v XIII–XV vekakh [The Qungirats in the Eastern Dasht-i-Kypchak in the 13th–15th centuries]. *Vestnik Evraziyskogo Natsional'nogo Universiteta* [Bulletin of the Eurasian National University]. Astana, 2012, no. 3(88), pp. 121–124. (In Russian)
26. Sabitov Zh.M. Kushkumbaev A.K. Terminy Ak-Orda i Kok-Orda v pis'mennykh i ustnykh istochnikakh (k voprosu o semantike terminov). [Terms of Aq-Orda and Kok-Orda in written and oral sources (to the question of the terms' semantics)]. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. Kazan, 2015, no. 3, pp. 33–42. (In Russian)
27. Sabitov Zh.M., Kushkumbaev A.K. Ulusnaya sistema Zolotoy Ord v XIII–XIV vekakh: k voprosu o lokalizatsii Ak-Ord i Kok-Ord [The System of the Golden Horde Uluses in the 13th–14th Centuries: To the Question of Localization of the Ak Horde and Kok Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marajani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2013, no 2, pp. 60–72. (In Russian)
28. Sabitov Zh.M. K voprosu o sostave voysk Sheybani-khana [On the question of the composition of forces of Sheibani Khan]. *Mir nauchnykh issledovaniy* [The world of scientific research]. Astana, 2014, no. 7–12 (85–90), pp. 7–11. (In Russian)
29. Sabitov Zh.M. O proiskhozhdenii etnonima «uzbek» i «kochevye uzbeki» [On the origin of the ethnonym “Uzbek” and “Nomadic Uzbeks”]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan, Sh.Marajani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2011, no. 4, pp. 166–173. (In Russian)
30. Sabitov Zh.M. Epos «Sorok batyrov Kryma» v Kazakhskom Narodnom fol'klore [The Epic “Forty Crimean Knights” in Kazakh folklore]. *Global Turk*. Astana, 2015, no. 3/4, pp. 46–57. (In Russian)
31. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ord* [Disintegration of the Golden Horde]. Saransk, 1960. 278 p. (In Russian)
32. Sikaliyev A.I.-M. *Nogayskiy geroicheskiy epos* [The Nogai heroic epic]. Cherkessk, KCHIGI Publ., 1994. 328 p. (In Russian)
33. Ötemish-Hajji. *Chingiz-name. Faksimile, perevod, transkriptsiya, tekstologicheskie primechaniya, issledovaniya V.P. Yudina. Podgotovila k izdaniyu Yu.G. Baranova, Kommentarii, ukazateli M.Kh. Abuseitovoy* [Chingiz-name. Facsimile, translation, transcription, textual notes, research of V.P. Yudin. Prepared to publishing by Y.G. Baranova. Comments, indexes by M.Kh. Abuseitova]. Alma-Ata, Gylym Publ., 1992. 296 p. (In Russian)

About the author: Zhaxylyk M. Sabitov – Ph.D. (Political sciences), Associate Professor, Political Science Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpaev Str., Astana 010008, Kazakhstan). E-mail: babasan@yandex.ru

*Received July 4, 2017 Accepted for publication September 4, 2017
Published September 30, 2017*

УДК 94(47+57)"12/14"

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.591-599

**«ТАТАРСКИЙ ПРОЕЗД» – ФИСКАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ТРАНСПОРТНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОСУДАРСТВА
(НА ТЕРРИТОРИИ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ)**

Ю.В. Селезнёв

*Воронежский государственный университет
Воронеж, Российская Федерация
ordal359@mail.ru*

Цель: исследование форм и способов фискального обеспечения проезда и пребывания ордынских послов и должностных лиц на территории подвластных владений (на примере русских княжеств).

Материалы исследования: комплекс письменных исторических источников русского, западноевропейского, персидского, монгольского, китайского происхождения (летописного и актового), материалы исторических, источниковедческих и археологических исследований.

Результаты и научная новизна: доведение до властей на местах имперских распоряжений, уточнение налоговых и военных повинностей требовало постоянного взаимодействия служб управления различных уровней. Пребывание «сильных послов», баскаков, численников, даруг и иных чиновников ордынского административного аппарата обеспечивалось за счет казны и требовало финансовых расходов. Причем на всем протяжении Монгольской империи особый статус послов был гарантирован обеим сторонам. Однако обеспечение содержания данных категорий чиновников было возложено на плечи покоренного податного населения и местного управления. Это отметил китайский сановник Сюй Тин. Подобные сборы, включающие обеспечение войсковых соединений, Джувейни обозначил термином тузга. В другом месте персидский автор уже отделил тузгу от обеспечения войск. Описывая возвращение от кагана правителя Хорасана эмира Коргуза, Джувейни подчеркнул, что для него приготовили тузгу, а затем были зачитаны ярлыки. Следовательно, сбор для обеспечения проезда и пребывания ордынских послов и должностных лиц, в том числе высокого ранга, обозначался в 1250-е гг. как «тузга». В него включался фураж, продовольствие, утварь и иное обеспечение движения чиновника (снаряжение, жильё/палатка). Именно в рамках подобного «угощения»/приёма до местных подвластных правителей доводилась воля верховного правителя (читались ярлыки и провозглашались ясы). По всей видимости, постепенно налог из постоянного превращался в экстраординарный либо был возложен на специальные категории податного населения. Однако экстраординарные незапланированные посольские миссии вызывали необходимость сбора дополнительных средств. Свидетельства источников русского происхождения позволяют предполагать, что ставка подобного сбора равнялась 1/100 от ставки «выхода» – ежегодной дани.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, фискальная политика, Русь, Новгород, Тверь, Рязань, денежно-весовые системы

Для цитирования: Селезнёв Ю.В. «Татарский проезд» – фискальное обеспечение административного управления и транспортных коммуникаций золотоордынского государства (на территории русских земель) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 591–599. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.591-599

**THE “TATAR PASSWAY”: THE FISCAL PROVISION
OF ADMINISTRATIVE MANAGEMENT AND TRANSPORT
COMMUNICATIONS IN THE GOLDEN HORDE STATE
(IN RUSSIAN TERRITORIES)**

Ju.V. Seleznjov

*Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation
orda1359@mail.ru*

Research objectives: To study the forms and means of fiscal support for the travel and accommodation of the Horde's ambassadors and officials in the territory of subordinate peoples (with the example of Russian principalities).

Research materials: A diverse group of written historical sources of Russian, Western European, Persian, Mongolian, Chinese origin (annals and acts), historical materials, source studies, and archaeological research.

Results and novelty of the research: Keeping local authorities informed of imperial orders, clarification of tax, and military duties required constant interaction of management services at various levels. Accommodating the stays of “strong ambassadors”, basqaqs, “chislenniks”, darugachis and other officials of the Horde's administrative apparatus was provided at the expense of the treasury and required financial expenses. The subjugated, tax-paying population and the local administration were obliged to maintain these categories of officials, as noted by a Chinese official, Xu Ting. Juwayni designated such charges, which included the provision of military units, with the term “tuzga”. In another place, the Persian author separated the tuzga from the provision of troops. Describing the return from the Khagan of Khorasan ruler, Amir Korguz, Juwayni stressed that the tuzga was prepared for him and yarlyks were read out only after that.

Hence, in the 1250s, the charges for the travel and accommodation of the Horde's ambassadors and officials was designated as “tuzga”. It included forage, food, utensils and other support for the movement of an official (equipment, shelter/tents). During such receptions, the will of the supreme ruler was conveyed to the local subordinate rulers (yarlyks were read and the yasas proclaimed). Apparently, this permanent tax gradually turned into an extraordinary one or the obligation to pay it was assigned to special categories of the taxable population. However, extraordinary, unplanned embassy missions caused the need to collect additional funds. Evidence in sources of Russian origin suggest that such a charge was equal to one percent of the total amount of the annual tribute.

Keywords: Jochid ulus, Golden Horde, fiscal policy, Rus', Novgorod, Tver, Ryazan, monetary-weight system

For citation: Seleznjov Ju.V. The “Tatar Passway”: The Fiscal Provision of Administrative Management and Transport Communications in the Golden Horde State (In Russian Territories). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 591–599. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.591-599

Одной из важных задач общеимперского управления огромными завоеванными территориями было обеспечение контроля над отдаленными районами. Донесение до местных властей имперских распоряжений, уточнение налоговых и военных повинностей требовало постоянного взаимодействия служб управления различных уровней. Пребывание «сильных послов», баскаков, численников, даруг и иных чиновников ордынского административно-

го аппарата обеспечивалось за счет казны и требовало финансовых расходов. Так в своих записках брат Бенедикт отмечает: «Послам, которых он [император] посылает или которые посланы к нему самому, *выдается бесплатное содержание и почтовые лошади...*» [19, с. 121]. Причем, как мы видим, особый статус послов был гарантирован обеим сторонам. Однако обеспечение содержания данных категорий чиновников было возложено на плечи покоренного податного населения и местного управления.

Так, китайский сановник Сюй Тин отметил, что «В последние время всё китайское население, за исключением ремесленников, [обложено] ежегодными налогами, без различия на мужчин и женщин: с каждого горожанина – [взимается] шелковой пряжи на 25 лян [серебра]; [с каждого] быка или овцы – шелковой пряжи на 50 лян (*имеется в виду то количество серебра, которое уже взято взаймы у мусульман, и на которое куплено продовольствие, отданное послам и чиновникам, проехавшим через [город]*)» [с каждого] сельского земледельца ежегодно [взимается] шелковой пряжи на 100 лян и зерновая подать в 4 дань неочищенного риса, безотносительно величины пашни [у него]» [6, с. 47]. В другом месте Сюй Тин упомянул, что «...кроме [получения] с каждого тяглого из каждого двора пряжи и ваты, в пересчете на серебро, *с каждого [берется] фураж, продовольствие, утварь и снаряжение для проезжающих послов и сановников*, а также для передислоцирующихся войск и конницы. И все это, использованное в казенных целях, затем, через некоторое время, подсчитывается, а общая сумма всего использованного в виде подати [раскладывается] на население». В завершении данного рассказа Сюй Тин оставил комментарий: «Во всех погибших государствах люди считают это весьма тягостным...» [6, с. 47–48].

Подобные сборы, включающие обеспечение войсковых соединений, Джувейни обозначил термином тузга: «А что до провианта для войск, то был отдан приказ, чтобы все земли собрали по одному тагхару, то есть по сто маундов зерна и по 50 маундов, то есть по одному бурдюку вина на каждого воина. И эмиры и местные правители, кто бы они не были, начали заготавливать провизию и *собирать тузгу, или угощение*, и они разместили своё угощение на всем пути [следования войска]. Кроме того, монгольские и мусульманские эмиры пригнали табуны кобылиц, и каждый по очереди обеспечивал войско кумысом, пока они не переходили к другому эмиру» [1, с. 442].

В другом месте персидский автор уже отделил тузгу от обеспечения войск. Описывая возвращение от кагана правителя Хорасана эмира Коргуза, Джувейни подчеркнул: «Чтобы приготовить для него тузгу, мой отец отправил туда палатку со всем необходимым – и сделал все, что делалось в таких случаях...». А затем «приготовил *ещё одну палатку великолепной работы и замечательной расцветки со всей необходимой золотой и серебряной утварью*. Он поставил эту палатку и пировал в ней без перерыва несколько дней, и в это время были зачитаны ярлыки, и вновь провозглашенные ясы были объявлены всему миру» [1, с. 357–358].

Таким образом, сбор для обеспечения проезда и пребывания ордынских послов и должностных лиц, в том числе высокого ранга, обозначался в 1250-е гг., как «*тузга*». В него включался фураж, продовольствие, утварь и иное обеспечение движения чиновника (снаряжение, жильё/палатка). Именно в рамках

подобного «угощения»/приёма до местных подвластных правителей доводилась воля верховного правителя (читались ярлыки и провозглашались ясы).

Подобное явление, когда ордынские послы в русских княжествах доводят ханскую волю до своих подданных, фиксируется под 1304 г.: «Того же лѣта на осень князь великий Андрѣи вышелъ изъ орды съ послы и съ пожалованиемъ царевымъ, и съехашася на съѣздъ въ Переяславль вси князи и митрополить Максимъ, князь Михаило Ярославичъ Тферскый, князь Юрьи Даниловичъ Московскый с братьею своею; и *ту чли грамоты, царевы ярлыки*, и князь Юрьи Даниловичъ приать любовь и взял себе Переяславль, и разѣхашася раздно» [14, с. 86]. Надо полагать, что, как и в Персии полвека назад, на Руси послы хана были обеспечены всем необходимым за счет великокняжеской казны.

Такой вывод мы можем сделать из сохранившихся свидетельств актового материала. К примеру, в ярлыке хана Менгу-Тимура русскому духовенству от 1267 г. отмечено освобождение церкви от налоговых повинностей: «во всех пошлинах не надобе им ни которая царева пошлина» в том числе, «ни ям», «ни подводы», «*ни корм*»; «ни дороги» (дороги?), «*ни посла*» [22, с. 463–491; 10, с. 588].

Аналогичные освобождения фиксируются в жалованной грамоте нижегородского князя Александра Ивановича (ок. 1418–1419 гг.): «не надобе им никоторая моя дань, ни писчая белка, *ни ям*, ни подвода, *ни татарский проезд*, ни городное дело, ни иные которые пошлины...» [4, с. 479].

О специальных людях обеспечивающих ордынских послов упоминается в договоре от 1496 г. рязанских князей Ивана Васильевича и Фёдора Васильевича: «А что в городе въ Переяславли мои люди тяглыи, *кои послов кормятъ*, и мыта и иные пошлины: и тебѣ в то не вступатися...» [3, с. 322].

Таким образом, актовые документы XV столетия отмечают особые статьи налогообложения – тягла, которые напрямую связаны с обеспечением проезда ордынских послов, в том числе обеспечивая их кормом (фуражом) и провизией. Эти статьи аналогичны статьям льготной грамоты Менгу-Тимура от 1267 г., чем подтверждают существование данной повинности в течение существования Орды как государства на протяжении XIII–XV столетий.

Стоит также обратить внимание на указание жалованной грамоты великого князя Бориса Александровича Тверского Успенскому Отрочу монастырю, в которой специально оговорен экстраординарный случай: «...придет к нам коли из Орды посол силен, а немочно будет его опровадити, ино тогды архимандрит с тех сирот пособит в ту тяготу, с половника даст по десятку тверскими кунами...» [5, с. 154]. Надо полагать, что перед нами ставка налога на «татарский проезд», на содержание ордынских чиновников и, в частности, послов: вряд ли для льготных категорий устанавливалась иная норма, нежели для податного населения. В данном случае единственное льготное ограничение состоит в том, что с монастырских земель берется налог только с половников – крестьян, обрабатывающих землю за часть урожая (половину).

Аналогичные нормы, зафиксированные в берестяных грамотах № 215 и № 218 [18, с. 69–74], мы наблюдаем в Новгороде Великом.

В.Л. Янин и А.А. Зализняк вполне закономерно связали между собой обе грамоты и сделали вывод, что в них идет речь об ордынской повинности, которая в грамотах представлена как в денежной форме (гривны и резаны) –

туска, так и в натуральной (полоть мяса и пшеница). Проанализировав слово «намо», авторы надёжно определили его как процент – лихва [21, с. 164–168].

А.Л. Хорошкевич, подробно рассмотревшая данные грамоты в связи с отношениями Новгорода и Орды, пришла к следующим выводам. Вслед за А.А. Зализняком [21, с. 167] исследовательница определила указанные резаны как процент с 1 гривны. Этот процент при учете равенства гривны 50 резанам [20, с. 40], оказывается весьма высоким – 1/5 часть или 20%. При этом эта доля вдвое превышает размер заемного процента в Великом Новгороде в XV в. [8, с. 247; 18, с. 71].

Однако, учитывая свидетельство грамоты князя Бориса Александровича Тверского, возникает возможность уточнить данные берестяных грамот.

В первую очередь необходимо отметить, что к началу XIII в. куна и резана оказались приравнены друг к другу, и одна гривна равнялась и 50 кунам, и 50 резанам [15, с. 386, 390; 17, с. 58]. Соответственно, 10 кун грамоты Бориса Александровича Тверского эквивалентны 10 резанам новгородских берестяных грамот. В этой связи возможно несколько иная интерпретация текста грамоты № 218, которая гласит: + у ГСи[па . в̃]. гривне . на туске по . ĩ . и полоть поцты у воилы . s \. гривень. по . e \. бело и полоть почты и четвереть пшенице . а лоньскихо намо недоплатило .и\. ногато у мануиле у кума поло цетве[r](ти) жюпанка перешло по семнице наме кроме поцте у некраса гривна у [д]ми[т](ра).

Из текста грамоты можно предположить, что к указанной сумме, к примеру, Осип должен был добавить в счет туски 10 резан и полоть мяса, что было натуральной формой почестья.

Таким образом, мы наблюдаем существование единообразной системы обеспечения имперских чиновников на всем протяжении Монгольской империи. Показательно, что, описывая в Новгородской Первой летописи пребывание в Новгородской земле в 1259 г. численников, проводящих перепись населения для установления налоговых ставок, летописец подчеркивает, что представители княжеской администрации «...по волости много зла учиниша, *биручи туску* оканьнымъ Татаромъ» [9, с. 82].

Туска/тузга – это налог на содержание ордынских чиновников, который выплачивался как в денежной, так и в натуральной форме. В Китае это был специальный ежегодный налог, который тратился на фураж, продовольствие, утварь, жилье и иное обеспечение движения чиновника. Причем средства на это брались займы у мусульманских купцов, а затем раскладывались на податное население. Надо полагать, что подобная система сложилась и на Руси: откупщики-мусульмане фиксируются во время восстания против «томленья бесурманьскаго» в 1262 г. [11, стб. 476] и при описании истории с баскаком Ахматом в Курском княжестве [14, с. 79]. Вполне возможно, что данный налог был ежегодным и уходил на обеспечение баскаческого контингента. Причем, пребывание баскака Иаргаманя фиксируется в Новгороде в 1268 г. [9, с. 88], и именно в связи с этим событием могли возникнуть грамоты № 218 и № 215 (а не только с событиями 1259 г.). Сам по себе термин тузга/туска фиксируется в узкий временной период 1256–1260 гг. – время похода на Ближний Восток монгольских войск во главе с Хулагу или в 1259 г. – пребывание ордынских чиновников в Новгороде.

Надо полагать, что ставка в 20% к гривне является долей именно туски, а не ростовщическим процентом. Тогда сумма гривен должна определять ставку ордынского выхода – десятипроцентного ежегодного подоходного налога с хозяйства. В конце XIV в., в 1384 г. выход брался «со всякие деревни по плтине» [14, с. 135], в начале XV в. – «...со всякого улуса з дву сох рубль» [12, с. 406–407; 13, с. 211]. С.М. Каштанов отмечает: «поскольку новгородская гривна XIII в. превратилась в рубль, под полугривной можно понимать половину рубля, то есть полтину» [7, с. 44]. Таким образом, основой налогообложения выступает «соха», с которой взималась полтина ордынского выхода. Если в новгородских берестяных грамотах перед нами сумма «ордынского серебра», то хозяйство Осипа состояла из 4-х сох, у Воилы – из 12-ти сох, у Некраса из 2-х сох, Марка-испольщика – из 3 сох, у Домослава-поповича – из 4-х.

Новгородская вечевая грамота о предоставлении московскому князю черного бора (около 1448–1461 гг.) содержит описания приравненных к «сохе» социально-экономических хозяйственных единиц: «А в соху два коня, а третье припряжь; да тшан кожевнической за соху; невод за соху; лавка за соху; плуг за две сохи; кузнец за соху; четыре пешцы за соху; лодья за две сохи; црен за две сохи. А кто сидит на исполовьи, на том взяти за полсохи» [2, с. 38–39].

По всей видимости, постепенно налог из постоянного превращался в экстраординарный («придет к нам коли из Орды посол силен») либо был возложен на специальные категории податного населения («кои послов кормят»).

Тем не менее фискальное обеспечение движения и пребывания ордынского чиновника, проезжающего через территории русских земель, было возложено на тягловое/податное население. Этот налог составлял 1/10 часть (10%) от ставки ордынского выхода, составлявшей полугривну с сохи (или 20% от гривны). В денежном эквиваленте это составляло 10 кун (в Твери) или резан (в Великом Новгороде) с одной гривны. Несомненно, что «татарский проезд» ложился дополнительным налоговым бременем на плечи податных сословий и служил дополнительной статьей для махинаций откупщиков податей в XIII столетии. При этом в общем количестве налоговых поступлений и расходов княжеской казны данные «проторы» должны были составлять 1/100 ежегодных налоговых поступлений и гарантировать прием посла, приехавшего, к примеру, за ежегодным выходом. Однако экстраординарные незапланированные посольские миссии вызывали необходимость сбора дополнительных средств. Именно поэтому далеко не случайно Епифаний Премудрый одной из причин разорения хозяйства отца будущего святого Сергия Радонежского – потомственного ростовского боярина Кирилла – называет обязанность принимать ордынские посольства («чястыми послы татарскими») [6, с. 22–28]: не каждое русское княжество обладало достаточными людскими и экономическими ресурсами, чтобы в должной степени нести налоговое бремя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ала-ад-Дин ата-Мелик Джувейни*. Чингиз-хан. История завоевателя мира. М., 2004.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

3. Договор великого князя рязанского Ивана Васильевича с рязанским князем Федором Васильевичем. 1496 г. // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. № 127. С. 322.
4. Жалованная тарханная и несудимая грамота нижегородского великого князя Александра Ивановича Спасо-Евфимьева монастыря архимандриту Авраамию на монастырь св. Василия, близ Гороховца на р. Клязьме, и дерр. Мачково и др., в Нижегородском княжестве // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. Т. 2. М., 1958. С. 478–480.
5. Жалованная тарханная и несудимая грамота тверских князей – в. кн. Бориса Александровича и других удельных – Тверскому Успенскому Отрочу монастырю с приписанными к нему монастырями. [Ок. 1435–37 гг.] // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. Т. 3. М., 1964. С. 153–154. № 117.
6. Золотая Орда в источниках: (материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Т. 3: Китайские и монгольские источники. М., 2009.
7. Капитанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.
8. Клейденберг И.Э. Заемный процент в Великом Новгороде первой четверти XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Т. VI. С. 247.
9. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. 642 с.
10. Плигузов А.И. Древнейший список. Краткое собрание ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив. Вып. 3. М., 1987. С. 571–594.
11. Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 1997.
12. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Вып. 1. М., 2000.
13. Полное собрание русских летописей. Т. XI. М., 2000.
14. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. М., 2007.
15. Романов Б.А. Деньги и денежное обращение // История культуры Древней Руси Домонгольский период. М.; Л., 1948 Т. I. С. 386, 390.
16. Селезнёв Ю.В. Без правды боярской царь Бога прогневит // Родина. М., 2014. № 5. С. 22–28.
17. Спасский И.Г. Русская монетная система. 4-е изд. Л., 1970.
18. Хорошкевич А.Л. Монголы и Новгород в 50-е годы XIII в. по данным берестяных грамот № 215 и 218 // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 69–74.
19. Юрченко А.Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002.
20. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
21. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986.
22. Ярлыки татарских ханов московским митрополитам: Краткое собрание // Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 463–491.

Сведения об авторе: Юрий Васильевич Селезнёв – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета (394068, Московский проспект, 88, Воронеж, Российская Федерация). E-mail: orda1359@mail.ru

Поступила 15.06.2017 Принята к публикации 29.08.2017
Опубликована 30.09.2017

REFERENCES

1. Ata-Malik Juvaini. *Chingiz-khan. Istoriya zavoevatelya mira* [Chinggis Khan. The history of the world conqueror]. Moscow, 2004. (In Russian)
2. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow, Leningrad, 1949, pp. 38–39. (In Russian)
3. Dogovor velikogo knyazya ryazanskogo Ivana Vasil'evicha s ryazanskim knyazem Fedorom Vasil'evichem. 1496 g. [Treaty of the Grand Duke of Ryazan Ivan Vasilyevich with the Ryazan prince Fyodor Vasilyevich. 1496]. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del* [Collection of state charters and treaties, kept by the state collegium of foreign affairs]. Moscow, 1813, no. 127, p. 322. (In Russian)
4. Zhalovannaya tarkhannaya i nesudimaya gramota nizhegorodskogo velikogo knyazya Aleksandra Ivanovicha Spaso-Evfim'eva monastyrya arkhimandritu Avraamiyu na monastyr' sv. Vasiliya, bliz Gorokhovtsa na r. Klyaz'me, i derr. Machkovo i dr., v Nizhegorodskom knyazhestve [Tarkhan and incontestable charter of Nizhny Novgorod Grand Prince Aleksander Ivanovich granted to Archimandrite of the Spaso-Evfimiev Monastery Abraham with the provision of the monastery of St. Basil near Gorokhovets on the river Klyazma and the village of Machkovo and others, in the Nizhny Novgorod principality]. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi XIV–XVI vv.* [Acts of Socio-Economic History of North-Eastern Rus' of the 14th–16th centuries]. Vol. 2. Moscow, 1958, pp. 478–480. (In Russian)
5. Zhalovannaya tarkhannaya i nesudimaya gramota tverskikh knyazey – v. kn. Borisa Aleksandrovicha i drugikh udel'nykh – Tverskomu Uspenskomu Otrochu monastyryu s pripisannymi k nemu monastyryami. [Ok. 1435–37 gg.] [Tarkhan and incontestable charter of the Great Tverite Prince Boris Aleksandrovich and other appanage princes granted to the Tverite Uspensky Otroch monastery with monasteries assigned to it. Circa 1435–1437]. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi XIV–XVI vv.* [Acts of Socio-Economic History of North-Eastern Rus' of the 14th–16th centuries]. Vol. 3. Moscow, 1964, pp. 153–154, no. 117. (In Russian)
6. *Zolotaya Orda v istochnikakh: (materialy dlya istorii Zolotoy Ordy ili ulusa Dzhuchi)*. Vol. 3: *Kitayskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in the Sources: Materials for the History of the Golden Horde or the Jochid Ulus. Vol. 3: Chinese and Mongol Sources]. Moscow, 2009. (In Russian)
7. Kashtanov S.M. *Finansy srednevekovoy Rusi* [Finances of the medieval Rus']. Moscow, 1988. (In Russian)
8. Kleydenberg I.E. Zaemnyy protsent v Velikom Novgorode pervoy chetverti XV v. [The borrowed interest in Veliky Novgorod in the first quarter of the 15th century]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical disciplines]. Leningrad, 1974. Vol. VI, pp. 247. (In Russian)
9. *Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov* [Novgorod I chronicle of the older and younger redactions]. Moscow, Leningrad, 1950. 642 p. (In Russian)
10. Pliguzov A.I. Drevneyshiy spisok. Kratkoe sobranie yarlykov, dannykh ordynskimi khanami russkim mitropolitam [The oldest copy. A brief collection of the yarliks granted by the Horde khans to the Russian Metropolitans]. *Russkiy feodal'nyy arkhiv* [Russian feudal archive]. Is. 3. Moscow, 1987, pp. 571–594. (In Russian)
11. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. I. Moscow, 1997. (In Russian)
12. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. IV. Is. 1. Moscow, 2000. (In Russian)
13. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XI. Moscow, 2000. (In Russian)

14. *Polnoe sobranie russkih letopisei*. [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XVIII. Moscow, 2007. (In Russian)
15. Romanov B.A. Den'gi i denezhnoe obrashchenie [Money and money circulation]. *Istoriya kul'tury Drevney Rusi Domongol'skiy period* [The history of culture of Ancient Rus' during the pre-Mongol period]. Moscow, Leningrad, 1948. Vol. I, pp. 386, 390. (In Russian)
16. Seleznev Yu.V. Bez pravdy boyarskoy tsar' Boga prognevit [The Emperor will provoke the God's wrath without the truth of the boyars]. *Rodina* [Motherland]. Moscow, 2014, no. 5, pp. 22–28. (In Russian)
17. Spasskiy I.G. *Russkaya monetnaya sistema*. 4-e izd [Russian monetary system. The 4th ed.]. Leningrad, 1970. (In Russian)
18. Khoroshkevich A.L. Mongoly i Novgorod v 50-e gody XIII v. po dannym berestyanykh gramot № 215 i 218 [The Mongols and Novgorod in the 1250s according to the data of birch bark letters nos. 215 and 218]. *Istoriya i kul'tura drevnerusskogo goroda* [History and culture of the ancient Russian city]. Moscow, 1989, pp. 69–74. (In Russian)
19. Yurchenko A.G. *Khristianskiy mir i «Velikaya Mongol'skaya imperiya»*. *Materialy frantsiskanskoy missii 1245 goda* [The Christian World and the “Great Mongol Empire”. Materials of the Franciscan mission in 1245]. St. Petersburg, Evraziya, 2002. (In Russian)
20. Yanin V.L. *Denezhno-vesovye sistemy russkogo srednevekov'ya. Domongol'skiy period* [Money-weight systems of the Russian Middle Ages. The pre-Mongol period]. Moscow, 1956. (In Russian)
21. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.). [Novgorodian charters on birch bark (from excavations in 1977–1983)]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 164–168. (In Russian)
22. Yarlyki tatarskikh khanov moskovskim mitropolitam: Kratkoe sobranie [Yarliks of Tatar Khans Granted to the Moscow Metropolitans: Brief collection]. *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of the Russian law]. Pod red. L.V. Cherepnina. Moscow, 1955. Is. 3, pp. 463–491. (In Russian)

About the author: Yury V. Seleznjov – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Department of History of Russia of the Voronezh State University (88, Moskovsky Avenue, Voronezh 394068, Russian Federation). E-mail: orda1359@mail.ru

Received June 15, 2017 Accepted for publication August 29, 2017

Published September 30, 2017

«ОТЕЦКИЕ ДЕТИ»: ЭЛИТА КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКЕ

В.В. Трепавлов

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
trepavlov@yandex.ru*

Цель: анализ словосочетания «отецкие дети» Литовской метрики как обозначения военно-служилого сословия Казанского ханства.

Материалы: 7-я Книга записей Литовской метрики, русские летописи, хроники Кырыми и Утемиш-хаджи, сочинения С.Герберштейна, Махмуда Кашгари, А.Курбского, М.Меховского, А.Олеария.

Результаты и научная новизна: в 7-й Книге записей Литовской метрики содержится перевод послания крымского хана Мухаммед-Гирея I польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I. В этом послании, в частности, приводится пересказ просьбы жителей Казанского ханства к Мухаммед-Гирею прислать к ним на царствование одного из ханских родственников. Казанцы пишут, что у них имеется двадцать тысяч «отецких детей» и бесчисленное множество мордвы и черемисов, и все они готовы подчиняться (быть «холопами») правителю Крыма. Статья посвящена выяснению значения и поиску предположительного тюркского эквивалента выражения *отецкие дети*, а также причин присутствия в данном документе именно мордвы и черемисов. Слово «отецкий» (т.е. отеческий) имело хождение во всем ареале употребления русского языка XVI в. – и в Московском государстве, и в Великом княжестве Литовском. Одним из его значений было «принадлежащий к старинному, знатному роду». В приведенных автором случаях его употребления обнаруживается социокультурная универсалия, которая сочетала в одном понятии отцовство, благородное происхождение и элитный статус. Автор выдвигает гипотезу, что словосочетание *отецкие дети* могло в русском переводе заменить понятие «татары» в его сословном значении, как обозначение военно-служилого слоя населения Казанского ханства. Упоминание же в казанской грамоте мордвы и черемисов было продиктовано использованием позитивного стереотипа этих народов, их высокой воинской репутацией в окрестных странах. Заверения казанцев в готовности выставить на стороне Крыма два тумена отборного войска и многолюдное ополчение послужили для Мухаммед-Гирея одним из стимулов откликнуться на их прошение об отправлении в Казань царевича-Гирея.

Ключевые слова: Казанское ханство, элита, военно-служилое сословие, татары, мордва, черемисы, численность населения

Для цитирования: Трепавлов В.В. «Отецкие дети»: элита Казанского ханства в Литовской метрике // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 600–611. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.600-611

THE “FATHER’S SONS”: THE ELITE OF THE KAZAN KHANATE
IN THE *LITHUANIAN METRICA*

V.V. Trepavlov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
trepavlov@yandex.ru*

Research objective: Analysis of the phrase *otetskie deti* (“father’s sons”) in the Register Book of the Lithuanian metrics (*Lithuanian Metrica*) as designations of the military service class of the Kazan khanate.

Research materials: The 7th Register Book of the Lithuanian Metrica, Russian chronicles, the chronicles of Kīrimi and Ōtemish-Hajji, the works of S. Herberstein, A. Kurbsky, Maciej of Miechów, Mahmud al-Kashgari, A. Olearius.

Results and novelty of the research: The 7th Register Book of the Lithuanian Metrics contains a translation of a message from the Crimean khan, Muhammad Giray, to the Polish King and Lithuanian Grand Duke Sigismund I. In this letter, there is a reiteration of the requests of the inhabitants of the Kazan Khanate addressed to Muhammad Giray to send them one of his relatives to reign over them. The Kazanians wrote that they had twenty thousand *otetskie deti* (“father’s sons”) and countless Mordovians and Cheremisses, all of whom were ready to submit (to be “slaves”) to the ruler of the Crimea. The author of the article seeks the meaning of this term and looks for a putative Turkic equivalent to the expression *otetskie deti* as well as the reasons for the presence of the Mordovians and Cheremisses in this document. The word “*otetskii*” (paternal) had a wide range of usages in the Russian language of the 16th century – in the State of Muscovy and the Grand Duchy of Lithuania. One of its meanings was “belonging to an ancient, noble family”. The instances quoted by the author show a socio-cultural universality, which combined paternity, noble origin and elite status in a single notion. The author hypothesizes that the phrase “*otetskie deti*” in the Russian translation could replace the concept of “Tatars” in its social meaning, as a symbol of the military strata of the population of the Kazan khanate. Mention of the Mordovians and the Cheremisses in the Kazan message reflected the positive image of these peoples – namely, their high military reputation in neighboring countries. The Kazanians’ assurances to be ready to put two *tumens* of elite troops and crowded militia at the disposal of Crimea served as one of the stimuli for Muhammad Giray to assent to their request by dispatching Prince Giray to Kazan.

Keywords: Kazan khanate, elite, military-and-service strata, Tatars, Mordovians, Cheremisses, number of population

For citation: Trepavlov V.V. The “Father’s Sons”: The Elite of the Kazan Khanate in the *Lithuanian Metrica*. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 600–611. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.600-611

15 августа 1520 г. ко двору крымского хана Мухаммед-Гирея I прибыло посольство из Казани. Знать и простонародье волжского юрта стремились избавиться от московского ставленника, хана Шах-Али, посаженного на казанский трон в марте 1519 г. по воле московского великого князя Василия III. Всеми делами ханства фактически стал ведать посол Василия Федор Карпов, в Казани размещился русский гарнизон [31, с. 80]. Казанцы просили Мухаммед-Гирея прислать на царствование одного из своих сыновей или братьев, чтобы прекратить тягостное господство «неверных». В ответ на приглашение хан отрядил управлять Казанским юртом своего брата Сахиб-Гирея.

Эти события довольно лаконично отображены в летописании: «Тое же весны Казанстїи сеити и уланы и князи великому князю Василью своее клятвы правду изменили, взяли себѣ ис Крыму царевича Сапъ-Гирѣя царемъ в Казань...» [25, с. 37]; немногим подробнее в Казанском летописце: «И возненавидѣша его все Казанцы, велможи и простїи, и отаи отъ него совещашеся, и пославше некихъ своихъ въ Крымъ ко царю Меньдигирѣю, и оттуду приведоша себе царя, испросивше у него сына меньшаго, именемъ Сапъгирея» [26, стб. 242].

В 7-й Книге Записей Литовской метрики (ЛМ) содержится перевод послания Мухаммед-Гирея польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I. В этой ханской грамоте имеется, в том числе, сообщение о казанском посольстве, с кратким пересказом переданного им «листа» и с приведением любопытных деталей: «А того лета августа пятогонадцать дня с Казани добрыхъ кнежать приехало, ото всих казанцовъ листь принесли. И в томъ листе писали, што отчина ваша Казань, и вы, съ своихъ дети и албо з брати свое которог(о) одного обравши, и до нас пришлите, нехай в нас царемъ будетъ. *А мы маемъ Отецъкихъ детеи двадцать тысяч, а с Черемеши, а зъ Мордвою и числа нетъ*, а вси мы – ваши хлопья (здесь и далее в цитатах выделено мною. – В.Т.)» [33, с. 389].

Внимание привлекают здесь некие *отецкие дети*, названные в (относительно?) точном количестве, да еще и на фоне черемисов и мордвы, которым «и числа нет», т.е., во-первых, многочисленных, во-вторых, не удостоенных пунктуального исчисления. Попробуем выяснить, что означают эти *дети*, и какого *отца* или каких *отцов* могли подразумевать в своем «листе» казанские заговорщики¹.

Прежде всего заметим, что слово *отецкий* (т.е. отеческий) имело хождение во всем ареале употребления русского языка XVI в. – и в Московском государстве, и в Великом княжестве Литовском (ВКЛ). На Руси одним из его значений было «принадлежащий к старинному, знатному роду» [27, с. 237²]. Что касается польско-литовских владений, то удалось обнаружить упоминание сходного выражения в документе 1437 г. Полоцкие бояре, мещане и «все посполство» просили бурмистра Риги посодействовать в правосудии полоцкому кормнику Ивану Синюкову – «доброму ч(о)л(о)в(е)коу, *wt(e)цькомуу с(ы)ноу*», пострадавшему в драке «з вашим рижанином» [22, с. 331]. Очевидно, авторы прошения старались представить жертву драки в наиболее выгодном свете, указав на его социальный статус. Этот статус явно соответствовал *отецкому сыну* в московской версии и отражал «честную» принадлежность к добропорядочной и, возможно, знатной семье.

Кроме того, прилагательное *отчизный* в ВКЛ имело значение «унаследованный от отца» [28, с. 112], что также могло относиться не только к имуществу, но и к положению в общественной страте.

В латиноязычных документах Польско-Литовского государства лицо знатного происхождения обозначалось древнеримским термином *patricius* [3, с. 251], который был произведен от латинского *pater* – «отец» и применялся

¹ Выражаю искреннюю благодарность С.В. Полехову (Институт российской истории РАН, Москва) и Чабе Гёнцёлю (Сегедский университет, Венгрия), указавшим мне на упоминание исследуемого выражения в различных источниках.

² В словаре приводятся примеры из документов XVI–XVII вв.

по отношению к лицам, происходивших из исконных римских родов, составлявших правящее сословие. То есть патриции являлись *отцовскими* («*отецскими*») *детьми*, что служило синонимом их принадлежности к наследственной аристократии, или, если расширить состав *детей*, к социальным верхам в целом, элите государства и социума.

В приведенных случаях, таким образом, обнаруживается некая социокультурная универсалия, которая сочетала в одном понятии отцовство, благородное происхождение и элитный статус.

Судя по ханской грамоте, *добрые княжата*, входившие в казанское посольство, терминологически не совпадали с *отецскими детьми* того же документа. Первые явно принадлежали к привилегированным социальным слоям Казанского ханства, о принадлежности же вторых к элите можно догадываться, исходя из их названной численности их – двадцать тысяч. Для проверки этого предположения обратимся к сведениям источников о составе и численности казанской элиты.

Характерно, что в текстах, отразивших градацию жителей полиэтнического Казанского юрта, сословное деление указывалось обычно только для татар. Так, Казанский летописец отразил состав населения ханства в 1551 г. следующим образом: «Казанцы же молны и сеиты, и шихъ, и шиизгады, и холзады, имамы, талфи, и афазы, и уланы, и князи, и мурзы, и ички, и задворные казаки, и Чюваша, и Черемиса, и Отяки, и Мордва, и тарханы, и Можары, и вся земли Казанская» [26, стб. 392]. Этот принципиальный для истории Казанского государства аспект довольно подробно (насколько позволяют источники) разобран в историографии.

Наиболее детальный анализ произведен Д.М. Исхаковым, на чьи разработки мы станем опираться в своих дальнейших рассуждениях. В соответствии с его реконструкцией, общественная структура охватывала господствующую верхушку, включавшую: хана и его семейство, в том числе царевичей-огланов; четыре «сословия» – мусульманское духовенство; «князей» (карачи-беков и «просто» беков/эмиров) и мурз; служилый слой, включавший багатуров и казаков – «дворных» (*ички*) и «задворных» [12, с. 61–63; 14, 2005, с. 63]. Такое разграничение, во-первых, между группами элиты, во-вторых, между всей элитой и иноэтничными подданными (обозначенными посредством этнонимов) приводит историков к резонному выводу о том, что татары составляли правящий, господствующий социальный слой государства – «белую кость» (*аксвек*). Эта пирамида обладателей государственных и военных должностей и носителей почетных титулов возвышалась над просто-народьем (*кара халык*) [13, с. 38; 15, с. 229].

Названная в послании Мухаммед-Гирею численность *отецких детей* – 20 000 чел. – несопоставима с населением ханства. Оно исчисляется исследователями в пределах 400–500 тыс. [6, с. 62; 8, с. 751, 752; 10, с. 9; 11, с. 37; 21, с. 19]; из них татар-мусульман насчитывалось 150–200 тыс. [12, с. 62; 13, с. 37], чувашей – 50–80 тыс. [30, с. 166, 167], черемисов/марийцев – по разным оценкам, от 70 до 120 тыс., но не более 200 тыс. [1, с. 107; 23, с. 128]. В источниках приводятся различные оценки численности казанских подданных, причем, обычно средневековые авторы обращали внимание на наиболее актуальный для них показатель – количество воинов. В «Трактате о двух Сарматиях» Матвея Меховского (1517 г.) приводится цифра «12 тысяч бой-

цов», к которым при необходимости присоединяются еще 30 тысяч [18, с. 113]. С. Герберштейн писал о 30 тыс. воинов, которых в 1520-х гг. был способен выставить «царь этой земли» [2, с. 170]. Через столетие после русского завоевания Казани А. Олеарий во время путешествия по Московии слышал, будто рать этого «очень могущественного» ханства некогда насчитывала 60 тыс. чел. [20, с. 318].

Из приведенных цифр видно, что 20000 *отецких детей* в общем соотносимы с теми 12–30 тысячами, о которых писали Матвей Меховский и Герберштейн. Причем, оба европейских автора описывали ситуацию именно того времени, когда была написана казанская грамота в Крым. По мнению Д.М. Исхакова, 12 тысяч – это «племенное» войско, которое состояло из *казанцев* – служилых татар, сохранивших деление на роды [8, с. 751; 10, с. 9; 12, с. 69, 78].

В таком случае, во-первых, в ЛМ мы имеем более точное указание на численность этой категории казанских подданных, исходящее из самой Казани – как раз среднюю между данными Матвея Меховского и Герберштейна. Во-вторых, двадцатитысячный контингент служилых татар по своему общественному положению вполне соответствует *отецким детям* московских и литовских документов XV–XVII вв. Этим термином в русском переводе крымской грамоты в ЛМ обозначены «честные», «благородные» люди, т.е. военно-служилый слой Казанского ханства, сопоставимый со служилым дворянством – низшей категорией аристократии, социальной элиты в соседних христианских монархиях.

Теперь посмотрим на «этническую составляющую» казанской грамоты в Крым. *Отецким детям* в ней сопутствуют только мордва и черемисы. Однако из других источников известно о гораздо более широком этническом составе населения ханства. Кроме двух названных финно-угорских этносов, в него входили также чуваша, башкиры и удмурты (вотяки). Перечни народов, неоднократно проанализированные исследователями, встречаются:

в Казанском летописце – см. цитированный выше его фрагмент о татарской челобитной 1551 г.: «и Чюваша, и Черемиса, и Отяки, и Мордва, и тарханы, и Можары»;

в Никоновской летописи – о том же событии: «Чюваша и Черемиса и Мордва и Тарханы и Можара» [25, с. 167]. Здесь не упомянуты вотяки. Возможно, они в данном случае объединены с марицами под названием «Черемиса»; башкиры же, как и в предыдущей цитате, возможно, представлены как «Тарханы» [13, с. 125];

в той же летописи о войне с русскими в 1469 г. казанского хана Ибрагима «со всею землею своею, с Камскою и с Сыплинскою и с Костяцкою и з Беловолжскою и Вотяцкою и з Башкирскою» [24, с. 122]. Здесь перечислены только восточные провинции государства, из которых три названы по рекам (Кама, Сылга, Белая) и три по народам (вотяки, башкиры, иштяки – тюрко-угорское население Приуралья, позднее в большинстве своем составившее часть башкирского этноса) [5, с. 257; 9, с. 229];

в духовной грамоте Ивана IV 1572 г.: (наследнику предназначен Казанский край) «и с чювашею, и с черемисою, и с тарханы, и с башкирдою, и с вотяки», (а также Горная сторона Волги) «и со всею чювашею, и черемисою, и с мордвами» [4, с. 439]. В интерпретации Д.М. Исхакова, тарханы, назван-

ные на сей раз рядом с башкирами, – это «феодалная верхушка башкирского этноса» [12, с. 62];

в «Истории о великом князе Московском» А.М. Курбского (1573 г.): «...Кроме татарска языка, в том царстве 5 различных языков: Мордовский, Чувашский, Черемисский, Воитецкий або Арский, пятый Башкирский» [17, с. 73].

Таким образом, в грамоте 1520 г. из пяти «языков» фигурируют два. Лишь черемисы и мордва оказались удостоенными упоминания наряду с татарской элитой – *отецкими детьми*. Впрочем, допускаю, что в данном случае названия народов могли иметь и этносословное значение (поскольку этнонимы выполняли функцию также соционимов). И тогда под именем «черемешей» могли скрываться не только собственно марийцы, но и вотяки (с чувашами?).

Черемисы населяли обе стороны Средней Волги – Горную и Луговую, т.е. соответственно право- и левобережную. Те, что жили на Горной стороне, находились в гораздо большей зависимости от казанских властей и были теснее вовлечены в политическую и экономическую систему ханства, по сравнению со своими «луговыми» соплеменниками [1, с. 164–175]. Очевидно, именно они названы в разбираемой грамоте, причем наряду с мордвой – тоже обитателями Горной стороны. Именно (западные) черемисы чаще других народов упоминаются в источниках в качестве соратников татар в военных кампаниях.

Марийские ополченцы зарекомендовали себя искусными воинами, что отразилось в стереотипных представлениях об этом народе. С. Герберштейн, собравший сведения о соседях Московского государства в основном от русских собеседников, отразил в своих «Записках» эту их репутацию: «...Они весьма опытные лучники, причем лука никогда не выпускают из рук; они находят в нем такое удовольствие, что даже не дают есть сыновьям, если те предварительно не пронзят стрелой намеченную цель» [2, с. 164].

Впрочем, ниже австриец в качестве «напарников» черемисов называет не мордву (как в ханской грамоте 1520 г.), а чувашей. Воинство Казанского ханства он характеризует как «преимущественно пехотинцев, среди которых черемисы и чуваша – весьма искусные стрелки» [2, с. 170].

Однако его отзыв о мордве так же лестен – правда, о той ее части, которая находилась в подчинении Москвы. По словам Герберштейна, «это очень сильные люди... почти все они пехотинцы, отличаются длинными луками и опытностью в стрельбе» [2, с. 134]. Надо полагать, что и те мордвины, что пребывали в казанском подданстве, также являлись «пехотинцами», обладали не менее длинными луками и были не менее опытными стрелками.

Полагаю, что упоминание мордовских и черемисских соратников татар в послании Мухаммед-Гирею было продиктовано использованием позитивного стереотипа, высокой воинской репутацией этих народов в окрестных странах – не только в Московии, но, возможно, и в Крыму. Указание же на их бесчисленность («и числа нет») должно было служить дополнительным привлекательным (для крымцев) нюансом в характеристике военной мощи ханства как союзника Гиреев.

Остается невыясненным вопрос: что скрывалось в оригинале татарской грамоты под выражением *отецкие дети* ее русского перевода? В тюркоязычных средневековых текстах мне удалось найти несколько адекватных эквива-

лентов ему – таких, которые приблизительно соответствуют контексту ханской грамоты в ЛМ.

В «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи (сер. XVI в.) хан Узбек обращается к своим родичам-Джучидам: «Разве не сыновья вы нашего отца?» (*Sizler ata oğly эмэс ми әрдіңіз*³) [29, с. 105, 132], что в данном контексте означает «потомки нашего (общего) предка», т.е. Джучи. Слово «сыновья» в значении «потомки» у этого автора встречается неоднократно: *Сайын-хан оғланлары*, *Шайбан-хан оғланлары* [29, с. 93, 121] (потомки Саин-хана, Шейбан-хана) и др.

Крымский историк XVIII в. Абдулгаффар Кырыми, опиравшийся во многом на ту же историографическую традицию, что и Утемиш-хаджи, вложил в уста Узбек-хана похожий вопрос к Джучиевым потомкам: «Что же вы за знать, если простолюдин получает трон и становится ханом?» (*Sizler ne şekil ata oğlusızki qara kişi taht-ı hanı* (в публикации: *taht hali. – B.T.*⁴) *bulub han ola*), явно противопоставляя династическую аристократию неродовитой черни (*кара киши*) [16, с. 73]. У того же автора хан Кадыр-Берди восклицает: «Позорно для благородного человека поступать таким образом!» (*böyle sergerdan gezmek ata oğluna* (в публикации: *amma oğluna. – B.T.*) *âr ve nâmus olub*) [16, с. 100]. А ширинский бек Урук-Тимур («Руктемюр») у Кырыми произносит фразу, обращенную к будущему хану Токтамышу, в которой тюркское *огул* заменено равнозначным персидским *заде*: «Если со знатным человеком, вроде тебя, случается большая беда...» (*sencileyin bir atazadeye bir musibet-i azim isabet itse*) [16, с. 83–84].

Известно, что употребление понятий «отец/отцы» (*ama/amalar*) и «сын/сыновья» (*огул, оғлан/ огуллар, оғланлар*) в значениях соответственно «предки» и «потомки» в целом типично для тюркских языков. Изначальным значением выражения *ата оғлы/оғланлары* наверняка был его буквальный, обычный, бытовой смысл – «сын отца». Именно его отражает пословица, приведенная в «Словаре тюркских наречий» Махмуда Кашгари (XI в.): *Ama ugli атаж тугар* («Сын человека всегда [родится] похожим на отца [своим нравом]») [19, с. 532]. Но у Утемиш-хаджи и Кырыми в цитированных выше случаях «сыновья/ потомки» означали отпрысков именно знатных и славных родов.

В сочинении современника Утемиша-хаджи, Шарифа Хаджи-Тархани «Зафар-наме-и вилайет-и Газан» для представителей элитных страт используются «сословные» термины *бахадур, эмир* и *бик* (см. [34, с. 188–190]), из которых два последних в общем соответствуют обозначению казанских посланцев, прибывших к Мухаммед-Гирею, – *добрые княжата*. Эти «княжата», т.е. высший слой аристократии, в тюркском лексиконе Поволжья XVI в. не обозначали династическую знать, но они и не смешивались с другими «благородными» казанцами – *ата оғлы*.

В качестве догадки предлагаю видеть под *отецкими детьми* казанской грамоты понятие *татар/татарлар* в узком значении, как обозначение двадцатитысячной элиты Казани, ее *аксөек* – аристократии и служилого сосло-

³ Здесь и далее тюркские фразы приведены в транскрипции цитируемых публикаций.

⁴ Поправки в цитаты из сочинения Кырыми внесены благодаря любезной консультации Ч. Гёндёля, сверившего цитируемую публикацию с рукописью «Умдет ал-ахбар», хранящейся в стамбульской библиотеке Süleymaniye Yazma Eserler Kütüphanesi.

вия, или, по определению И.Л. Измайлова, военно-служилой знати⁵. Если это так, то литовские переводчики верно отобразили терминологический нюанс: если бы *татарлар* осталось без перевода, то у читателя послания могло создаться неверное впечатление о малочисленности татарского населения ханства – оно являлось тоже *татарлар*, но уже не в сословном, а этническом и единственно сохранившемся в наше время смысле.

Крымские адресаты, полагая, без труда поняли, что за «татары» подразумевались в одном перечне с черемисами и мордвой. Можно полагать, что заверения казанцев о готовности выставить на стороне Мухаммед-Гирея два тумена отборного войска и бесчисленное ополчение послужили для него одним из стимулов откликнуться на их прошение об отправлении в Казань царевича-Гирея.

Было бы интересно проследить употребление понятия *татар* в документах Крымского ханства и других юртов того времени. Во всяком случае, в ханском титуле Гиреев оно появляется только с начала XVII в., в одном ряду с ногаями и черкесами – как равновеликое им понятие, хотя и первое в перечне подданных народов (см., например [32, с. 351–358]). Столетием же раньше персонаж данной статьи Мухаммед-Гирей I пока не подчеркивал свое господство над татарами, представляя себя в интитуляции одной из грамот все того же 1520 года как «хана Великой Орды, падишаха Дешт-и Кыпчака и всех монголов» [32, с. 652].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: Марийск. гос. университет, 2012. 660 с.
2. Герберштейн С. Записки о Московии. Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
3. Горбачевский Н. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильна: тип. А.Н. Зака, 1874. 419 с.
4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Подгот. к печ. Л.В.Черепнин. Отв. ред. С.В. Бахрушин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 598 с.
5. Иванов В.А., Иванова М.А. Этнополитическая ситуация в Прикамье и Приуралье накануне и в период вхождения Башкирии в состав Русского государства // Россия и Удмуртия: история и современность. Сост. и общ. ред. В.В. Пузанова и А.Е. Загребина. Ижевск: Удмурт. университет, 2008. С. 250–260.
6. Измайлов И.Л. Этносословная структура Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4 / Отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 62–68.
7. История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 1056 с.
8. История татар. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. 1080 с.
9. История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 464 с. +4 с. цв. вкл.

⁵ И.Л. Измайловым подробно исследована проблема различного терминологического наполнения понятия *татары* в XIII–XVII вв. [7, с. 362–364; 15, с. 195–198].

10. *Исхаков Д.М.* Введение в историческую демографию волго-уральских татар. Казань: Б. изд., 1993. 71 с.
11. *Исхаков Д.М.* Исторические очерки. Казань: Фэн, 2009. 164 с.
12. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVIII вв.). Казань: Мастер-Лайн, 1998. 276 с.
13. *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 142 с.
14. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Введение в историю Казанского ханства. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2005. 116 с.
15. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: Школа, 2007. 356 с.
16. *Кырыми Абдулгаффар.* Умдет ал-ахбар. Кн. 1. Транскрипция, факсимиле. Отв. ред. И.М.Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 420 с.
17. *Курбский А.М.* История о великом князе Московском (извлечение из «Сочинений князя Курбского»). СПб.: тип. М.А.Александрова, 1913. 125 с.
18. *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях / Пер., введ., коммент. С.А.Аннинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 299 с.
19. *Махмуд ал-Кашигари.* Диван Лугат ат-Турк. Пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1268 с.
20. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Пер. с нем. А.М.Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.
21. *Петрова О.Н.* Средневожские народы в политических и социально-экономических условиях Казанского ханства. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 26 с.
22. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. Т. 1. Отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 864 с.
23. Присоединение Марийского края к Российскому государству. Взгляд из XXI века. Материалы VI Тарасовских чтений. Науч. ред. А.Г. Бахтин. Йошкар-Ола: МГПИ, 2005. 138 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 274 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 1-я половина. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. 308 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1903. 308 с.
27. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. Ред. О.И. Смирнова. М.: Наука, 1987. 320 с.
28. Словник староукраїнської мови. XIV–XV ст. Київ: Наукова думка, 1978. 592 с.
29. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, примеч., иссл. В.П. Юдина. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
30. *Хамидуллин. Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 335 с.
31. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М.: Инсан, 1991. 320 с.
32. *Kolodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): a Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston: Brill, 2011. 1049 p.
33. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr 7 (1506–1539).* Parengė I. Ilariene, L. Karalius, D. Antanavičius. Vilnius: Mosklo ir enciklopedijų leidykla, 2011. 1012 p.

34. Togan A.Z.V. Kazan Hanlığında İslâm Türk Kültürü // İslâm Türkleri Enstitüsü Dergisi. 1965. С. III. S. 3/4. S. 179–204.

Сведения об авторе: Вадим Винцерович Трепавлов – главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (117036, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: trepavlov@yandex.ru

Поступила 31.05.2017 Принята к публикации 23.08.2017

Опубликована 30.09.2017

REFERENCES

1. Bakhtin A.G. *Mariyskiy kray v XIII–XVI vekakh: ocherki po istorii* [The Mari Region in the 13th–14th Centuries: Essays on History]. Ioshkar-Ola, Mari State University Publ., 2012. 660 p. (In Russian)
2. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Moscovia]. Per. s nem. A.I. Maleina i A.V. Nazarenko. Transl. A.I. Malein, A.V. Nazarenko. Moscow, Moscow State University Publ., 1988. 430 p. (In Russian)
3. Gorbachevskiy N. *Slovar' drevnego aktovogo yazyka Severo-Zapadnogo kraya i Tsarstva Pol'skogo* [Dictionary of Ancient Act Language of the North-Western District and the Kingdom of Poland]. Vil'na, Typography of A.N. Zak, 1874. 419 p. (In Russian)
4. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv.* [Spiritual and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes of the 14th–16th Centuries]. Publ. prepared by L.V. Cherepnin. Ed. by S.V. Bahrushin. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 598 p. (In Russian)
5. Ivanov V.A., Ivanova M.A. Etnopoliticheskaya situatsiya v Prikam'e i Priural'e nakanune i v period vkhozhdeniya Bashkirii v sostav Russkogo gosudarstva [Ethnopolitical Situation in the Cis-Kama and Cis-Ural Region before and during the Unification of Bashkiria with the Russian State]. *Rossia i Udmurtiia: istoriia i sovremennost'* [Russia and Udmurtia: History and Modernity]. Compl. and ed. by V.V. Puzanov & A.E. Zagrebina. Izhevsk, Udmurt University Publ., 2008, pp. 250–260. (In Russian)
6. Izmaylov I.L. Etnoslovnaya struktura Kazanskogo khanstva [Ethnic and Social Stratum Structure of the Kazan Khanate]. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012, no. 4, pp. 62–68. (In Russian)
7. *Istoriya tatar*. Vol. III: *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [The History of Tatars. Vol. III: The Jochid Ulus (the Golden Horde). 13th – mid-15th centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 1056 p. (In Russian)
8. *Istoriya tatar*. Vol. IV: *Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv.* [The History of Tatars. Vol. IV: Tatar States of the 15th–18th centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 1080 p. (In Russian)
9. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya*. Vol. I: *Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovye gosudarstva* [The History of Tatars of the Western Cis-Urals. Vol. I: The Nomads of the Great Steppe in Cis-Urals. The Tatar Medieval States]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 464 p. + 4 p. with colored inserts. (In Russian)
10. Iskhakov D.M. *Vvedenie v istoricheskuyu demografiyu volgo-ural'skikh tatar* [Introduction to the Historical Demography of the Volga-Ural Tatars]. Kazan, 1993. 71 p. (In Russian)

11. Iskhakov D.M. *Istoricheskie ocherki* [Historical Essays]. Kazan, Fen Publ., 2009. 164 p. (In Russian)
12. Iskhakov D.M. *Ot srednevekovykh tatar k tataram Novogo vremeni (etnologicheskiy vzglyad na istoriyu volgo-ural'skikh tatar XV–XVIII vv.)* [From Medieval Tatars to the Tatars of Modern Times (Ethnological Look at the History of the Volga-Ural Tatars of the 15th–18th Centuries.)]. Kazan, Master-Layn, 1998. 276 p. (In Russian)
13. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv* [Turko-Tatar States of the 15th–16th Centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2009. 142 p. (In Russian)
14. Iskhakov D.M., Izmaylov I.L. *Vvedenie v istoriyu Kazanskogo khanstva* [Introduction to the History of the Kazan Khanate]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2005. 116 p. (In Russian)
15. Iskhakov D.M., Izmaylov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.)* [Ethno-political History of the Tatars (the 3rd – mid-16th Centuries.)]. Kazan, Shkola, 2007. 356 p. (In Russian)
16. Kyrymi Abdulgaffar. *Umdet al-akhbar*. Book. 1. Transkriptsiya, faksimile. Otv. red. I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014. 420 p. (In Ottoman)
17. Kurbskiy A.M. *Istoriya o velikom knyaze Moskovskom (izvlechenie iz «Sochineniy knyazya Kurbskogo»)* [The Story of the Grand Prince of Moscow (excerpts from the “Writing of Prince Kurbsky”)]. St. Petersburg, Typography of M.A. Aleksandrov, 1913. 125 p. (In Russian)
18. Maciej Miechowita. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh*. Per., vved., komment. S.A. Anninskogo [Treatise on the Two Sarmatias. Transl., comment. by S.A. Anninsky]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1936. 299 p. (In Russian)
19. Mahmud al-Kashgari. *Divan Lugat at-Turk*. Per., predisl. i komment. Z.-A.M. Auezovoy. Almaty, Dayk-Press, 2005. 1268 p. (In Russian)
20. Oleariy A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [Description of a Travel to Muscovy]. Per. s nem. A.M. Lovyagina. Smolensk, Rusich, 2003. 480 p. (In Russian)
21. Petrova O.N. *Srednevolzhskie narody v politicheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh Kazanskogo khanstva* [The Middle Volga Peoples in Political and Socio-economic Conditions of the Kazan Khanate]. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Cheboksary, 2004. 26 p. (In Russian)
22. *Polotskie gramoty XIII – nachala XVI veka* [Polotsk Charters of the 13th – beginning of the 16th Century]. Vol. 1. Otv. red. A.L. Khoroshkevich. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2015. 864 p. (In Russian)
23. *Prisoedinenie Mariyskogo kraya k Rossiyskomu gosudarstvu. Vzglyad iz XXI veka. Materialy VI Tarasovskikh chteniy* [Unification of the Mari Region with the Russian State. A Look from the 21st Century. Proceedings of the 6th Tarasov Readings]. Ed. by A.G. Bakhtin. Ioshkar-Ola, Mari State Pedagogic Institute Publ., 2005. 138 p. (In Russian)
24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 12. St. Petersburg, Typography of I.N. Skorohodov, 1901. 274 p. (In Russian)
25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 13, half 1. St. Petersburg, Typography of I.N. Skorohodov, 1904. 308 p. (In Russian)
26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 19. St. Petersburg, Typography of I.N. Skorohodov, 1903. 308 p. (In Russian)
27. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language of the 11th–17th Centuries], is. 13. Ed. by O.I. Smirnova. Moscow, Nauka Publ., 1987. 320 p. (In Russian)
28. *Slovník staroukrajinských slov. XIV–XV st.* [Dictionary of Old Ukrainian Language. The 14th–15th Centuries]. Kyiv, Naukova dumka, 1978. 592 p. (In Ukrainian)
29. Ötemish-Hajji. *Chingiz-name*. Faksimile, per., transkriptsiya, primech., issl. V.P. Yudina. Alma-Ata, Gylym, 1992. 296 p. (In Russian)

30. Khamidullin. B.L. *Narody Kazanskogo khanstva: etnosotsiologicheskoe issledovanie* [The Peoples of the Kazan Khanate: Ethnosociological Study]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2002. 335 p. (In Russian)

31. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of the Kazan Khanate]. Moscow, Insan Publ., 1991. 320 p. (In Russian)

32. Kolodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): a Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden; Boston: Brill, 2011. 1049 p.

33. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr 7 (1506–1539)*. Parengė I. Ilariene, L. Karalius, D. Antanavičius. Vilnius, Mosklo ir enciklopedijų leidykla, 2011. 1012 p. (In Belorussian)

34. Togan A.Z.V. Kazan Hanlığında İslâm Türk Kulturu. *İslâm Türkleri Enstitüsü Dergisi*. 1965. C. III. S. 3/4, pp. 179–204. (In Turkish)

About the author: Vadim V. Trepavlov – Dr. Sci. (History), Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: trepavlov@yandex.ru

Received May 31, 2017 Accepted for publication August 23, 2017

Published September 30, 2017

ИЗВЕСТИЯ О КРЫМЕ У ФРАНЧЕСКО АЛЬГАРОТТИ***Н.И. Храпунов¹, С.Н. Храпунова²***Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация*¹ *khrapunovn@mail.ru*² *khrapunovasvetlana@mail.ru*

Целью статьи является изучение сведений о положении Крыма во второй четверти XVIII в., собранных знаменитым итальянским исследователем и путешественником Франческо Альгаротти.

Материалом для анализа служит книга Альгаротти «Русские путешествия» («Очерк в письмах о России»), где данные о Крыме приводятся в связи с рассказом о русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Сочинение Альгаротти представляет собой ценный, но малоизученный источник для исследования истории Крымского ханства и воображаемой географии Крымского полуострова.

Научная новизна работы заключается в том, что вопрос о собранном Альгаротти «крымском досье», его источниках, особенностях осмысления автором полученной информации, наличии в тексте характерных для эпохи Просвещения стереотипов, а также о применении этих данных к изучению прошлого Крыма прежде не поднимался.

В результате исследования установлено, что итальянец черпал информацию из сочинений европейских путешественников и кабинетных авторов, а также использовал результаты общения с русскими офицерами и чиновниками во время поездки в Петербург в 1739 г. Помимо описания военных действий, источник приводит информацию о политической и экономической географии Крымского ханства, этнографии и военном деле крымских татар. Сочинение Альгаротти пользовалось значительной популярностью у современников, а потому представляет интерес не только как источник фактической информации, но и как транслятор представлений, закреплявшихся в общественной мысли. Автор выступает носителем характерной для европейцев эпохи Просвещения идеологии, наполненной стереотипами в восприятии России, Османской империи и крымских татар. Итальянец представил Крым как пограничье между «цивилизацией» и «варварством», ключевым пунктом в противостоянии между христианской Европой и исламской Османской империей. Именно к Крыму устремлялись интересы России – потенциально сильнейшей державы в Европе, в которой следовало бы продолжать преобразования в духе идей Просвещения. Альгаротти рассматривает победу над Крымом и последующее изгнание турок из Европы в качестве позитивной исторической миссии России. В целом, сочинение итальянского автора представляет собой определенный срез знаний о Крыме, существовавших в Западной Европе в эпоху Просвещения.

Ключевые слова: Крым, Франческо Альгаротти, Крымское ханство, Российская империя, русско-турецкая война 1735–1739 гг., историческая имагология, эпоха Просвещения

Для цитирования: Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. Известия о Крыме у Франческо Альгаротти // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С.612–628. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.612-628

* Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

FRANCESCO ALGAROTTI'S ACCOUNT OF THE CRIMEA

*N.I. Khrapunov*¹, *S.N. Khrapunova*²

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation*

¹ *khrapunovn@mail.ru*

² *khrapunovasvetlana@mail.ru*

Research objectives: This paper analysis the account of Crimea's situation in the second quarter of the eighteenth century, collected by a famous Italian scholar and traveller, Francesco Algarotti.

Research materials: Algarotti's book of "Russian Travels" (or "An Essay of Russia in Letters") supplies this account in relation to the Russo-Turkish War of 1735–1739. Algarotti's work is a valuable, albeit poorly studied, source on the history of the Crimean Khanate and imaginary geographies of the Crimean Peninsula.

Research novelty and results: The Italian scholar collected information from writings of European travellers and armchair researchers, and also used the results of his communication to Russian military and civil officers during his visit to Saint Petersburg in 1739. Apart from the description of military operations, the sources supply various data regarding the political and economic geography of the Crimean Khanate, and details regarding Crimean Tatar ethnography and military tradition. Algarotti's book was popular among his contemporaries, and thus is interesting both as a source of factual information and as a reflection of notions rooted in public consciousness. The author appears to hold an ideology typical of the Europeans in the Age of the Enlightenment, filled with stereotypes and the typical apprehension of Russia, the Ottoman Empire, and Crimean Tatars. The Italians understood Crimea as a borderland between the "civilization" and "barbarism," a key point in the struggle between Christian Europe and the Muslim Ottoman Empire. Potentially the most important power in Europe, which saw its mission to push forward reforms inspired by Enlightenment ideas, Russia directed its interests precisely at Crimea. Algarotti viewed the victory over Crimea, and the successive expulsion of the Ottomans from Europe, in a positive light as Russia's historical mission. Generally, the Italian author's book presents us with a sample of notions of Crimea which existed in Western Europe in the Age of the Enlightenment.

Keywords: Crimea, Francesco Algarotti, Crimean khanate, Russian Empire, Russo-Turkish War of 1735–1739, imagined geographies, Enlightenment

For citation: Khrapunov N.I., Khrapunova S.N. Francesco Algarotti's Account of the Crimea. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 612–628. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.612-628

Итальянский ученый, литератор Франческо Альгаротти (1712–1764 гг.) в русской культуре известен как автор знаменитого афоризма про Петербург как окно, через которое Россия смотрит на Европу, который впоследствии был использован Пушкиным [2, с. 69; 3, с. 49; 25]. Этот образ появился в сочинении, которое в первых изданиях называлось «Очерк в письмах о России», а в последующих – «Русские путешествия». В книге имеются некоторые сведения об истории Крыма в связи с русско-турецкой войной 1735–1739 гг., которые обычно не используются исследователями Крымского ханства и воображаемой географии полуострова. Сведения эти происходят не из личных наблюдений автора, но были результатом изучения европейских источников, а потому в известном смысле Альгаротти можно назвать одним из первых историков

Крыма. В последнее время записки итальянца о России оказались в центре внимания исследователей [библиография: 34, с. 14; 10, с. 249–250, прим. 55], однако его известия о Крыме прежде не рассматривались специально. Имеются лишь краткие комментарии к соответствующим отрывкам, помещенные в русских переводах сочинения Альгаротти [2; 3]. Сведения Альгаротти отсутствуют в фундаментальной сводке известий о крымских татарах [37]¹.

Альгаротти родился в Венеции, в купеческой семье, но смолоду отправился сначала в Рим, а потом в Болонью, Флоренцию и Падую, где получил разностороннее образование [о его биографии и сочинениях см.: 25; 33; 34; 10]. «Гражданин мира» и «универсальный ученый», человек широких интересов, обаятельный, активный, увлекающийся, он много путешествует, пытается добиться признания в «республике наук» и устроить карьеру, найдя себе коронованного покровителя. В Париже (1734–1736 гг.) Альгаротти свел знакомство с Вольтером, в Лондоне (1736–1737 гг.) стал членом Королевского общества (аналог академии наук), в Италии (1737 г.) опубликовал популярное изложение Ньютоновской оптики («Ньютонизм для дам»), принесшее автору широкую известность, но и включенное Ватиканом в список запрещенных книг. В 1739 г. он присоединился к английской делегации, отправлявшейся в Петербург на бракосочетание принцессы Анны Леопольдовны Мекленбургской – племянницы императрицы Анны Иоанновны, и принца Антона-Ульриха Брауншвейгского (поскольку российская монархия была бездетной, в результате этого брака должен был появиться потенциальный наследник престола). Альгаротти планировал расположить к себе императрицу, поднеся ей «Ньютонизм» и посвященную ей оду, вероятно, для того, чтобы получить должность при дворе или заказ на сочинение книги, но Анна Иоанновна не проявила заинтересованности в услугах итальянца.

Из России Альгаротти отправился в Германию, где свел знакомство с наследником прусского престола, вскоре ставшим королем Фридрихом II. В 1740–1742 гг. он состоял у него на службе (сам Вольтер рекомендовал королю приблизить Альгаротти) и даже получил графский титул. Фридрих попытался использовать Альгаротти для политических интриг в Италии, но в качестве дипломата тот оказался совершенно безнадёжен. В 1742–1745 гг. Альгаротти служил саксонскому курфюрсту Августу III (в частности, помогая тому собирать картины для знаменитой Дрезденской галереи), а в 1746–1753 гг. вновь вернулся к Фридриху II.

Альгаротти приписывают любовные связи со знаменитыми деятелями эпохи – британским политиком Джоном Харви (Херви), английской путешественницей и писательницей Мери Уэртли Монтегю и даже Фридрихом II, каждый из которых ему покровительствовал. Последние годы жизни Альгаротти прошли в Италии – в Венеции, Болоне и Пизе – занимаясь научными занятиями. Он был не столько оригинальным ученым, сколько популяризатором науки, теоретиком искусства и литературоведом. Перед смертью Альгаротти начал готовить собра-

¹ В этом чрезвычайно полезном издании, к сожалению, опущены сведения о крымских татарах, собранные не только Альгаротти, но и другими известными путешественниками, в частности, Джоном Смитом (1603 г.), Николаасом Витсенем (1692 г.), Жильбером Роммом (1786 г.), Эдвардом-Даньелом Кларком (1800 г.) и Реджинальдом Хебером (1806 г.) [36; 9; 27; 38; 35]. Новое расширенное издание книги или публикация второго тома с дополнительными материалами было бы чрезвычайно полезным делом.

ние своих сочинений. Последние книги этого восьмитомного издания автор уже не увидел. Обширное литературное наследие свидетельствует о разнообразии интересов Альгаротти, среди которых, например, творчество античных авторов и философия Декарта, опера и французский язык, живопись и архитектура, история древнего Рима и цивилизации инков.

В 1760 г. он анонимно опубликовал «Очерк в письмах о России», состоявший из восьми писем на итальянском языке, якобы написанных во время путешествия в Россию в 1739 г. и адресованных лорду Харви. В 1763 г. выходит следующее (также анонимное) издание, дополненное четырьмя письмами к маркизу Шипионе Маффеи, драматургу, литератору и археологу из Вероны, написанными якобы в 1750–1751 гг. Альгаротти продолжал работу над новым изданием, в котором была уменьшена критика России, но вышло оно уже после его смерти, в собрании его сочинений, под названием «Русские путешествия». Вскоре появились английский и французский переводы. К настоящему времени сочинение Альгаротти выдержало более 50 изданий на семи европейских языках, включая две полные русские публикации [2; 3]² и несколько изданий отрывков, в частности – посвященных русско-турецкой войне 1735–1739 гг. и событиям в Крыму [32].

Этому небольшому сочинению, по мнению исследователей, только придана эпистолярная форма, благо «корреспондентов» Альгаротти к тому времени уже не было в живых. В основе его не реальные письма, но дневник, который Альгаротти вел в путешествии (пока не опубликованный), дополненный разнообразными материалами, взятыми из английских, французских, итальянских публикаций [33, с. 17; 10, с. 228–231, 235–236; ср.: 25, с. 261–263]. Подобная мистификация была распространенной формой философических и публицистических произведений в эпоху Просвещения, в частности, создавая у читателя впечатление особой достоверности. Возможно, Альгаротти избрал «эпистолярную» форму для своего труда, полемизируя с популярными «Московитскими письмами» другого итальянца – Франческо Локателли [46]. Это сочинение, составленное авантюристом и шпионом, побывавшим в России в 1733–1734 гг., было чрезвычайно критическим по отношению к русской жизни и нравам, а потому вызвало настоящий скандал. В результате знаменитый русский литератор и посол в Лондоне Антиох Кантемир (к слову, хороший знакомый Альгаротти) был вынужден организовать немецкое издание этих писем с разгромными комментариями [см.: 40; 47]³. Письма Альгаротти были полной противоположностью сочинению его соотечественника – не скрывая увиденных проблем и некоторых вещей, показавшихся ему странными, он в целом благожелателен к России.

² В обоих случаях перевод выполнен по итальянскому критическому изданию 1991 г., однако русские версии местами существенно различаются между собой.

³ Эту «литературную дуэль» можно рассматривать как прообраз куда более известной дискуссии. Когда побывавший в 1761–1762 гг. в России французский аббат и исследователь Шапп д'Отрош опубликовал книгу, в которой сказал много нелестных слов о «варварских обычаях» русских, императрица Екатерина II инициировала публикацию книги (а, возможно, и лично участвовала в ее написании), опровергавшую сочинение д'Отроша [см.: 17; 12; 30, с. 150–155]. Эти и другие подобные сочинения иностранцев, говорившие о России как о стране «варварской», культура которой совершенна противоположна европейскому идеалу, в XVIII в. образовали особую традицию [19, с. 67–72]. Более объективный подход Альгаротти был явлением не совсем обычным.

Увлеченность автора античностью сказалось на записках Альгаротти, простому и строгому стилю чуждо барочное украшательство. По тексту разбросаны многочисленные цитаты из древнеримских авторов. Описывая современные реалии, итальянец широко использовал античные образы и параллели. Подобный стилистический прием мог отразить не только личные пристрастия автора, но и традиции классицизма, универсального эстетического течения XVIII в.

Показательно, что в «письмах» Альгаротти отсутствует описание события, ради которого он, собственно, и ездил в Петербург – пышной свадьбы Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха. Надо думать, эти материалы показались автору неподходящими для реализации его основного замысла. «Русские путешествия» гораздо шире обычных путевых заметок. Это аналитическое сочинение, рассматривающее место России в мировой политике и на «карте цивилизации», ее взаимоотношения с соседями и будущие перспективы империи. Лишь три письма посвящены впечатлениям Альгаротти от Петербурга, а также устройству Российского государства, его армии, флоту, торговле, налогам. В других рассматриваются перипетии войны 1735–1739 гг. между Россией и Австрией с одной стороны и Османской империей и Крымским ханством с другой. Альгаротти описывает ход событий, развивавшихся и на причерноморском, и на балканском театре военных действий, а также аспекты международной торговли и политики в Прибалтике, Причерноморье, на Каспии и далее вплоть до Китая. В отличие от большинства деятелей века Просвещения, путешествовавших по Восточной Европе [см.: 13], Альгаротти не смотрел на Россию сверху вниз, но занял позу благожелательного, пусть и критичного наблюдателя. Он не писал хвалебную оду России, но пытался трезво оценить ее достоинства и недостатки в меру своего понимания.

Размышления над деятельностью Петра I привели к фундаментальным переменам в сознании людей эпохи Просвещения, которые вынуждены были переосмыслить свои представления о роли России и о структуре собственно Европы. Россию теперь воспринимали как часть Европы северной [26, с. 111–125]. В Письмах III–VI Альгаротти рассуждает о Петровских реформах, о том, как воля государя может менять судьбы страны, и о зависимости последней от причуд монарха. Сравнив Россию с большим белым медведем [1, с. 94; 3, с. 80], Альгаротти подчеркивает органичность ее положения на «севере». Холод, приносящий болезни в другие части Европы, для России становится благом, создавая здесь сеть замечательных дорог по замерзшим рекам [2, с. 94–95; 3, с. 80–81]. Детей здесь закаливают в холодной воде или снеге, тем самым приготавливая их к роли великолепных солдат [2, с. 85–86; 3, с. 69–72], а армию Альгаротти считал основой государства. Взгляды Альгаротти на «русский холод» довольно традиционны для эпохи Просвещения, когда представления о зависимости культуры от климата стали очень популярны благодаря авторитету Шарля-Луи Монтескье [23, с. 198 слл.]. Россия в этом контексте рассматривалась как холодная северная страна, причем холоду приписывалась определяющая роль в формировании ряда особенностей российского государства и национального характера [7, с. 109–118].

Для Альгаротти свойственно использование дихотомии «север-юг», и потому «самой красивой и плодородной провинцией империи» оказывается ее южная часть, Украина [2, с. 96; 3, 82]. По его мнению, существуют две страны,

природно-географическое положение которых способно сделать их мировыми лидерами – Россия на севере и Испания на юге. С одной стороны, границы этих стран имеют природную защиту от врагов, а с другой, их положение на перекрестке торговых путей между Средиземноморьем и Атлантикой в одном случае и между Европой и Азией во втором дает уникальную возможность для развития торговли. Нужно сказать, что Альгаротти был автором специального трактата, в котором проводилась мысль о том, что величие истинно цивилизованного общества происходит именно от торговли [10, с. 240]. По-видимому, он воспринял идеи Шарля-Луи де Монтескье о торговле как об определяющем факторе исторических процессов [23, с. 296–297]. Наконец, и Россия, и Испания имеют превосходные армии, любящие и готовые воевать правительства и подданных, объединенных единством веры и языка. Но этими преимуществами только предстоит воспользоваться. Альгаротти явно увлекся мыслью о преобразовании России в духе идей Просвещения. К ним относятся развитие промышленности, сельского хозяйства и торговли, строительство судоходных каналов, увеличение населения – основной производительной силы, в том числе через привлечение иностранных переселенцев. Необходимым условием является стабилизация государства через утверждение ясного порядка престолонаследования (Альгаротти, очевидно, не одобрял дворцовые перевороты) и приход к власти «честолюбивого и деятельного» монарха – другими словами, второго Петра [2, с. 99–100; с. 3, 87–90].

Угрозу потенциально богатейшим южным провинциям России представляют постоянные набеги крымских татар. Для сдерживания их и союзных им кубанских татар русским, по мнению Альгаротти, надлежало вновь овладеть Азовом. Затем следовало установить контроль над Керчью, господствующей над выходом в Черное море, и завести здесь флот, могущий представлять угрозу самому Константинополю, который снабжается из Крыма. Таковы, по его мнению, были и планы Петра I [2, с. 96; 3, с. 83]. Заметим, что похожие мысли о стратегии Петра высказал Вольтер в вышедшем в 1759 г. первом томе «Истории Российской империи при Петре Великом», который вполне мог читать Альгаротти [48, р. 105]. Несколько позже появилось и свидетельство, которое можно было трактовать как доказательство реальности этих планов. Немецкий ученый Антон-Фридрих Бюшинг опубликовал письмо российского военачальника графа Христофора Антоновича Миниха к Екатерине II от 20 сентября 1762 г., в котором тот убеждал императрицу захватить Константинополь, исполнив тем самым замысел Петра I по изгнанию турок и татар из Европы, ради чего предпринимались, например, Петровские походы на Азов [45, с. 467]. Миних, разумеется, мог приписать Петру надежды, ставшие актуальными в Екатерининскую эпоху. Но как бы то ни было, представление о планах Петра по захвату столицы Османской империи утвердилось в общественном сознании Западной Европы. Не случайно на рубеже XVIII–XIX вв. о них говорилось в фальшивом «Завещании Петра Великого», сфабрикованном в Наполеоновской Франции польским эмигрантом Михалом Сокольниковым [22, с. 173]. Хотя об Альгаротти в этом контексте обычно не упоминают, учитывая популярность его сочинения, можно думать, что оно могло убедить кого-то из его читателей в реальности планов «южной экспансии» Петра.

Хотя для европейского сознания и Россия, и Османская империя выступали в качестве «других», противопоставление с которыми позволяло осознать себя и свою культуру [26, с. 71–156], Альгаротти в борьбе между турками и русскими однозначно принимал сторону последних. В его время некоторые западноевропейские интеллектуалы стали рассматривать Россию как потенциального союзника против турок [14, с. 184–185; 26, с. 111]. Надежды на то, что Россия сможет изгнать османов из Европы, достигли максимума в письмах Вольтера к Екатерине II конца 60х – начала 70х гг. XVIII в., то есть периода очередной русско-турецкой войны [16]. На Альгаротти же мог повлиять, помимо всего прочего, увиденный им в русских потенциал к развитию и восприятию идей Просвещения, тогда как турки на этом фоне казались не подлежащими исправлению варварами.

Учитывая сказанное, не удивительно, что итальянец решил рассказать читателям о Крыме и войне с турками 1735–1739 гг. (Письма VI и VII). Значительная часть сведений о полуострове приводится в связи с рассказом о крымских походах Миниха (1736 г.) и Петра Ласси (1737 г.). Заметим, что эти события состоялись незадолго до прибытия Альгаротти в Петербург, и потому не упомянуть о них, очевидно, было бы странно. Однако, по данным неопубликованного дневника Альгаротти, интереса к военным действиям он не проявлял, потому, как полагают, соответствующую информацию он добавил уже при подготовке своего сочинения к печати, на основании опубликованных в Западной Европе источников [2, с. 125, прим. 32]. В целом, собранная им информация соответствует нашим представлениям о ходе этой войны [см.: 5, с. 186–190, 207–211; 29, стлб. 1335–1391], однако источники ее остаются невыясненными. Поскольку, как уже говорилось, Альгаротти считал армию опорой престола и одним из ключевых факторов развития России, обратившись к истории войны с турками, он получил возможность еще раз рассмотреть занимавший его вопрос.

Надеясь на успех у читателя, Альгаротти мог рассчитывать и на то, что Крым был в то время почти неизвестен. Не случайно в своем знаменитом трактате «О духе законов» (1748 г.) Монтескье использует Крым как синоним наименее известной на рубеже XVII–XVIII вв. части Европы [23, с. 122]. Сведения о полуострове, помещенные в знаменитой «Энциклопедии» Дени Дидро и Жана д'Аламбера (1751 г.), главным образом в статьях «Крым» и «Татария» авторства Луи де Жокура, также не отличались подробностями [42, р. 470; 43, р. 926]. Весьма вероятно, что Альгаротти мог читать «Общую историю» восточных кочевых народов, опубликованную в 1757 г. французским историком Жозефом Дегинем, в котором имеются куда более подробные известия о Крыме, крымских татарах и их истории [39, р. 343–344, 375, 387–388, 390–397 f.]. Детальные известия о Крыме можно было отыскать у путешественников и писателей конца XVI – первой половины XVIII в. Мартина Броневского, Эмиддио Портелли д'Асколи, Гийома Левассера де Боплана, Николааса Витсена и Обри де ля Мотре, однако эти книги были известны, скорее, узкому кругу ученых, а не широкой публике [4; 8; 20; 9; 24].

По представлениям Альгаротти, последняя война между Россией и Австрией с одной стороны и Османской империей с другой представляла интерес для его читателя, поскольку она велась на специфических землях, населенных особыми народами, так что полководцам пришлось отказаться от тради-

ционных правил военного искусства. Кроме того, в этот раз, при извечной удаче, можно было бы исполнить давнюю мечту, изгнав турок из Европы [2, с. 103, 114; 3, с. 91, 108]. Крымских татар Альгаротти считал самыми опасными соседями России, ведь они, выставя до 80 тысяч войска. Именно их нападения на пограничные земли и, в частности, на Украину и стали поводом к войне [2, с. 96, 106–107; 3, с. 82, 95–98].

Описание татарских походов довольно стереотипно и, возможно, представляет собой выжимку из «крымского раздела» книги Витсена [ср.: 9, с. 705–709], голландского путешественника и исследователя, в Крыму не бывавшего, но в конце XVII в. собравшего сведения о полуострове из нескольких разнообразных источников [44]. В набег крымские татары отправляются зимой, когда мороз сковывает реки и болота. Они вооружены луками, копьями и саблями, каждый из них берет в поход нескольких лошадей. И кони, и всадники крайне неприхотливы и хорошо приспособлены к выживанию в зимней степи. Припасов с собой почти не берут, питаюсь в походе конским молоком и мясом, ночуя, не разведя огня и не разбивая шатров. Захватывая добычу и пленников, десятую часть отдают хану. Пленников продают на базарах Константинополя. Для противодействия крымцам Россия вынуждена возводить линии укреплений и держать на границе крупные силы, что, впрочем, не всегда эффективно [2, с. 96, 106–107, 111–112; 3, с. 83, 96–98, 104–105]. Это описание подтверждает тезис Альгаротти о непривычном для европейцев способе ведения войны, совершенно противоположном действию регулярной армии, которая, однако, в итоге нанесет татарам поражение.

Владения хана включают собственно Крым, где его подданные живут оседло, возделывая землю и выращивая скот, и Малую Татарию, то есть земли на северных берегах Черного и Азовского морей, где хозяйство почти исключительно кочевое скотоводство [2, с. 106; 3, с. 95]. Представление о делении Татарию на Крымскую и Малую могут восходить к «Энциклопедии» [ср.: 43, р. 926]. Граница между Ханством и российской Украиной проходит по реке Самаре. Крым дополнительно защищен мощными укреплениями у Перекопа, а проход через Арабатскую стрелку прикрывает одноименная крепость [2, с. 107, 110, 117; 3, с. 96, 102, 114]. Резиденция хана, как и следовало ожидать, находится в Бахчисарае, где у него несколько дворцов, тогда как наследник престола, калга-султан, живет в Султан-Сарае [2, с. 110; 3, с. 103]. И хотя в Крыму известно село Султан-Сарай – ныне Ульяновка Белогорского района [1, с. 51; 41, р. 985–986], ясно, что в данном случае речь идет об Ак-Мечети, нынешнем Симферополе [41, р. 184–185]. Альгаротти отметил процветающий торговый город Кезлев (сейчас Евпатория) и зажиточный Карасу-Базар (современный Белогорск), но самым богатым центром на полуострове, имеющим к тому же удобную гавань, он назвал Кафу, где велась торговля зерном, солью, коровьим маслом и осетровой икрой. Вероятно, Альгаротти воспринимал Кафу как форпост между двумя мирами, истории которого свойственна определенная цикличность. Так, некогда он был оплотом христианства против гуннов, пока не попал к ним в руки, а затем сделался твердыней генуэзцев, которых через время прогнали турки [2, с. 110, 117, 118; 3, с. 103, 114–116]. Сведения о географии и торговле Крыма Альгаротти мог взять либо из неизвестных источников, либо у Витсена и Дегиня [ср.: 9, с. 709–711; 39, р. 344, 375, 390–391].

Господство Турции над Северным Причерноморьем зиждется на крепостях, в которых находятся турецкие гарнизоны. Так, опорные пункты в Кафе и Балаклаве обеспечивают султану власть над Крымом, в Бендерах и Очакове – над бессарабскими татарами, а в Азове – над татарами кубанскими. Сама природа отделила владения турок от России полосой безводных степей, равно затрудняющих османам нападение на русских и России – захват и удержание турецких владений. Однако уже первый поход Миниха показал, что при должной благосклонности фортуны Россия может присоединить Крым, воплотив в жизнь мечты великого Петра [2, с. 96, 106, 113, 114; 3, с. 82, 96, 107, 108].

Крымский поход 1736 г. был частью более сложного плана, согласно которому русские одновременно заблокировали основные опорные пункты турок – Азов и Очаков, а также взяли Кинбурн, когда их союзники-калмыки напали на кубанских татар. В описании Альгаротти поход Миниха приобретает поистине эпические черты, наглядно демонстрируя столкновение порядка и хаоса, цивилизации и варварства. Не случайно итальянец сравнивает его с покорением Шотландии римлянами и европейской колонизацией Северной Америки. По мере продвижения по степи к Крыму русские возводили цепочку укреплений, обеспечивающих связь с родиной. Армия Миниха демонстрировала европейскую выручку и организацию – выстроив солдат в каре и поставив обозы в центр, русский полководец организовал слаженные действия пехоты, конницы и артиллерии, с помощью которых отбивались постоянные нападения нерегулярной татарской конницы. Крымцы также поджигали степь, направляя огонь на своих врагов. Так европейское военное искусство (подчеркнем, что армия была предметом особого интереса Альгаротти) преодолевало сопротивление варваров. Миних кажется воплощением передового порядка и рационализма, побеждающих и упорядочивающих первобытный хаос. Он выступает в роли героя, несущего цивилизацию в дикие земли. Татары же, нападавшие на Минихово войско с помощью огня и отгоняемые пушечными выстрелами, представляли буйную и страшную стихию, усмиряемую передовыми военными технологиями и рационализмом Просвещения. Достигнув Крыма, Миних еще раз продемонстрировал превосходство европейской тактики, с помощью обманного маневра преодолев неприступные укрепления Перекопа. Ворвавшись на полуостров, русская армия захватила Кезлев, Бахчисарай и Ак-Мечеть, но, опасаясь того, что татары могут нанести удар им в тыл и ограбить Украину, Миних принял решение возвращаться. Альгаротти назвал русскую армию «победоносной», несмотря на то, что потери составили половину от вышедших в поход 70 000 – 80 000 тысяч человек [2, с. 108–111; 3, с. 99–104]. По-видимому, взятых в этом походе пленных русские поместили в Ревеле (ныне Таллин) в качестве гарнизона [2, с. 49; 3, с. 27].

Действиям фельдмаршала Ласси в следующем, 1737 г. Альгаротти отыскал параллели в поступках Юлия Цезаря в Германской войне. В результате у читателя может создаться впечатление, что покорение Крыма должно было стать одним из судьбоносных событий в истории, уподобляясь наиболее блестящим страницам истории римской. Подобно своему предшественнику Миниху, в крымском походе Ласси продемонстрировал на деле весь блеск европейской военной науки. Двигаясь от Азова вдоль берега моря, он погрузил

провиант на следующую параллельным курсом эскадру, а по дороге строил форты, обеспечивающие связь и защищавшие оставленных больных. В Крым Ласси прорвался хитростью, избежав столкновения с вражескими войсками, сосредоточившимися в двух уязвимых местах – на Перекопском перешейке и у Арабатской крепости, в конце пути по одноименной косе. Переправившись через Генический пролив и добравшись до середины Арабатской стрелки, Ласси приказал промерить Сиваш и, отыскав броды, оказался в незащищенном северо-восточном части полуострова. Ханское войско обратилось в панику, Ласси же захватил Карасу-Базар и, ловким маневром обманув турецко-татарское войско, ушел из Крыма по Чонгарской косе. Впрочем, оценивая итоги кампании, Альгаротти не скрывает разочарования. По-видимому, война, направленная не на завоевание территорий, но на разорение вражеских земель, не казалась ему ни оправданной, ни успешной [2, с. 116–118; 3, с. 112–115].

В 1738 г. Ласси вновь попытался овладеть Крымом, захватив Кафу, которая должна была стать опорным пунктом русских на полуострове. Однако поход закончился неудачей из-за нехватки провианта, так как причерноморские степи были разорены в предыдущие годы, а флот с провизией для армии был рассеян штормом. Ласси ограничился тем, что снова овладел Перекопом, продемонстрировав очередную хитрость, а именно, переправился через Сиваш по мелководью близ крепости, воспользовавшись тем, что ветер отогнал воду [2, с. 118–119; 3, с. 116–117].

Заметим, что Альгаротти, по-видимому, умышленно не говорит об итогах войны, завершившейся в 1739 г., которые наверняка хорошо известны и ему, и его читателям [2, с. 123; 3, с. 124]. С одной стороны, Белградский мирный договор был заключен уже после отъезда итальянца из Петербурга (и даже позже даты последнего из писем, датированных 1739 г.), потому известия о нем могли бы разрушить представление о подлинности документов. С другой, Альгаротти мог тем самым намекнуть читателю, что история продолжается, и в будущем следует ждать продолжения борьбы и за овладение Крымом, и за изгнание турок из Европы.

«Крымские письма» Альгаротти весьма напоминают его же письма X и XI, посвященные Каспийскому морю, почти неизвестному тогда в Европе, и потому вызывавшему у европейцев неподдельный интерес [11]. Альгаротти, добавляя эти письма ко второму изданию своего труда, очевидно, рассчитывал на успех у публики. Сам он на берегах Каспия, разумеется, не был, но творчески переработал сочинения своих предшественников-европейцев, создав вполне связное описание региона [2, с. 152–160; 3, с. 157–169; 11, с. 54–61]. Эпистолярная форма и здесь должна была, очевидно, придать достоверности словам автора.

Итак, сочинение Альгаротти представляет собой определенный срез знаний о Крыме, существовавших в Западной Европе в эпоху Просвещения. Итальянец представил Крым как пограничье между «цивилизацией» и «варварством», ключевым пунктом в противостоянии между христианской Европой и исламской Османской империей. Именно к Крыму устремлялись интересы России – потенциально сильнейшей державы в Европе, которая, однако, пока не смогла реализовать свои амбициозные планы. Альгаротти сообщает детальные сведения о ходе войны 1735–1739 гг., однако его рассказ о крым-

ских городах, жителях, их занятиях и военном деле в целом не очень подробен и достаточно стереотипен, уступая, например, книге Витсена или де ля Мотре. Но популярность «Русских путешествий» итальянца была значительно выше, а потому они интересны не только как источник уникальных сведений, но как транслятор представлений, закреплявшихся в общественной мысли. Альгаротти опровергал те суждения о русском варварстве, которые были распространены в Европе первой половины XVIII в. [14; 13; 21; 31; 15, с. 20–26; 26, с. 111–125; 18, с. 240–286]. В описаниях же турок и крымских татар можно обнаружить элементы так называемого «ориентального дискурса», о котором писал Э.-В. Саид и многочисленная, следующая за ним, «постколониальная историография». Мусульмане предстают полной противоположностью европейской культуре, причем в этом описании воображенные элементы затейливо переплетаются с эмпирической реальностью [28; о дискуссиях вокруг его книги: 6, с. 336–341]. Заметим, что Альгаротти, в целом, не склонен к фантазиям, но исходит из априорной необходимости изгнания мусульман из Европы и представления об Османской империи как о главном противнике «европейской цивилизации». Учитывая огромную популярность его сочинения, можно сказать, что именно Альгаротти был одним из тех, кто сделал Крымский полуостров широко известным в Европе. И лишь присоединение Крыма к России в 1783 г. открыло полуостров для европейцев, превратив его в важную часть образовательных путешествий и положив начало научному изучению его природы и этнографии, истории и археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административно-территориальные преобразования в Крыму, 1783–1998: справочник / сост. Л. П. Кравцова, В.К. Гарагуля, Л.В. Гурбова, Е.В. Каркач. Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. 464 с.
2. *Альгаротти Ф.* Русские путешествия. Письма о России / Пер. М.Г. Талалай. СПб.: Круга, 2006. 176 с.
3. *Альгаротти Ф.* Путешествие в Россию / Подгот. И.П. Володина, А.Ю. Миролюбова, пер. В.В. Зельченко. СПб.: Наука, 2014. 400 с.
4. [Асколи Э.П. д'] Описание Черного моря и Татари, оставил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татари и проч. 1634 / Пер. Н.Н. Пименов // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Т. XXIV. С. 89–180.
5. [Бантыш-Каменский Д.Н.] Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1. СПб.: Типография Третьего департамента Министерства государственных имуществ, 1840. 314 с.
6. *Бобровников В.* Почему мы маргиналы? Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида // *Ab imperio*. 2008. № 2. С. 325–344.
7. *Богданов К.А.* Переменные величины. Погода русской истории и другие сюжеты. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 368 с.
8. *Боплан Г.Л. де.* Описание Украины / Пер. З.П. Борисюк. М.: Древлехранилище, 2004. 576 с.
9. *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария / пер. В.Г. Трисман. Т. II. Амстердам: Pegasus, 2010. С. 625–1225.
10. *Володина И.П.* Русские впечатления Франческо Альгаротти // Альгаротти Ф. Путешествие в Россию. СПб.: Наука, 2014. С. 201–252.

11. *Вольпьяк-Оже К.* Соединять пустыни с пустынями? Каспийское море глазами французов XVIII в. Европейское Просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. С. 42–64.
12. *Воицинская Н.* Два д'Отроша (J. Chappe d'Auteroche. Voyage en Siberie. Э. Каррер д'Анкокс. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша) // Отечественные записки. 2005. № 5. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/5/dva-dotrosha-j-chappe-dauteroche-voyage-en-siberie-e-karrer-dankoss-imperatrira-i-abbat-neizdannaya-literaturnaya-duel-ekateriny-ii-i-abbata-shappa-doterasha>.
13. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 548 с.
14. *Гро Д.* Россия глазами Европы: 300 лет исторической перспективы // Дружба народов. 1994. № 2. С. 171–185.
15. *Ермасов Е.В.* Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI – первой половины XVIII в. // Европейское просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. С. 16–30.
16. *Зорин А.Л.* Вольтер и восточная политика Екатерины II // Вольтер и Россия. М.: Наследие, 1999. С. 106–127.
17. *Каррер д'Анкокс Э.* Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / пер. О.А. Павловская. М.: ОЛМА-Пресс, 2005. 463 с.
18. *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2013. 352 с.
19. *Лиштенан Ф.-Д.* Русская церковь XVIII в. глазами западных наблюдателей: политический и философский аспекты // Европейское Просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. С. 65–76.
20. *Мартин Броневский.* Описание Крыма / пер. И.Г. Шершеневич // Историческое наследие Крыма. 2005. № 10. С. 156–200.
21. *Мезин С.А.* Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 148–157.
22. *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Саратовский государственный университет, 2003. 214 с.
23. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов / пер. А.В. Матешук. М.: Мысль, 1999. 672 с.
24. *[Мотре О. де ля]* Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке; географические, исторические и политические исследования в Италии, Греции, Турции, в Тартарии (Крыму) и т. д. / пер. Н.Н. Хлебко, Н.Ш. Шульгина // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12–13. С. 184–207.
25. *Неклюдова М.С., Основат А.Л.* Окно в Европу: источниковедческий этюд к «Медному всаднику» // Лотмановский сборник. № 2. М.: ОГИ; Издательство РГГУ, 1997. С. 255–272.
26. *Нойманн И.* Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
27. *Ромм Ж.* Путешествие в Крым в 1786 г. / пер. К.И. Раткевич. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1941. 80 с.
28. *Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский Миръ, 2006. 640 с.
29. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. XVI–XX. 2-е изд. СПб.: Общественная польза, [1896]. 879 стлб.
30. *Стенник Ю.В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб.: Наука, 2004. 277 с.
31. *Строев А.* Россия глазами французов XVII — начала XIX века // Логос. 1999. № 8 (18). С. 8–41.

32. Талалай М.Г. Франческо Альгаротти: итальянский наблюдатель русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762). Вып. 2. СПб.: [без места], 2002. С. 62–68.
33. Талалай М.Г. Франческо Альгаротти: путешественник, литератор, просветитель // Альгаротти Ф. Русские путешествия. Письма о России. СПб.: Крига, 2006. С. 3–26.
34. Талалай М.Г. Альгаротти, Франческо // Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь. СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. С. 13–14.
35. Храпунов Н.И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2008. Вып. XIV. С. 645–697.
36. Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. Записки Джона Смита как источник по истории Крымского ханства в начале XVII в. // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 151–168.
37. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1: Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. 768 с.
38. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1817. 524 p.
39. Deguignes [J.]. Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux... Т. 3. Paris: Desaint & Saillant, 1757. 542 p.
40. Di Salvo M. An Honourable Career: Francesco Locatelli After Russia (With A Ukrainian Appendix) // Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture: studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff. Т. 1. Firenze: Firenze University Press, 2008. P. 137–145.
41. Jankowski H.A. Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea. Leiden; Boston: Brill, 2006. 1233 p.
42. Jaucourt [L. de]. Crimée // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Т. 4. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751]. P. 470.
43. Jaucourt [L. de]. Tartarie // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Т. 15. Paris: Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751]. P. 926.
44. Kizilov M. Noord en Oost Tartarye by Nicolaes Witsen: The First Chrestomathy on the Crimean Khanate and Its Sources // The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. P. 169–187.
45. Lebensbeschreibung des General-Feldmarschalls Grafen von Münnich ergänzt und bestätigt wird // Magazin für die neue Historie und Geographie. Т. 18. Halle: Johann Jacob Curts Witwe, 1782. S. 401–486.
46. [Locatelli Fr.]. Lettres moscovites. Paris: Au depens de la Compagnie, 1836 [1835]. 363 p.
47. Mosakowski M., Ślęzak J. The Muscovian Letters of Francesco Locatelli (1735), or the illusory modernisation of Russia's legal and political system during the reign of Peter the Great and his successors // Romanica Cracoviensia. 2015. Vol. 15. No. 3. P. 216–223.
48. Voltaire. History of the Russian Empire under Peter the Great. Vol. I // The Works of Voltaire: A Contemporary Version. Vol. XXXIV. Akron: The Werner Company, 1906. P. 5–313.

Сведения об авторах: Никита Игоревич Храпунов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского (295007, проспект Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация). E-mail: khrapunovn@mail.ru

Светлана Николаевна Храпунова – начальник отдела развития образовательных технологий Департамента образовательной деятельности Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского (295007, проспект Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация). E-mail: khrapunovasvetlana@mail.ru

Поступила 12.05.2017 Принята к публикации 24.08.2017

Опубликована 30.09.2017

REFERENCES

1. *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v Krymu, 1783–1998: spravochnik* [Administrative and territorial changes in the Crimea, 1783–1998: a guide]. Sost. L.P. Kravtsova, V.K. Garagulya, L.V. Gurbova, E.V. Karkach. Simferopol, Tavriya-Plyus Publ., 1999. 464 p. (In Russian)
2. Algarotti F. *Viaggi di Russia*. Parma, Guanda, 1991. 202 p. (In Italian) [Russ. ed.: Al'garotti F. *Russkie puteshestviya*. Pis'ma o Rossii. St. Petersburg, Kriga Publ., 2006. 176 p. (In Russian)].
3. Algarotti F. *Viaggi di Russia*. Parma, Guanda, 1991. 202 p. (In Italian) [Russ. ed.: Al'garotti F. *Puteshestvie v Rossiyu*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 400 p. (In Russian)].
4. Portelli d'Ascoli E. Descriptione del Mar Negro et della Tartaria. Eszer A. Die "Beschreibung des Schwarzen Meeres und der Tatarei" des Emidio Portelli d'Ascoli O.P. *Archivum Fratrum Praedicatorum*, 1972, vol. 42, pp. 199–249. (In Italian) [Russ. ed.: Opisanie Chernogo morya i Tatarii, ostavil dominikanets Emiddio Dortelli d'Askoli, prefekt Kaffy, Tatarii i proch. 1634. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey – Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities*, 1902, vol. 24, pp. 89–180. (In Russian)].
5. [Bantysh-Kamenskiy D.N.] *Biografii rossiyskikh generalissimov i general-fel'dmarshalov* [Biographies of Russian generalissimos and general field marshals], Vol. 1. St. Petersburg, Tipografiya Tret'ego departamenta Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv, 1840. 314 p. (In Russian)
6. Bobrovnikov V. Pochemu my marginaly? Zametki na polyakh russkogo perevoda «Orientalizma» Edvarda Said'a [Why are we marginal? Notes on margins of the Russian translation of Edward Said's "Orientalism"]. *Ab imperio*, 2008, no. 2, pp. 325–344. (In Russian)
7. Bogdanov K.A. *Peremennye velichiny. Pogoda russkoy istorii i drugie syuzhety* [Inconstant values: the weather of Russian history and other subjects]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 368 p. (In Russian)
8. Beavplan [G.]. *Description d'Ukraine, qvi sont plvsievr's Prouvinces du Royaume de Pologne*. Roüen, Iacques Cailloue, 1660. 112 p. (In French) [Russ. ed.: Boplan G.L. de. *Opisanie Ukrainy*. Moscow, Drevlekhranilishche, 2004. 576 p. (In Russian)].
9. Witsen N. *Noord en oost Tartarye...* Deel 1–2. Amsterdam, M. Schalkenkamp, 1785. 503 + 358 p. (In Dutch) [Russ. ed.: Vitsen N. *Severnaya i Vostochnaya Tartariya*, Vol. 2. Amsterdam, Pegasus, 2010. P. 625–1225. (In Russian)].
10. Volodina I.P. Russkie vpechatleniya Franchesko Al'garotti [Francesco Algarotti's Russian impressions]. Al'garotti F. *Puteshestvie v Rossiyu* [Algarotti F. A travel to Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014, pp. 201–252. (In Russian)

11. Volpilhac-Augier C. Soedinyat' pustyni s pustynnyami? Kaspiyskoe more glazami frantsuzov XVIII v. [Connecting deserts with deserts? The Caspian Sea through the eyes of eighteenth-century Frenchmen]. *Evropeyskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii* [European Enlightenment and Russian civilization]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 42–64. (In Russian)

12. Voshchinskaya N. Dva d'Otrosha (J. Chappe d'Auteroche. Voyage en Sibirie. E. Karrer d'Ankoss. Imperatritsa i abbat. Neizdannaya literaturnaya duel' Ekateriny II i abbata Shappa d'Otrosha) [Two d'Auteroches. (J. Chappe d'Auteroche. Voyage en Sibirie. H. Carrere d'Encausse. The Empress and the Abbot. An unpublished literary duel of Catherine II and Abbot Chappe d'Auteroche)]. *Otechestvennye zapiski – Homeland notes*, 2005, no. 5. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/5/dva-dotrosha-j-chappe-dauteroche-voyage-en-sibirie-e-karrer-dankoss-imperatrica-i-abbat-neizdannaya-literaturnaya-duel-ekateriny-ii-i-abbata-shappa-doterosha>. (In Russian)

13. Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford University Press, 1994. 425 p. [Russ. ed.: Vul'f L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 548 p. (In Russian)]

14. Groh D. *Rußland und das Selbstverständnis Europas. Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte*. Neuwied; Berlin, H. Luchterhand, 1961. 366 p. (In German) [Russ. ed.: Gro D. *Rossiia glazami Evropy: 300 let istoricheskoy perspektivy. Druzhba narodov – Friendship of peoples*, 1994, no. 2, pp. 171–185. (In Russian)]

15. Ermasov E.V. Obraz «russkogo varvarstva» v sochineniyakh nemetskikh publitsistov XVI – pervoy poloviny XVIII v. [The image of “Russian barbarism” in the works of German publicists from the sixteenth to the first half of the eighteenth centuries]. *Evropeyskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii* [European Enlightenment and Russian civilization]. Moscow, Nauka publ., 2004, pp. 16–30. (In Russian)

16. Zorin A.L. Vol'ter i vostochnaya politika Ekateriny II [Voltaire and Catherine II's eastern policy]. *Vol'ter i Rossiya* [Voltaire and Russia]. Moscow, Nasledie publ., 1999, pp. 106–127. (In Russian)

17. Carrère d'Encausse H. L'Impératrice et l'Abbé: un duel littéraire inédit entre Catherine II et l'abbé Chappe d'Auteroche. Paris, Fayard, 2003. 632 p. (In French) [Russ. ed.: Karrer d'Ankoss E. *Imperatritsa i abbat. Neizdannaya literaturnaya duel' Ekateriny II i abbata Shappa d'Otrosha*. Moscow, OLMA Press publ., 2005. 463 p. (In Russian)]

18. Labutina T.L. *Britantsy v Rossii v XVIII veke* [The British in Russia in the eighteenth century]. St. Petersburg, Aleteyya publ., 2013. 352 p. (In Russian)

19. Liechtenhan F.-D. Russkaya tserkov' XVIII v. glazami zapadnykh nablyudateley: politicheskii i filosofskii aspekty [Eighteenth-century Russian church through the eyes of Western observers: political and philosophical aspects]. *Evropeyskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii* [European Enlightenment and Russian civilization]. Moscow, Nauka publ., 2004, pp. 65–76. (In Russian)

20. Martini Broniovii, de Biezdzfede, bis in Tartariam nomine Stephani Primi Poloniae Regis legati, *Tartariae descriptio*. Coloniae Agrippinae, In Officina Birckmannica, 1595. 22 p. (In Latin) [Russ. ed.: Martin Bronevskiy. *Opisanie Kryma. Istoricheskoe nasledie Kryma – Historical heritage of the Crimea*, 2005, no. 10, pp. 156–200. (In Russian)]

21. Mezin S.A. Stereotipy Rossii v evropeyskoy obshchestvennoy mysli XVIII veka [Stereotypes of Russia in European public thought of the eighteenth century]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 2002, no. 10, pp. 148–157. (In Russian)

22. Mezin S.A. *Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [A view from Europe: eighteenth-century French authors about Peter I]. Saratov, Saratov State University Publ., 2003. 214 p. (In Russian)

23. *Esprit des lois par Montesquieu avec les notes de l'auteur et un choix des observations de Dupin, Crevier, Voltaire, Mably*. Paris, La Harpe, 1862. 600 p. (In French) [Russ.

ed.: Montesquieu Ch.L. *O dukhe zakonov*. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 672 p. (In Russian)].

24. Montraye A. de la. *Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa...*, Vol. 1–2. London, Printed for the Author, 1723. 440 + 432 p. [Russ. ed.: Puteshestvie g-na O. de lya Motre po Evrope, Azii i Afrike; geograficheskie, istoricheskie i politicheskie issledovaniya v Italii, Gretsii, Turtsii, v Tartarii (Krymu) i t.d. *Istoricheskoe nasledie Kryma – Historical heritage of the Crimea*, 2006, no. 12–13, pp. 184–207. (In Russian)].

25. Neklyudova M.S., Ospovat A.L. Okno v Evropu: istochnikovedcheskiy etyud k «Mednomu vsadniku» [A window to Europe: a source-studying essay to “The Bronze Horseman”]. *Lotmanovskiy sbornik* [Lotman Collection], Vol. 2. Moscow, OGI; RGGU Publ., 1997, pp. 255–272. (In Russian)

26. Neumann Iver B. Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1998. 304 p. [Russ. ed.: Noymann I. *Ispol'zovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichnostey*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2004. 335 p. (In Russian)].

27. Romme J. *Puteshestvie v Krym v 1786 g.* [Voyage to the Crimea in 1786]. Leningrad, Leningrad State Universitet Publ., 1941. 79 p. (In Russian)

28. Said E.W. *Orientalism*. New York, Pantheon, 1978. 368 p. [Russ. ed.: Said E.V. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka*. Moscow, Russkiy Mir, 2006. 640 p. (In Russian)]

29. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [A history of Russia from ancient times], Book 4, Vol. 16–20, 2nd ed. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., [1896]. 879 cols. (In Russian)

30. Stennik Yu.V. *Ideya «drevney» i «novoy» Rossii v literature i obshchestvenno-istoricheskoy mysli XVIII – nachala XIX veka* [The idea of the “ancient” and “new” Russia in literature and public historical thought from the eighteenth to early nineteenth centuries]. St. Petersburg, Nauka publ., 2004. 277 p. (In Russian)

31. Stroevev A. Rossiya glazami frantsuzov XVII — nachala XIX veka [Russia through the eyes of Frenchmen from the seventeenth to early nineteenth century]. *Logos*, 1999, no. 8 (18), pp. 8–41. (In Russian)

32. Talalay M.G. Franchesko Al'garotti: ital'yanskiy nablyudatel' rusko-turetskoy voyny 1735–1739 gg. [Francesco Algarotti: an Italian observer of the Russo-Turkish war of 1735–1739]. *Krov'. Porokh. Lavry. Voyny Rossii v epokhu barokko (1700–1762)* [Blood. Gunpowder. Laurels. Russia's wars in the age of baroque (1700–1762)], Vol. 2. St. Petersburg: [no publisher], 2002, pp. 62–68. (In Russian)

33. Talalay M.G. Franchesko Al'garotti: puteshestvennik, literator, prosvetitel' [Francesco Algarotti: traveler, writer, enlightener]. Al'garotti F. *Russkie puteshestviya. Pis'ma o Rossii* [Travels to Russia. Letters on Russia]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2006, pp. 3–26. (In Russian)

34. Talalay M.G. Al'garotti, Franchesko [Algarotti, Francesco]. *Rusko-evropeyskie literaturnye svyazi. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian-European relations: an encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, 2008, pp. 13–14. (In Russian)

35. Khrapunov N.I. Krym v opisaniyakh Redzhinal'da Khebera (1806 g.) [The Crimea as described by Reginald Heber (1806)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii – Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*, 2008, vol. 14, pp. 645–697. (In Russian)

36. Khrapunov N.I., Khrapunova S.N. Zapiski Dzhona Smita kak istochnik po istorii Krymskogo khanstva v nachale XVII v. [John Smith's memoir as a source for the history of the Crimean Khanate in the early seventeenth century]. *Zolotoordynsoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marajani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences 2015, no. 4, pp. 151–168. (In Russian)

37. Aradzhioni M.A., Gertsen A.G. (eds.). *Khrestomatiya po etnicheskoy istorii i traditsionnoy kul'ture starozhil'cheskogo naseleniya Kryma*. Ch. 1: *Musul'mane: krymskie*

tatary, krymskie tsygane [A chrestomathy in ethnic history and traditional culture of indigenous peoples of the Crimea. Part 1: Moslems: Crimean Tatars, Crimean Gipsies]. Simferopol', Tavriya-Plyus publ., 2004. 768 p. (In Russian)

38. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa*. Pt. 1: *Russia, Tahtary, and Turkey*, 4th ed, Vol. 2. London, T. Cadell and W. Davies, 1817. 524 p.

39. Deguignes [J.]. *Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux...*, Vol. 3. Paris, Desaint & Saillant, 1757. 542 p. (In French)

40. Di Salvo M. An Honourable Career: Francesco Locatelli after Russia (with a Ukrainian Appendix). *Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture: studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff*, Vol. 1. Firenze, Firenze University Press, 2008, pp. 137–145.

41. Jankowski H. *A Historical-Etymological Dictionary of Pre-Russian Habitation Names of the Crimea*. Leiden; Boston, Brill, 2006. 1233 p.

42. Jaucourt [L. de]. Crimée. *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, Vol. 4. Paris, Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751], p. 470. (In French)

43. Jaucourt [L. de]. Tartarie. *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, Vol. 15. Paris, Briasson; David; Le Breton; Durand, [1751], p. 926. (In French)

44. Kizilov M. Noord en Oost Tartarye by Nicolaes Witsen: The First Chrestomathy on the Crimean Khanate and its Sources. *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century)*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2012, pp. 169–187.

45. Lebensbeschreibung des General-Feldmarschalls Grafen von Münnich ergänzt und bestätigt wird. *Magazin für die neue Historie und Geographie*, Vol. 18. Halle, Johann Jacob Curts Witwe, 1782, pp. 401–486. (In German)

46. [Locatelli Fr.]. *Lettres moscovites*. Paris, Au depens de la Compagnie, 1836 [1835]. 363 p. (In French)

47. Mosakowski M., Ślęzak J. The Muscovian Letters of Francesco Locatelli (1735), or the illusory modernisation of Russia's legal and political system during the reign of Peter the Great and his successors. *Romanica Cracoviensia*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 216–223.

48. Voltaire. History of the Russian Empire under Peter the Great. Vol. I. *The Works of Voltaire: A Contemporary Version*, Vol. XXXIV. Akron, The Werner Company, 1906, pp. 5–313.

About the authors: Nikita I. Khrapunov – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Research Centre for the History and Archaeology of the Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation). E-mail: khrapunovn@mail.ru

Svetlana N. Khrapunova – Head of the Education Technologies Division, Department of Educational Activity, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation). E-mail: khrapunovasvetlana@mail.ru

*Received May 12, 2017 Accepted for publication August 24, 2017
Published September 30, 2017*

УДК 911.375

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.629-658

**ТЕМНИКОВ – ГОРОД ТЕМНИКА. К ИСТОРИИ ГОРОДОВ
«МОРДОВСКИХ УКРАИН» В XV–XVI ВВ.****М.М. Акчурина¹, М.Р. Ишеев²**¹ *Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ*² *Центр историко-родословных исследований «TatarGen.Ru»**Казань, Российская Федерация*¹ *bigeevo@yandex.ru*

Цель: выяснить возможные обстоятельства возникновения городов в западных мордовских землях, их место и роль в истории в период XV–XVI вв.

Материалы исследования: в данном исследовании были использованы различные письменные источники, в первую очередь, актовые материалы, летописные сообщения, родословные легенды, а также материалы археологических исследований Итяковского и Старокадомского городищ.

Результаты и научная новизна: анализ актовых материалов XVI–XVII веков привел нас к мнению, что в московский период города мордовских земель являлись резиденциями татарских наместников и, возможно, местом сосредоточения подведомственных им групп служилого татарского населения. При этом города (Темников, Кадом, Саконь, Андреев городок) являлись локальными административными центрами для своих прилегающих мордовских областей, которые во второй половине XVI века выделились в отдельные уезды из более крупного Мещерского уезда. Обобщение привлеченного комплекса письменных источников и археологических материалов позволяют предполагать, что с 30-х годов XV века между татарскими князьями бывшего улуса Мохши и князьями Московского и Рязанского великих княжеств возникли определенные договоренности. Эти договоренности смогли обеспечить безопасное переселение татарского населения из окрестностей Наровчата в более защищенные северные районы мордовских земель, примыкавшие к границам Московского и Рязанского княжеств, которое привело появлению там хорошо укрепленных городков-замков. Тем не менее, попав под определенное влияние русских княжеств, мордовские области были окончательно присоединены не ранее 80–90 годов XV века.

Представленная информация на наш взгляд может быть интересна для изучения истории народов, проживавших на этих территориях и, в первую очередь, татар, чьих современных потомков сейчас принято называть мишарями, а также процессов включения бывших ордынских территорий в состав Московского государства в период XV–XVI веков.

Ключевые слова: Темников, Тениш Кугушев, темники, «князи мордовские», служилые татары, Кадом, Саконь, Андреев городок, «места татарские и мордовские»

Для цитирования: Акчурина М.М., Ишеев М.Р. Темников – город темника. К истории городов «мордовских украин» в XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 629–658. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.629-658

**TEMNIKOV: THE TOWN OF A TÜMEN COMMANDER.
THE HISTORY OF TOWNS OF THE “MORDOVIAN PERIPHERIES”
IN THE 15TH–16TH CENTURIES**

M.M. Akchurin¹, M.R. Isheev²

¹ *Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences*

² *Center of the historical and genealogical researches «TatarGen.Ru»*

Kazan, Russian Federation

¹ *bigevo@yandex.ru*

Objective: To identify possible circumstances behind the appearance of towns in the Western Mordovian lands, as well as their place and role in the 15th–16th centuries.

Research materials: Various written sources were used in this study, including primarily act materials, chronicle accounts, genealogical legends, as well as materials relating to archaeological research carried out at the Ityakov hillfort and Starokadom hillfort.

Results and novelty of the research: Analysis of the act materials of the 16th–17th centuries led us to the opinion that during the Moscow period, the towns of the Mordovian lands were the residences of Tatar vicegerents and, possibly, the focal points of the subordinated groups of the serving Tatar population. These towns (Temnikov, Kadoma, Sacony, Andreev townlet) were the local administrative centers for the surrounding Mordovian regions, which in the second half of the 16th century became a separate uyezds of the larger Meshchersky uyezd. Taken as a whole, the consulted written sources and archaeological materials suggest that since the 1430s there was some agreement between the Tatar princes of the former Mokhshi ulus and the princes of Moscow and Ryazan Grand Principalities. These agreements could provide the safe resettlement of the Tatar population from the surroundings of Narovchat to more secure northern areas of the Mordovian lands, adjacent to the boundaries of Moscow and the Ryazan Grand Principalities. This process led to the emergence of heavily fortified castle-towns there. However, the Mordovian region was finally annexed, no earlier than the 1480–90s.

In our opinion, the presented information may be interesting for the study of the history of the peoples living in these areas and, primarily, the Tatars, whose modern descendants are now called the Mishars. It is also useful for understanding the processes by which the former Horde's territories were incorporated into Muscovy during the 15th and 16th centuries.

Keywords: Temnikov, Tenish Kugushev, tümen's commanders, “Mordovian princes”, serving Tatars, Kadom, Sakony, Andreev townlet, “Tatar and Mordovian places”

For citation: Akchurin M.M., Isheev M.R. Temnikov: The Town of a Tümen Commander. The History of Towns of the “Mordovian Peripheries” in the 15th–16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 629–658. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.629-658

С определенной степенью уверенности можно считать, что в западной части мордовских земель наиболее ранними известными нам по письменным источникам городскими центрами являлись построенные в 30-е годы XVI века крепости Кадом¹ и Темников [53, с. 25]. Они дали названия территориальным корпорациям служилых татар: «темниковские князья, мурзы и татары», «кадомские князья, мурзы и татары». Темниковская крепость уже с

¹ Считается, что современный город Кадом был построен в период с 17 декабря 1535 г. по 27 марта 1536 г. [70].

момента возникновения была прикрыта засечной линией, что следует из текста грамоты 1539 г. Барышу мурзе Мансыреву сыну. Для купленных им лесных угодий, располагавшихся «по Мокше по реке от Городецкой стороны», сделано уточнение: «и тот лес к засике не пришел, и не будет которых порухи засеком» [2, с. 222–223]. Являясь ключевыми элементами нового оборонительного рубежа Московского государства, данные города стали административными центрами и для локальных групп мокши и эрзи. По крайней мере, в 1538/39 г. в грамоте Ивана IV подведомственная мордва князя Янглыча Бедишева названа «кадомской» [27, с. 14–15]. В тоже время летописи уточняют, что Темников был перенесен «на иное место», значит город существовал и ранее; возможно, ранее существовали и другие города, только письменные источники об этом практически ничего не рассказывают. Данная проблематика на наш взгляд имеет прямое отношение к изучению процессов включения бывших ордынских территорий в состав Московского государства в период XV–XVI веков.

Главная цель данного исследования – выяснить возможные обстоятельства возникновения городов и проследить их роль в истории данных областей.

Для предстоящих рассуждений нам потребуется выделить два периода: московский и домосковский (постордынский). Отдельные письменные свидетельства московского периода, как правило, это русские источники XVI–XVII веков, которые позволяют выявить специфические особенности функционирования городов при новой власти. Для домосковского периода единственным источником пока остаются находки, сделанные советскими археологами. Обобщая всю информацию, мы по мере возможностей реконструируем историческую картину XV – первой половины XVI веков, в том числе этап перехода западной части мордовских земель под юрисдикцию великих московских князей. Определение датировки этого этапа является самостоятельной задачей, с которой нам придется столкнуться, но необходимой для понимания задач исследования.

Области, в которых были возведены Кадом и Темников, в московский период стали частью Мещерского уезда. Впоследствии вокруг них образовались новые уезды. Но изначально это были золотоордынские территории. Возможно, что именно эти области входили в «татарские и мордовские места», постоянно упоминаемые в московско-рязанских договорах², начиная еще с 80-х годов XIV века [28, с. 29, 44, 54, 254, 285]. К этим же территориям мы добавляем бассейн реки Теши³. В источниках начала XVI века встречаются

² А.В. Дедук подробно рассмотрел вопрос локализации «татарских и мордовских мест» и привел доводы, что под ними подразумевались территории бассейна рек Цны и Мокши [25].

³ Земли в междуречье рек Оки и Теши не входили в состав Мещерского уезда и, скорее всего, до середины XVI века контролировались Муромской администрацией. В духовной грамоте Ивана III 1504 г. Муром завещается «с мордвами, и с черемисою, что к Мурому потягло» [28, с. 356]. Названные мордва и черемисы могли проживать не на исконных территориях Муромского уезда, а на примыкающих к восточной границе землях, расположенных на правом берегу реки Оки, поскольку в более ранних духовных грамотах Василия II (1462 г.) и Василия I (1423 г.) Муром завещался ещё без мордвы и черемис [28, с. 61, 194]. Примечательно, что в отписной грамоте 1558 г. дворецкого М.И. Волконского для сотников кирдяновской мордвы (эрзи), указано, что она послана «в Арзан»

такие названия, как «Мордовские места», «Мордовские у крайны», «Мещерские у крайны» или просто «Мордва» [60, с. 197, 223, 231, 292]. Именно здесь мы обнаруживаем наиболее ранние письменные упоминания о татарах⁴, чьих современных потомков сейчас принято называть татарами-мишарями.

Таким образом, в первой половине XVI века часть западных мордовских областей состояла в Мещерском уезде, а другая «тянула» к Мурому [28, с. 356]. В рамках нашего исследования не будут рассматриваться города остальной части Мещерского уезда, такие как Мещерский городок (Касимов), пожалованный царевичу Касиму Василием II непосредственно в московских владениях, или Елатьма – скорее всего, они к мордовским землям не относились⁵. И наше исследование не будет касаться восточных мордовских земель – территорий будущего Алатырского уезда и восточной части Арзамасского уезда. Эти территории были тесно связаны с Казанским ханством и, видимо, окончательно вошли в состав Московского государства уже в середине XVI века [5].

Город Темников – город темника

Особенное отличие Темникова от других городов Московского государства заключалось в преобладании среди его жителей служилого татарского населения [48]. Татары жили в Ширлейской и Ахмыловской слободах, в посаде города находились мечети⁶. Хотя, назвать его полностью татарским городом было бы не совсем корректно, поскольку он был основан по указу великой княгини Елены Глинской⁷, и, соответственно, его жители являлись подданными московских правителей. В городе присутствовали представители центральной власти (в 1546 г. отмечен подьячий Григорий Щетинин [18]). Полный же состав жителей города к концу XVI века выглядел так: *«князи, и*

[Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГАРМ). Ф.1. Оп.1. Д. 14. Л. 94–94 об.], из чего следует, что данная область до возникновения во 2-й половине XVI века Арзамасского уезда называлась Арзян.

⁴ Среди разных групп татар в данном регионе служилые татары составляли большинство, наряду с которыми в XVI–XVII века отмечаются немногочисленные посопные татары, которых ещё называли буртасами [3].

⁵ Города Касимов и Елатьма располагались на левом берегу реки Оки, а мордовские земли начинались на правом берегу. Этот вывод подтверждают слова из записей допроса Степана Щукина, который сообщал, что в 1523/24 г.: «были они на службе на Толстяке со князем с Васильем с Шихою, и князь Василей послал их в Мордву» [31, с. 147–150]. Как видим, Толстиково, расположенное уже на правом берегу Оки, ещё не считалось мордовскими территориями.

⁶ Увар Лодыгин, сын темниковского воеводы Гаврилы Лодыгина, в своей челобитной на имя царя Алексея Михайловича писал: «Отец мой, будучи у твоего, государева, дела, мурзам и татарам, и посадским людям ни в чем не потакал, по указу деда твоего, государева, блаженные памяти великого государя святейшего Филарета Никитича, патриарха Московского и всея Руси (с 1619 по 1633 гг. – прим. авторов), их татарские мечети и торг татарский, где они лошади резали на посаде блиско церквей божиих, за посад велел перенести» [73, с. 560].

⁷ «Тоя же весны марта 29 дня повелением благоверного великого самодержца Ивана Васильевича всеа Русии и благочестивые и велемудрые великие государыни Елены, в третее лето государства его, преставлен город Темников на иное место, на реке Мокше же того ради, что был старой город мал и некрепок, и великая княгиня велела его прибавити и срубити новый город, а доделан того же лета, августа 2» [53, с. 25].

мурзы, и татарове, и казаки, которые живут на посаде, и стрельцы и пушкар-и и затинщики и воротники и посацкие люди»⁸.

О прежнем городе нам достоверно известно только, что он был «мал и некрепок» [53, с. 25]. Бывшее городское место стало называться «Старым городищем», а возникшее там село – Старым городом (Старым городищем) [48, с. 21, 60, 147]. Существует несколько мнений относительно времени основания Старого Темникова.

По версии И.Д. Воронина [16, с. 105], это была русская пограничная крепость, построенная после 1504 г. для защиты восточной границы Московского государства. Аргументом в пользу этой версии стало полное отсутствие каких-либо документальных сведений о раннем существовании города, например, отсутствие Старого Темникова в списках города из духовного завещания 1504 г. Ивана III [28, с. 356].

Другие исследователи (М.Г. Сафаргалиев, П.Н. Черменский) считают, что город появился ещё в период существования Золотой Орды, как второй после Мохши (Наровчат) улусный центр в мордовских землях [58, с. 95, 219; 69]. Основанием для авторов этой версии явилась сама этимология названия города Темникова, связанная с тем, что во времена Золотой Орды здесь якобы могла располагаться ставка ордынского темника.

Свою версию ранней истории Темникова предложили В.В. Первушкин и С.Л. Шишлов. Они предположили, что на рубеже XIV и XV веков Темников стал столицей нового независимого государственного образования – Темниковского княжества, включавшего в себя огромные территории Окско-Ценско-Сурского междуречья. Одним из доводов существования Темникова в 1-й половине XV века стала запись в выписях из писцовых темниковских книг «вотчинным бортным ухожьем» Степана Хрущова 1621–1622 гг. о покупке в 1442/43 г. предками мурзы Тляша Кутыева вотчин у татар, названных «темниковскими» [44]. Но изучая выпись, мы выяснили, что текст купчей там не приводится. Присутствовало ли в оригинале купчей характерное для XVI–XVII веков выражение «темниковские татары» по отношению к продавцам – доподлинно неизвестно. Фрагмент выписи на владения мурзы Тляша Кутыева выглядит так: «Да за ним же вотчина по купчей, что купил пращур их Айсогозин сын Хозякулыя-тархана у темниковских татар у Касима да Кутура Акбердеевых лета 6951 (1442/43 – прим. авторов) года бортной ухожей за рекою за Сурою усть речки Инзы и с лугом и с липягом и с дубровою» [7]. Но в этой выписи упомянуты описания ещё более десятка аналогичных купленных вотчин за продолжительный период с конца XV до начала XVII веков, и во многих ссылках на купчие продавцы аналогично были названы «темниковскими татарами» или «темниковской мордвой» [7]. Есть вероятность, что эти слова могли стать поздним добавлением, сделанным составителями писцовых книг, например, с целью отметить географическую область места проживания продавцов. Не исключено, что город Темников в 1442/43 г. мог существовать, но данное выше замечание пока не дает нам право рассматривать эту версию как достаточно убедительную.

⁸ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 3771. Л. 35–36. Авторы статьи выражают особую благодарность Виталию Ненюкову за предоставление данного документа.

Начнем наши рассуждения о прошлом Темникова с того, что *Старый Темников действительно назывался Темниковым* как и Новый, поскольку в отдельных документах XVI–XVII веков в указаниях на старое городище писалось «старый город Темников»⁹.

Мы также соглашаемся, что название города образовано от русского слова «темник» – начальник тумена. Обратим внимание, что использование русских суффиксов притяжательности -ов(о), -ев(о), -ин(о) в топонимах данного изначально нерусского региона является характерным явлением. Его специфичность заключается в том, что названия татарских поселений с такими суффиксами, как правило, являются антропонимами, связанными с личными именами их владельцев или основателей. Так, название «деревни Тювеевой» образовано от имени Тювея Асбердинова [57], «деревня Айкеева» – от имени Айкея Ураева [17, с. 223–226; 6], «деревня Сухова» – от имени Сухая Кугушева [13] и т.д. Кроме этого, иногда встречаются названия, в основе которых лежат не имена основателей, а только их титулы в русском переводе. Например, село Княжево¹⁰, предположительно основанное татарским князем Мансырем Мердеулатовым [2, с. 191–192]. Оно утратило прежнее название Мансырево, сохранив в названии лишь титул основателя.

В источниках мы можем найти достаточное количество других примеров для XVI–XVII веков, когда в названиях городов имена татарских правителей заменялись русским наименованием их должностей или титулов, так «Касимов городок» часто называли «Царевичевым городком»; «Карачин городок» [38, с. 226–227] связан с человеком, занимавшим должность карачи-бека у сибирского хана Кучума [47, с. 484]; в Томском уезде – «Мурзин городок» [39, с. 368–370, 363–365], которым владели чацкие мурзы Кызлан и Бурлак [39, с. 368–370]. Есть вероятность, что в нашем случае «Темников город» – это город темника, т.е. основателем или владельцем города был некий темник. По-татарски название Темникова звучало как «Тәмән каласы» [63, л. 30об.].

Однако, на сегодняшний день не обнаружено никаких других значимых подтверждений тому, что Темников являлся еще одним улусным центром в золотоордынский период в XIV – начале XV веках. По сравнению с более южными районами вблизи Наровчата – столицы улуса Мохши, в окрестностях Темникова и вообще в северо-западных мордовских областях находок монет XIV–XV веков зафиксировано крайне мало [64, с. 143–144, 148, 151]. Подчеркнем, что в изученных соседних городищах, таких как Старокадомское и Итяковское, для золотоордынского периода зафиксировано значительное преобладание лепной керамики местного производства и полное отсутствие гончарной ремесленной керамики или какой-либо иной привозной [71; 65]. Что по словам Г.А. Федорова-Давыдова и А.В. Циркина могло свидетельствовать о замкнутом натуральном хозяйстве и отсутствии активных торговых контактов в таких поселениях. Этим они значительно отличаются от ближайшего золотоордынского города – Наровчата [65]. Данное наблюдение также не позволяет нам предполагать наличие в этих районах торгово-ремесленного полиса, хоть как-то соответствующего статусу

⁹ ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д. 3771. Л. 35; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1167. Оп.1. Д. 916. Л. 1.

¹⁰ Ныне Вознесенский район Нижегородской области.

резиденции такого крупного должностного лица как темник. Кстати, по причине отсутствия информации о крупных находках золотоордынских монет искать улусный центр в районах Темникова (городища возле с. Старый город) и Кадома в начале прошлого века отказался археолог А.А. Кротков, впоследствии открывший золотоордынский город Мохши [37, с. 8]. В таком случае возникает вопрос, если не с золотоордынскими, то с какими темниками связано название города?

Ниже дадим свою версию ответа на этот вопрос.

Но для начала подробнее остановимся на том, что нам известно о специфике местных структур власти [10]. В XVI веке территории будущих Кадомского, Темниковского, Шацкого, Арзамасского уездов были разделены на множество мордовских административных единиц, по своему статусу сопоставимых с волостями. В соответствии с жалованными грамотами от московских великих князей, каждой группой мордовского населения (и мокши и эрзи) таких «волостей», называемых беляками [8], управляли свои династии татарских князей. В источниках они могли обозначаться как «князи мордовские» [28, с. 356]. Однако есть один существенный момент. В качестве объекта власти в текстах этих грамот татарское население никогда не фигурирует. Тем не менее властные полномочия по управлению татарской частью населения Темникова были сосредоточены в руках одного из таких татарских княжеских родов. Ключевым документом, раскрывающим этот факт, является известная грамота 1539 г., в которой Иван IV пожаловал князя Еникея правом «судить и ведати» всех проживавших в Темникове служилых татар. Это право он унаследовал «по старине» от своего отца князя Тениша Кугушева [2, с. 156]. Отличительное положение представителей данного княжеского рода в Темниковском уезде также отмечал А.В. Беляков и Г.А. Енгальчева [15]. Потомки Тениша получали определенные доходы с города, включая таможенные сборы, а во время походов становились военачальниками над всеми темниковскими татарами. Кроме этого, А.В. Беляков заметил, что грамоты посольских книг, направленные из Москвы в Темников, писались только на имя князя Еникея, а не присутствующих в Темникове русских воевод-приставов [15]. Все это свидетельствует, что положение князя Тениша Кугушева и его наследников по степени наделенных властных полномочий¹¹ в отношении татарского населения фактически соответствовало статусу уездных наместников или воевод. В отличие от сменяемых русских наместников в нашем случае власть передавалась по наследству пожизненно. Данные наблюдения дают нам право называть Тениша и его наследников татарскими наместниками. В таком случае получаемые ими доходы с города можно рассматривать как аналог наместнического корма. Хотя в источниках мы не встретим того, чтобы они обозначались «воеводами» или «наместниками». Несмотря на отсутствие информации о каких-то иных грамотах, нам представляется, что князь Тениш Кугушев и его сын Еникей относились к категории «мордовских князей», и у них была своя подведомственная группа морд-

¹¹ Наличие в грамоте 1539 г. выражения «судить и ведати» свидетельствует об обладании административными и судебными функциями. Об обладании военными функциями говорит участие князя Еникея Тенишева в военных походах в качестве военачальника темниковских татар [51, с. 199; 29, с. 126] или, например, руководство его сына кн. Кулунчака организацией станичной и сторожевой службы в Темниковском уезде [1, с. 19–20].

вы, выплачивающая им княжеский ясак [10]. Таким образом, выходит, что представители данного рода являясь «мордовскими князьями», вследствие определенных оснований наделялись особыми функциями по управлению всей корпорацией темниковских служилых татар. Другими словами, род князя Тениша был старшим среди остальных темниковских княжеских родов.

Такое положение Тениша нельзя назвать исключительным явлением – скорее, мы можем усмотреть в нем определенную ордынскую традицию назначения татарских наместников. Д.М. Исхаков подробно проанализировал разделение на старших и младших эмиров (князей) в описании Ибн Баттутой праздничной церемонии с участием Узбек-хана [33]. Ему удалось показать, что старшие эмиры были крупными военачальниками – «начальники томанов», т.е. темники, под началом которых находились по 10 000 всадников. И что важно, некоторые темники, являлись правителями таких городов как Крым, Азов, Хорасан. Но насколько эта традиция и сам термин «темник» были применимы в более поздние периоды, в XV–XVI веках?

Пожалуй, наиболее показательным примером для нас является глава ширинского эя князь Тегине, назначенный в 1424 г. правителем Солхата (Кырым) при хане Улуг-Мухаммаде [74, р. 56]. Как мы знаем, Солхат – это административный центр крупного Крымского тумена, охватывавшего восточную половину Крымского полуострова и часть земель Северного Приазовья, и даже поволжский Укек принадлежал этому тумену [23]. Правители Солхата назывались темниками [22]. Что важно, эта должность закрепилась за потомками Тегине. Крымский историк XVIII века Абдулгaffар Кырыми отмечал, все ширинские беи получали должность «тумен бей» [40]. К этому добавим, что в крымских посольских книгах выражение «темник великий карач» встречается в 30-е годы XVI века¹².

Таким образом, в Золотой Орде, а позднее в отдельных постордынских государствах, отмечается практика назначения наиболее авторитетных родовых беков на должности наместников административных областей – туменов.

Эти аналогии свидетельствуют, что положение правителей Темникова при московской власти было сходно с татарскими темниками, правда в меньших масштабах. Поэтому мы сделаем предположение, что *название города Темникова связано с применением термина «темник» в отношении самого Тениша Кугушева или его ближайших предков.*

Акцентируем наше внимание еще на одной записи в грамоте 1539 г. – там сказано, что князь Еникей, как и его отец, получал власть над татарами, «которые живут в Темникове». Это уточнение и анализ расселения служилых татар по территории будущего Темниковского уезда в течение XVI века [9] дают основания предполагать, что в 1539 г. *место жительства всех темниковских служилых татар было сконцентрировано в городе.* Где жили татары в более ранние периоды, к сожалению, нам неизвестно. А вот многочисленные татарские поселения «на напольной стороне» реки Мокши [67] стали возникать уже после раздачи пашенных угодий в качестве жалований за службу. Согласно дозорной книге города Темникова и Темниковского уезда Ивана Усова 1613/14 г., в самом городе кроме потомков князя Еникея Тени-

¹² РГАДА. Ф.123. Оп.1. Д.8. – Л.53об. Авторы статьи выражают признательность д.и.н. Илье Владимировичу Зайцеву за предоставление данного сообщения.

шева проживали и другие татарские князья [48]. Этот факт означает, что все темниковские князья и их родственники проживали вместе с остальными татарами, а не в пределах своих мордовских «княжений».

Так или иначе, мы можем зафиксировать, что в организации внутреннего управления локальных корпораций служилых татар московская власть сохранила определенные ордынские традиции, где ключевые функции возлагались на местную татарскую знать.

Старый Темников

Видимо, в прежнем городе Темникове еще до его переноса не только Тениш Кугушев, но и его отец, также мог выполнять наместнические функции. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в челобитной Еникея Тенишева 1572 г. в качестве прежних владельцев темниковского кабака указаны не только сам Тениш, но и его отец [2, с. 157]. Владеть городским кабаком отец Тениша Кугушева мог не позднее 1528 г., когда впервые в источниках упоминается Тениш уже с княжеским титулом [2, с. 155]. Значит *кабак существовал в Старом городе Темникове еще до 1528 г.* Более того, для окрестных земель Старый Темников также являлся административным центром, поскольку, как было отмечено В.В. Первушкиным и С.Л. Шишловым, в летописи при описании отступления русских войск после неудачной осады Казани в 1530 г., т.е. до постройки Нового Темникова, встречается такое выражение: «А Волгу перевезлися июля в 31 день. А от Волги пошли на украинные муромские и на *темниковские* на усение пречистые» [72, с. 122; 44; 54, с. 16]. Таким образом отмечаем *наличие административной преемственности между Старым и Новым Темниковым.*

Старый город Темников был покинут жителями задолго до начала строительства новой крепости 29 марта 1536 г. Поскольку ранее, 17 декабря 1535 г., когда было решено строить другой город на Мокше – Кадом, в летописи отмечалось: «что в тех местех несть градов близу; а значит, Старого Темникова как действующего города в декабре 1535 г. уже не существовало [70]. Такой вывод косвенно подтверждают дипломатические сообщения. В привезенных грамотах из Ногайской Орды (посольство прибыло 27 июля 1534 г.) записана просьба Ураз-Бердия об освобождении его сына Исень-Бердия, который удерживался в Мещере во дворе князя Мунмышы [45, с. 93]. Повторная просьба поступила уже от Исмаила мурзы с посольством, прибывшим 25 сентября 1537 г., там появляется одно уточнение: «А ныне деи тот наш человек у Тиниша в селе, а зовут его Исень Бердеем, а живет деи ныне у Мунмышы в дворе» [45, с. 202]. Поскольку речь идет о Мещере, то мы можем предположить, что Тиниш, упомянутый не простым человеком, а владельцем села, являлся князем Тенишем Кугушевым. Тогда получается, что Тениш Кугушев в эти годы, по крайней мере, в 1534 г., отмечен в некоем селе, а не в городе, причем в его селе также располагался двор другого князя по имени Мунмыш.

Интересны обстоятельства пленения Исень-Бердея. Осенью 1533 г. якобы для торговли в Мещере появились ногайцы князя Сары (посол правителя Ногайской Орды князя Шейдяка) и мангытский князь Баки (Баки б. Асан б. Тимур). Однако, зайдя в «Мещерские места», они внезапно взяли в осаду один город: «и под Городом стояли, посады жгли и села воевали, и людей до смерти били, и иных головами с собою посвели, и животы их пограбили» [43;

45, с. 101]. Название города в сообщениях не было указано. Но отметим, что вряд ли это Касимов¹³, поскольку в речах дьяка Федора Карпова и посла князя Кудояра (карачи правителя Ногайской Орды князя Шейдяка [45, с. 93]), а также в других посольских посланиях в отношении Касимова, как правило, использовалось слово «Городок». Однако при обсуждении данного инцидента употреблялось исключительно слово «Город». Город, видимо, захватить не удалось, но посады были сожжены, т.е. горожан лишили жилищ. В оправдание самого Исень-Бердея было сказано: «не воевати ходил, торговати с Сарыем» [45, с. 93]. Возможно, *этим осажденным в 1533 г. городом мог быть или Старый Темников или Старый Кадом*. Присутствие в сообщениях имени Тиниш, созвучного с именем князя Тениша Кугушева, делает версию об осаде Старого Темникова более вероятной.

М.В. Моисеев подчеркнул, что в ответных действиях против ногайцев участвовали не только люди великого князя, но и «азстороканцы были и казанцы, и городетской казак был тут же, да, лихо учинив, ко государю нашему не едет» [42; 45, с. 101]. В наказе послу Данилу Иванову состав участников ответного нападения на ногайцев был более широким: «...грабили крымцы, азтороканцы, азовцы и казанцы. А государя нашего хоти будет, и были тут человека два или три или колко нибуди городетцких, ино лихих где нет, а тот, пограбив, ко государю нашему не едет, и что взял, того го ко государю нашему не везет» [45, с. 112]. Рискнем предположить, что перечисленные *астраханцы, казанцы, а также крымцы и азовцы находились на территории Мещеры*. Иначе каким образом столь разнообразная по составу группа смогла так быстро скоординироваться с городецким казаком, чтобы успеть настигнуть уходящих ногайцев посла Сары? Несмотря на то, что причастность московского великого князя к этой атаке Данил Иванов отрицал, вполне возможно, это были татары, совсем недавно испомещенные там же в Мещере и пополнившие собою впоследствии корпорации служилых татар¹⁴. К слову сказать, имя князя Мунмышы, во дворе которого находился плененный ногаец, созвучно с именем казанского князя Мамыша, упоминаемого среди имен бывших получателей ясака с «ихретинской» мордвы Кучукова беляка в грамоте 1554 г., выданной сыновьям князя Тениша [2, с. 156–157].

«Старой де город Темников стоял на их вотчине...»

Сохранилось ещё одно важное сообщение, касающееся истории Темникова. Из грамоты царя Бориса Годунова 1600 г. мы узнаем, что и Старый Темников, и Новый Темников располагались в вотчинных владениях предков мурз Булая Кудашева и Янтуды Акшина: «есть за ними наше жалованье бортной ухжей, да и *Старой де город Темников* стоял на их вотчине, а *нынешней де Новой город Темников* поставлен на их же вотчинной земле»¹⁵.

В грамоте приводится содержание поданной челобитной, где мурзы указали, что в писцовых книгах Мещенина Морозова и Василия Симонова

¹³ М.В. Моисеев высказал предположение, что осажденным городом мог быть Касимов [41].

¹⁴ В преданиях жителей с. Бастаново говорится о том, что их предки вышли из Астрахани [62, б. 197–199].

¹⁵ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3771. Л. 35.

(1562–1565 гг.¹⁶) «те вотчины написаны искони вечно отцов их и дедов и прадедов»¹⁷. Интересно что, мурзы Булай Кудашев и Янтуда Акшин действительно принадлежат к одному княжескому роду, представители которого владели «княжением» над коняльской мордвой. Их общим предком в родословных, собранных монахами Саровского монастыря, показан некий князь Мурат, правнук легендарного князя Бехана. Мурат в свою очередь показан дедом князя Акчуры Адашева, пожалованного княжением над коняльской мордвой в 1509 г. [6], следовательно, сам Мурат жил ещё во второй половине XV века. Род потомков князя Мурата, к которому также относятся Седехметевы, Акчурины, Дашкины, Кашаевы, не является родственным к роду Тениша Кугушева [56], а значит у Тениша не было общих с ними наследных прав на эти вотчины. Таким образом, перед нами открывается еще одно обстоятельство: *как Старый, так и Новый город Темников располагались в чужих для его правителей вотчинах.*

Эти вотчинные владения для Булая Кудашева и Янтуды Акшина действительно являлись их исконными родовыми, поскольку назывались «коняльскими» так же, как называлось «княжение» их предков. Это следует из текста купчей 1683 г. Чепая мурзы Кутыева. Он продал свою часть вотчин, названную «коняльским жеребьем», а в описании их границ указываются те же географические ориентиры: «... и вниз от тово ж *от Темникова города* по Мокше реке по обе стороны да *Старого города да Темникова* и на Инерки и на Казерки, да от *Старого города* вниз по Мокше реке и по Ужове...»¹⁸. А среди других владельцев этих вотчин, названных «мурзами-коняльцами», в купчей упоминается сын Булая Кудашева – мурза Досай¹⁹.

Данную наследную вотчину царь Борис Годунов называл в грамоте «нашим жалованием», хотя владели ей еще прадеды челобитчиков. Видимо, он сделал подтверждение пожалования, выданного еще предшествующими великими московскими князьями кому-то из предков Булая Кудашева и Янтуды Акшина.

Подчеркнем, что вотчины представляли из себя не сплошные земельные владения, а, как правило, бортные деревья или другие лесные угодья, предназначенные для различных видов промысла, но при этом их границы четко фиксировались по всему периметру владений [7].

Собственно, сам факт постройки Нового города Темникова в частных владениях не вызывает удивления – это был указ из Москвы. Видимо, вотчинные права владельцев при этом не нарушились или каким-то образом компенсировались. Хотя безусловно владельцы стали испытывать большие неудобства от горожан, которые «тое их вотчину пустошат лес секут и борти портят и пчелы дерут и дубья деланое и сосны со пчелами и меченое деревье ... и от того де их насилиства и от обид и от волокит и от недружбы вотчина их стала пуста, а их де люди и крестьяня вконец погибли...»²⁰. Но, если допустить, что Старый Темников существовал еще в домосковское время, то его нахождение в этих

¹⁶ Известно, что Мещенин Морозов «с товарищи» составлял писцовые книги в Мещерском уезде в 1562–1565 гг. [2, с. 22–23, 32, 189, 389].

¹⁷ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3771. Л. 35.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 916. Л. 1.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 916. Л. 2.

²⁰ ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3771. Л. 35–35 об.

вотчинах представляется не совсем объяснимым. Гораздо логичнее выглядело бы нахождение города непосредственно в родовых вотчинных владениях Тениша Кугушева как наследного правителя этого города.

С учетом указанных в приведенной грамоте свидетельств напрашиваются следующие три версии относительно прошлого Старого Темникова:

1) Либо Старый Темников так же, как затем и Новый Темников, уже как новая пограничная крепость Московского государства был построен в чужих вотчинах по указу великих московских князей. Но тогда это должно было произойти после того как мордовские области перешли под контроль Московского государства, вероятно, не ранее конца XV века или начала XVI века. Соответственно, после постройки города кто-то из предков Тениша Кугушева (отец или дед) мог быть назначен там наместником.

2) Либо предки Булая Кудашева и Янтуды Акшина когда-то сами выкупили вотчины вокруг уже существовавшего Старого Темникова, в котором издавна правили предки Тениша Кугушева. Но нам представляется это менее вероятным, поскольку данные вотчины считались их старинными родовыми владениями, называемыми «коняльскими».

3) Либо род Тениша Кугушева изначально не был правящим в этом городе, а появился вследствие замены старой «династии» правителей уже по воле московского великого князя. Однако в этой версии появляется нестыковка с другим сообщением, что делает ее также менее вероятной. Предания начала XVIII века место проживания предков Булая Кудашева и Янтуды Акшина связывают не с Темниковым, а с другим поселением – с уже несуществующей деревней, «нарицаемой Кавтотижан... по-татарски Икемен Азбар – 2000 дворов..., где ныне Митрялы была деревня...» [6]; из чего следует, что их предки не могли быть прежними владельцами Старого Темникова.

Мы больше склоняемся к первой версии, судя по которой *Старый Темников был поставлен или перенесен(?) по указу великих князей уже в московский период*. И утверждение наместнических полномочий представителям рода Тениша Кугушева над жителями города было также обусловлено волей верховной власти Московского государства. Это объясняет образование названия города от русифицированного термина «темник», а не в качестве татарского топонима «Тюмень».

К сожалению, никаких других более-менее значимых свидетельств по начальной истории Темникова у нас нет. Резюмируя, отметим наиболее значимые моменты, касающиеся прошлого городов Старого и Нового Темникова:

– Наличие преемственности между Старым и Новым Темниковым как административного центра на территории будущего Темниковского уезда в московский период.

– Скорее всего, все служилые татары будущего Темниковского уезда на момент выдачи в 1539 г. грамоты князю Еникею Тенишеву проживали в городе Темникове. Среди жителей Темникова в сообщениях конца XVI – начала XVII веков указываются другие татарские князья. Отметим, что они живут обособленно от своих мордовских «княжений».

– Наместниками для татарского населения города были представители рода князя Тениша Кугушева, которых могли называть в соответствии с ордынской традицией «темниками».

– Старый Темников и Новый Темников, располагались не в родовых для Тениша Кугушева вотчинных владениях.

В настоящее время значительная часть городища Старого Темникова размыта рекой Мокшей [16, с. 91], о наличии археологических находок, хоть как-то проливающих свет на прошлое города, нам неизвестно. Однако это не означает, что в данных областях городских центров в ранние периоды не могло быть. Установлено, что вблизи Нового Темникова (более 3 км восточнее) существовало другое хорошо укрепленное поселение, расположенное рядом с современной деревней Итяково и дожившее до московского периода.

Итяковское городище

Старое название города, существовавшего на месте Итяковского городища, нам неизвестно, а название ближайшего населенного пункта Итяково к городищу не имеет отношения. Оно связано с именем его основателя Итяка Барашева, внука князя Акчуры Адашева [6]. Деревня Итяково затем перешла во владение к его брату князю Ишею: «За князем Ишеем Борашевым по государеве, цареве и великого князя Федора Ивановича всяя Руси, грамоте 98-го (1589/90 г. – прим. авторов) году деревня Отяково Старое Городище» [48, с. 58].

На сегодняшний день нам известна следующая информация об Итяковском городище. Оно было дважды обследовано археологами: в 1951 г. под руководством П.Д. Степанова [61] и в 1965 г. под руководством Г.А. Федорова-Давыдова и А.В. Циркина [65]. В дальнейшем на основе собранного материала специалистами были сделаны отдельные публикации по анализу фауны городища [20] и анализу керамики [24]. На Итяковском городище было установлено три периода жизни [65]:

I период – древнейшее городище со рвом и валом – городецкая культура (I тыс. до н.э.);

II период – открытое поселение с засыпанным древним рвом и скрытым валом – золотоордынский период (XIII–XIV вв.);

III период – более крупное городище с новым валом и рвом (XV–XVI вв.).

Нас больше интересуют II и III периоды. Обратим внимание, что в поздний золотоордынский период в конце XIV века город перестал существовать и был отстроен заново уже в XV–XVI веках с мощной фортификационной системой. Более точную дату постройки определить не удастся. Несмотря на то, что была обнаружена монета можайского князя Ивана Андреевича (1432–1462 гг.), В.В. Гришаков на основе анализа керамики высказался, что III период начался только в XVI веке [24]. Однако остальные специалисты с ним не согласились и поддержали первоначальную версию датировки верхнего слоя городища (XV–XVI века)²¹. По крайней мере, по верхней дате существования города все специалисты сходятся, что она определяется началом XVI века, т.е. временем, когда эти мордовские области уже считались частью Московского государства.

²¹ Редколлегия сборника «Древние поселения Примокшанья» (М.Ф. Жиганов, И.М. Петербургский, В.Н. Шитов) отметила, что придерживается датировки верхнего слоя городища, предложенной Г.А. Федоровым-Давыдовым и А.В. Циркиным – XV–XVI вв. [24, с. 132].

Анализ археологического материала не позволил сделать Г.А. Федорову-Давыдову и А.В. Циркину точный вывод об этнической принадлежности населения города, они склонялись к версии о мордовском населении. Тем не менее специалисты, продолжившие изучение костного материала животных, пришли к заключению, что население было мусульманским [20], о чем косвенно свидетельствует преобладание лошадей, в первую очередь степного типа, и крупного рогатого скота, а также отсутствие свиных костей в слоях XIV–XVI веков. Возможно, во II период (золотоордынский) город являлся неким волостным центром ханской администрации, но никак не резиденцией темника. Относительно небольшие размеры крепости, возведенной в III периоде [65] (постордынском), и находка бляхи с надписью: «Султан Токтамыш», подтолкнули П.Д. Степанова к версии, что город был перестроен как укрепленный замок татарского мурзы [61]. К сожалению, из сообщения П.Д. Степанова нельзя понять, бляха была обнаружена в слое II или III периода.

Археологи отмечают, что для последнего периода характерно заметное увеличение влияния русской материальной культуры, широкое применение гончарной посуды, аналогичной московской.

Отсутствие точной датировки начала постройки новой крепости в XV веке не дает возможности определить, возникла ли она до установления московской власти или уже после. И также у нас нет уверенности о возможном существовании этой крепости одновременно со Старым Темниковым. Необходимость наличия двух крепостей, расстояние между которыми составляло всего 10 км, на наш взгляд не выглядит логичным. И это дает нам право предположить, что *Старый Темников возник вследствие переноса города с Итяковского городища* на противоположный берег Мокши, причем уже в московский период. Соответственно, между крепостью на месте Итяковского городища и Старым Темниковым могла существовать такая же преемственность, как затем между Старым Темниковым и Новым Темниковым²². Версия о переносе крепости на место Старого Темникова позволяет объяснить, что и Старый Темников оказался в вотчинах, чужих для его правителей, по указу московского князя.

Кадам и Старый Кадам

Другим старинным городским центром в мордовских землях являлся Кадам, предположительно, перенесенный на новое место в 1535 г. [70] на несколько месяцев ранее переноса Темникова. Локальная группа кадомских татар выделялась в XVI веке среди остальных групп служилых темниковских, арзамасских и цненских татар своей многочисленностью. Так, в Записной книге Полоцкого похода 1563 г. для кадомских татар указано: «в левой руке кадомские князи и мирзы и казаки 825 ч.» [29, с. 127], тогда как для темниковских татар: «темниковские люди Еникей князь с товарищи и с их

²² Ю.А. Зеленева высказал предположение о том, что Старый Темников находился не на месте городища возле с. Старый Город, а на месте Итяковского городища [30]. Мы эту версию не поддерживаем, поскольку городище возле с. Старый Город в документах XVI–XVII вв. называлось «Старым городом Темниковым» [ГАПО. Ф. 196, Оп. 2. Д. 3771. Л. 35; РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 916. Л. 1].

людми 369 ч.» [29, с. 126]; а для цненских: «цненские князи, и мирзы, и казаки, и людей их, и мордва 232 ч.» [29, с. 128]. Возможно, город Кадом в XVI веке являлся даже более значимым и крупным центром, чем Темников. Английский посол Джильс Флетчер, бывший в России в 1588 г., отмечал Кадом одним из главных центров Российского государства по поставке меда и мехов [66, с. 23]. Косвенно о большей значимости Кадома свидетельствует и тот факт, что и на карте Антония Вида, изданной в 1555 г. и составленной при участии бежавшего в 1534 г. в Великое княжество Литовское окольного Ивана Ляцкого, Кадом показан единственным городом на реке Мокше [75]. На карте этот город подписан кириллическими буквами «Кадома» и латинскими «Kadoma», а ближайшими к нему городами изображены «Муром/Murom» и «Мещора/Mestzora», расположенные на Оке. Именно Кадом в качестве центра проживания служилых татар в Мещере упоминается в известном ответе Ивана IV султану Селиму в 1570 г.: «в Кадоме, в Мещере, многие приказные государевы люди мусульманского закона» [35, с. 82].

Информация о достаточно большой численности служилых кадомских татар позволяет нам предполагать, что какая-то часть из них могла проживать в посаде самого города. Хотя в середине XVI века существовали и другие татарские поселения на территории будущего Кадомского уезда, например, село Азеево²³.

К сожалению, нам ничего неизвестно о составе жителей Кадома в XVI веке. Документов, подтверждающих проживание служилых татар непосредственно в черте города, не обнаружено. Тем не менее мы можем предполагать, что в Кадоме находились татарские наместники с правами, аналогичными правам темниковского рода Тениша Кугушева. Царь Федор Иванович в 1589 г. направил грамоту «в Кадом» мурзе Капкуну Мамлееву с поручением рассудить спор о поместных жеребьях князя Енгильдея Енгальчева и его родственников и выслать в Москву отдельные и межевые книги «за своею печатью» [2, с. 23–24]. А в Росписи сторожам за 1577 г., отосланной «в Кадо-му», поручается организация сторожевой службы его возможному родственнику, князю Ивану Мамлееву, так же, как и темниковскому князю Кулунчаку Еникееву [1, с. 19–20]. Похоже, что положение татар Мамлеевых, как мы видим, исполнявших и судебные, и военные функции, соответствовало статусу наместников.

Что ещё интересно, кабак в Кадоме в середине XVII века назывался «Мансыревским» – в 1669/70 г. доход с Мансыревского кабака и таможенную пошлину получал «откупщик» москвитин Васька Васильев [36, с. 127]. Судя по названию кабака, можно предположить, что прежним его владельцем в Кадоме некогда был князь Мансыр Мердеулатов [2, с. 191–192] – предок кадомских князей Мансыревых, которым было пожаловано «княжение» над чепчерянской мордвой [2, с. 190]. В этом факте усматривается аналогия с вышеупомянутым темниковским кабаком, которым владели князь Еникей, его отец и дед. С именем князя Мансыря также связано название отдельной области в Кадомском уезде – Мансырев угол [51, с. 199] (или Мансырев стан²⁴). Нам известна грамота, согласно которой, сын князя Мансыря, Енай-

²³ В 1552 г. упоминается «Азеевский ям» [46, с. 102]. Само село Азеево впервые упоминается в 1556 г. [46, с. 217].

²⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1073.

дар, был пожалован «княжением» от великого князя Василия в 1525 г., после своего брата князя Бахтеяра [2, с. 190]; значит, к этому времени князь Мансыр уже точно не был живым. Если кадомский кабак действительно принадлежал князю Мансырю, то он существовал ещё до 1525 г., а значит, до постройки нового города Кадома в 1536 г. [70]. Следовательно, кабак существовал ещё в Старом городе Кадоме, находившемся на месте старокадомского городища. Это косвенно подтверждает преемственность между Старым Кадомом и новым городом Кадомом. В.Н. Шитов также привел свидетельство жителей Кадома 1656 г. об этой преемственности: «И против сказки кадомских посадских людей и пушкарей и затинщиков, как в *прошлых годах был на Старом Кадоме город*, и в то время был у них животинный выпуск и владели от реки от Мокши усть реки Еремши...» [71].

Археологические исследования Старокадомского городища выявили много общего с Итяковским городищем. Так же, как и в Итяковском городище, в Старокадомском городище было установлено три периода жизни [71]:

I период – древнейшее городище (вторая четверть I тыс. до н.э.);

II период – открытое поселение – золотоордынский период (XIV – первая половина XV вв.);

III период – более крупный город с оборонительным сооружением в виде частокола (XV – XVI вв.).

Оба города во II период, в соответствии с ордынской традицией, были лишены укреплений и имели схожие элементы материальной культуры. В частности, В.Н. Шитов обнаруженную лепную керамику Старокадомского городища в слоях золотоордынского периода отнес к керамике итяковского типа [71]. Для золотоордынского периода характерно минимальное влияние русской культуры, что может лишний раз свидетельствовать о нахождении городов в границах Золотой Орды. В конце XIV – начале XV веков города прекратили свое существование.

Так же, как и Итяковское городище, Старый Кадом был заново построен с новыми оборонительными укреплениями в период XV–XVI веков. Для этого периода влияние русской материальной культуры заметно возрастает, в первую очередь оно отражено в появлении гончарной белоглиняной керамики [71].

Саконы

Ещё одним городком, который мог иметь татарского правителя, являлись Саконы на левом берегу реки Теши (рядом с совр. пос. Саконы Ардатовского р-на Нижегородской области). Из написания имени Хозяша князь Чегодаева сына Саконского, которому в грамоте 1524 г. была пожалована деревня в Муромском уезде, мы предполагаем, что, скорее всего, его отец, князь Чегодай, обладал властными правами над этим городом [34]. Дополнение к имени «Саконский» в те времена могло означать, что его обладатель был правителем города Саконы; например, упоминаемый выше правитель Темникова, князь Еникей Тенишев, упоминался как «Еникей князь Темниковский» [51, с. 199]. Высоко расположенное и защищенное валом Саконское городище является небольшим по размерам. Археологических находок XV–XVI веков на городище (городище I) обнаружено не было [12, с. 100]. Тем не менее город в письменных источниках упоминается в 1489 г. в связи с прибытием

ногайских послов к Мурому – через Саконы лежал маршрут их движения [59, с. 81]. А в 1552 г. при описании казанского похода Ивана Грозного в летописях говорится уже о «Саканьском городище» [51, с. 199], что свидетельствует о его запустении. Встречающиеся в XVI веке такие названия, как «саканьский лес» [51, с. 199], «саконский беляк» [19, с. 94, 116], свидетельствуют об относительно недавнем существовании одноименного и достаточно значимого города. Итальянский путешественник Иосафат Барбаро в конце XV века писал о северных областях Zagatai и Moxia, которые оставались под властью татар [14, с. 133]. Название области Zagatai очень созвучно с именем князя Чегодая. Род князя Чегодая мы относим к категории «мордовских князей» будущего Арзамасского уезда [10], а под указанными областями можем видеть территории бассейна реки Мокши (Moxia), а также территории бассейна реки Теши в западной части будущего Арзамасского уезда (Zagatai), где располагались владения князя Чегодая.

Сохранившиеся сообщения, позволяют предполагать, что в первой половине XVI века *города мордовских земель являлись резиденциями татарских наместников и, возможно, местом сосредоточения групп татарского населения, находившихся на службе московских правителей.* Скорее всего, города стали локальными административными центрами для своих прилегающих мордовских областей, которые во второй половине XVI века выделились в отдельные уезды. Данное утверждение относится и к старым городам, существовавшим до середины 30-х годов XVI века, таких, как Старый Кадом, Старый Темников, возможно, Саконы. К этому перечню мы добавляем Андреев городок – изначально русский город [68]. Тем не менее до его передачи касимовскому царевичу Джанаю он уже мог являться неким пожалованием с отдельной татарской слободой, иначе с какой стати на Андреев городок как на «юрт» в 1508 г. стал бы претендовать царевич Ахкурт [60, с. 15]? Соответственно, мы считаем, что Андреев городок являлся административным центром для части территорий будущего Шацкого уезда. Однако в этом регионе татарскими наместниками могли оказаться не местные цненские князья или мурзы, а представители касимовского рода Аргын крымского происхождения – князь Темген и его потомки [62, б. 197–199; 10; 55].

О времени и обстоятельствах возникновения крепостей. «Места татарские и мордовские» в XV веке

Итак, мы можем говорить, что, по крайней мере, Саконы и, очень возможно, города на месте старокадомского и итяковского городищ существовали еще в XV веке. Поэтому одним из главных остается вопрос, связано ли их появление с решением Москвы по укреплению своих рубежей, или они появились в домосковский период?

В том же 1489 г., когда Саконы упоминаются впервые в связи с приходом ногойского посольства, Иван III отправил посольство обратно уже другим маршрутом через Казань и потребовал, чтобы и царь Ибак, и ногойские мурзы впредь посылали свои посольства в обход мордовских земель по территории Казанского ханства до Нижнего Новгорода: «а иными бы дорогами к нам своих людей не посылали» [59, с. 85]. При этом казанскому царю Мухаммед-Эмину вышло предписание будущие ногойские посольства «по своей земле проводить» до русской границы, и также строжайше предписывалось

запретить казанским купцам проезд через мордовские территории «на Муром и на Мещеру», поскольку те могли обойти Нижний Новгород и Муром, «избывая пошлин». Но если мы допускаем, что города в мордовских землях уже существовали, то погранично-таможенные функции они не выполняли, что косвенно свидетельствует об отсутствии у Москвы контроля над ними. Из содержания этих посланий мы можем также увидеть, что западные мордовские земли не контролировались и казанским ханом, иначе он смог бы через них обеспечивать сопровождение посольств и в направлении Мурома или Мещеры. В дополнение вспомним слова Иосафата Барбаро, который между 1488 и 1492 гг. [14, с. 20], т.е. уже после установления московского протектората над Казанью, отмечал, что мордовскими областями «владели татары», имея ввиду местных татар, поскольку он их назвал идолопоклонниками так же, как и народ «тохii»²⁵ (мокша). Под татарскими «владельцами» этих мордовских областей могли скрываться «мордовские» князья – о существовании представителей каких-либо других категорий татарской знати нам неизвестно. Поэтому данное уточнение Иосафата Барбаро свидетельствует о сохранении в 80–90-е годы XV века автономности местных татарских князей. Самые ранние известные грамоты, относящиеся непосредственно к мордовским землям, начинают упоминаться в 90-е годы XV века:

– грамота Ивана III о пожаловании Н. Ознобишина «мордвою Кирдановскою в кормление» 1491 г. [27, с. 12–13];

– договорная грамота рязанских князей 1496 г. («мордва на Цне») [28, с. 334–335, 339];

– грамота князя Ивана III 1498 г. («ирехтинские мордвы Шадыбеевы») [26, с. 256].

А это значит, что время существования городов выпадает на домосковский период.

Из текста духовного завещания Ивана III становится ясно, что уже к 1504 г. «князи мордовские все и с своими отчинами» [28, с. 356] окончательно признавали над собой московскую власть.

Но при каких обстоятельствах могли возникнуть города?

Обратим внимание, *города оказались расположенными в областях, непосредственно примыкающих к границам русских княжеств*. Это обстоятельство и факт обнаружения значительного влияния русской культуры в верхних археологических слоях исследованных городищ (для Старокадомского и Итяковского городищ – период XV–XVI вв.), приводит к заключению, что данные территории в момент возведения крепостей находились в зоне определенного экономического и политического влияния Московского или Рязанского великих княжеств.

Учитывая сообщения из текстов московско-рязанских договорных грамот, мы предполагаем, что восстановление бывших золотоордынских поселений могло начаться уже позднее 30-х годов XV века. Дело в том, что ранее на протяжении длительного периода «места татарские и места мордовские» подвергались нападениям со стороны русских князей, постоянно стремившихся завоевать эти земли. После того, как рязанскому князю Олегу в 1365 г.

²⁵ «...i quali paesi di tramontana sono posseduti da' Tartari, che per il più sono idolatri, così come ancora sono i Moxii» [14, с. 133, 152].

под Шишевским лесом удалось нанести поражение князю Тагаю («Наручадской стране держатель» [50, с. 6]), рязанские и московские князья посчитали, что могут присоединить к себе соседние золотоордынские территории. На протяжении первых десятилетий XV века со стороны Московского и Рязанского княжеств продолжают силовые попытки захвата мордовских земель, правда удерживать контроль за ними не удавалось. Возможно, следствием военной экспансии стало запустение открытых поселений на месте старокадомского и итяковского городищ, выпавшее по расчетам археологов как раз на этот временной период. Сведения о последних нападениях фиксируются в договорной грамоте 1434 г.: «ты, князь велики Юрьи Дмитриевич, отомал места Татарская и Мордовская, а ци переменит бог татары, та места тебе и есть. А что будет дед мои, князь велики Олег или отец мои, князь велики Федор, отнял места Татарская и Мордовская та места мне и есть» [28, с. 85]. Нам доподлинно не известно, мог ли Юрий Дмитриевич участвовать в походах на мордовские земли, будучи великим московским князем (с апреля 1433 г.), или одним из военачальников, посланных его предшественниками²⁶. Но прекратиться эти завоевательные походы могли не позднее июня 1434 г. – даты смерти князя Юрия. Поэтому мы считаем, что строить новые города непосредственно вблизи русских границ в те годы было бы крайне опасно. В следующей известной договорной грамоте 1447 г. имя Юрия Дмитриевича не было указано, там говорится только о прошлых завоеваниях великого московского князя Дмитрия Ивановича (1359–1389 гг.), а с рязанской стороны повторяется сообщение о завоеваниях великого князя Федора Олеговича (1402–1427 гг.) [28, с. 144]. Следовательно, можно констатировать, что *после окончания правления рязанского Федора Олеговича и московского Юрия Дмитриевича нападения на мордовские земли прекратились окончательно.*

Отметим, что до середины XV века расположенный южнее город Наровчат – столица улуса Мохши, и его окрестности еще были обитаемы. Об этом говорит датировка одной из двух обнаруженных монет князя Василия II (1424–1462) в районе Наровчатовского городища (по мнению А.Е. Алиховой, чеканка монеты была выполнена после 1447 г.) [11], а также находка в его окрестностях монеты крымского хана Хаджи-Гирея (1443–1466 гг.) [37, с. 7–8]. Итак, археологические находки фиксируют, что к середине XV века происходит окончательное запустение Наровчата и его окрестностей. А в то же время в защищенных лесами северных районах в XV веке происходит восстановление или, если быть точнее, постройка на заброшенных золотоордынских городищах (Старокадомское, Итяковское городища) новых городских центров с возведением мощных фортификаций. Рискнем предположить, что в этот период *произошло переселение оставшихся элит улуса Мохши и групп татарского населения из района Наровчата в северные, приграничные с русскими княжествами области.* Тем не менее богатые пушниной и медом мордовские области продолжительное время оставались под властью татар-

²⁶ Горский А.А., ссылаясь на летописное сообщение, предположил, что эти завоевания были сделаны Юрием Дмитриевичем после возвращения из похода на Нижний Новгород в 1414–15 гг. [21, с. 98–99]. Однако сама летопись напрямую ничего не говорит о походе в мордовские земли: «От Новгорода князь Юрий поиде в верх по Оце, а князи Ярославские и Костромская сила в верх по Волзе, и разыидошася каждо в свояси» [52, стб. 486–487].

ских ханов, о чем свидетельствуют в договорных грамотах уточнения: «а ци переменит бог татар» [28, с. 144]. Видимо, крайне нестабильное положение самих ханов, а также большая удаленность от других крупных татарских центров послужили главными причинами для *возведения городков в качестве надежно укрепленных личных замков татарских князей*. При этом время возведения укреплений совпадает с расширением экономического влияния русских княжеств.

Сопоставляя приведенные факты, мы приходим к заключению, что в период между 30-ми и 80-ми годами XV века в западной части мордовских земель произошли некие политические изменения. Возможно, *между местными элитами, под которыми мы подразумеваем в первую очередь предков «князей мордовских», и русскими князьями возникают определенные договоренности*.

Ввиду полного отсутствия письменных свидетельств мы не можем сказать, чем же было вызвано сближение с русскими княжествами. В качестве одной из возможных версий можем предложить такое развитие событий. *Местная татарская знать вынуждена была подчиниться прибывшему со своим военным окружением представителю влиятельного клана Ширин*. Легенда из родословной князей Мещерских передает, что это был бежавший из Большой Орды от Улуг-Мухаммада ширинский князь Бахмет Усейнов, «а с ним много князей и мурз и рядовых татар». Но нам представляется, что это мог быть не Бахмет, а его вероятный отец Усеин [4] – реальное историческое лицо. Усеин известен по летописям как «постельник» хана Улуг-Мухаммада, предупредивший в 1432 г. своего дядю, ордынского князя Тегине, о готовившейся со стороны Улуг-Мухаммада расправе. Тегине тогда укрывал в Крыму князя Юрия Дмитриевича. Летописи сообщают, что причиной крупного конфликта с Улуг-Мухаммадом стало покровительство Тегине князю Юрию в получении великокняжеского ярлыка [49, с. 96]. Видимо, после этих событий оставаться в окружении Улуг-Мухаммада Усеину стало небезопасно, и он вынужден был бежать. А вскоре Юрий Дмитриевич стал великим московским князем, что могло поспособствовать *его сближению с предположительно появившимся в Мещере Усеином или его сыном Бахметом*. Как бы там ни было, летописи отмечают, что уже в 1444 г. «мордва на ртах с сулицы и с рогатинами и с саблями» оказывала помощь войсками московского князя в сражении на р. Листани против одного из сыновей Улуг-Мухаммада. Что свидетельствует о смене агрессивной политики со стороны Московского и Рязанского великих княжеств в отношении мордовских земель. В 1445 г. мордовские земли подверглись нападению: видимо, это был ответ Улуг-Мухаммада за убийство сына [32, с. 111–112].

* * *

Подводя итоги всему вышесказанному, отмечаем, вероятно, в первой половине XV века между татарскими князьями бывшего улуса Мохши и русскими князьями Московского и Рязанского великих княжеств возникают определенные взаимные договоренности. Эти договоренности смогли обеспечить безопасное переселение татарского населения из окрестностей Наровчата в более защищенные северные районы мордовских земель, при-

мыкавшие к русским границам, которое привело к появлению там укрепленных городков-замков не ранее 30 – 80-х гг. XV века.

К сожалению, из нашего поля зрения выпадает один важный вопрос: когда именно и каким образом достаточно многочисленное татарское население оказалось сосредоточенным в городах или близлежащих к городам поселениях (например, таких, как Бастаново напротив бывшего Андреева городка, или Азеево недалеко от Кадома)? Источники ничего не говорят. Видимо, этот процесс, начавшийся с 80–90-х годов XV века, был связан с переходом местных татар на службу московским князьям и последовавшим за этим испомещением отдельных групп татарских переселенцев из других бывших золотоордынских областей. Причем мы можем наблюдать, что на начальных этапах институт служилых татар встраивался в уже сложившуюся в данном регионе традиционную систему управления, где основные функции, как правило, сохранялись за местными татарскими князьями и мурзами. Но каково происхождение татарских групп, из которых формировалось служилое сословие – этот вопрос по-прежнему остается открытым. Но то, что они имели различное происхождение, наглядно демонстрирует описание состава подведомственного населения города Темникова из грамоты 1539 г. князю Еникею Тенишеву: «татар и тарханов и башкирцов и можерян, которые живут в Темникове, судить и ведати» [2, с. 156]. В более поздних документах эти различия уже не учитывались: все служилые татары обозначались как «князья, мурзы и служилые татары».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты московского государства, изданные Императорской академией наук. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890.
2. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III. №27 / Сост. А.В. Антонов. М.: «Древлехранилище», 2002.
3. Акчурин М.М. Буртасы в документах XVII века // Этнологические исследования в Татарстане / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Р.К. Уразмановой. Вып. VI. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. С. 43–48.
4. Акчурин М.М. Легенда о ширинском князе Бахмете Усейнове // Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Восточная литература, 2013. С. 5–11.
5. Акчурин М.М. О мордовских князьях Алатырского края // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 4. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. С. 8–10.
6. Акчурин М.М. Родословные татарских князей из фонда Саровского монастыря // Этнологические исследования в Татарстане. Выпуск V. Казань: Издательство «ЯЗ»; ИИ АН РТ, 2011. С. 118–153.
7. Акчурин М.М., Абдурахманов Т.А. Челобитная вдовы мурзы Тляша Кутыева // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Вып. II. Казань: Институт истории АН РТ, 2011. С. 176–196.
8. Акчурин М.М., Беляков А.В. Мордовские беяки и татарские князья // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017, № 1. С. 94–101.
9. Акчурин М.М., Исхаков Д.М. Численность и расселение татар на правом берегу р. Волги во второй половине XVI –XVII вв. // «Туган жир / Родной край» (краеведческое издание). 2017. № 1. С. 58–73.

10. Акчурин М.М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. С. 4–18.
11. Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата // Советская археология. 1973. № 2.
12. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 1 / Т.Д. Николаенко; под ред. А.В. Кашкина. М.: ИА РАН, 2004.
13. Ахметзянов М.И., Акчурин М.М. Документ о пятисотлетней традиции земледельческого хозяйства татар // Научный Татарстан. 2013. №2. С. 84–92.
14. Барбаро и Контарини в России. К истории итало-русских связей в XV веке. Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.
15. Беляков А.В., Енгальцева Г.А. Темниковское княжество по источникам XVI–XVII вв. / Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. С. 63–71.
16. Воронин И.Д. Достопримечательности Мордовии. Саранск, 1982.
17. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.
18. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 732. Оп. 3. Д. 1. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://archeo73.ru/Russian/16vek/gauo/1.htm> (дата обращения 27.05.2017)
19. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII–XVIII вв. // Ученые записки Саратовского государственного университета. Т. 8. Вып. 2. 1930.
20. Гольишенков П.П., Мачинский А.П., Шеянова Г.М., Сарычева Н.И. Фауна Итяковского городища // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск. Вып. XXX. 1966. С. 250–267.
21. Горский А.А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М.: Индрик, 2010.
22. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Письмо правителя Крыма Рамадана венецианскому дожу (1356 г.) // Востоковедение / Отв. ред. В.Г. Гузев. СПб., 1997. Вып. 19. С. 147–159.
23. Григорьев А.П., Фролов О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. М.: Вост лит, 2002. С. 261–302.
24. Гришаков В.В. Керамика XIV–XVI вв. Итяковского городища // Древние поселения Примокшанья / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 104. Саранск: Саранское книжное издательство, 1992.
25. Дедук А.В. К вопросу о расположении «мест татарских и мордовских» московско-рязанских договорных грамот XIV–XV вв. // Средневековая Русь. Вып. 12. М.: Индрик, 2016. С. 117–128.
26. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1953. Т. III, Ч. II.
27. Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1790. Ч. XV.
28. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей в XIV–XVI вв. Подготовил к печати Л.В. Черепнин. М.-Л.: АН СССР, 1950.
29. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий, Вып. 10. М.: Древлехранилище, 2004.
30. Зеленева Ю.А. Нижнее Примокшанье в XIII–XV вв. (о золотоордынско-рязанской границе) // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Казань, 2011. С. 136–138.
31. Зимин А.А. Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. // Исторический архив. № 3. 1960. С. 147–150.
32. Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 111–112.

33. *Исхаков Д.М.* Одно из важных наблюдений Ибн Батуты по внутреннему устройству Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». Казань: Фолиант, 2011. Вып. 2. С. 21–27.
34. *Ишеев М., Акчурин М.* Татарские княжеские роды в Арзамасе и на Алатыре // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: Сборник статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 109–115.
35. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 3 книгах. Книга 3. Т. 9–12. Олма-пресс, 2005.
36. Крестьянская война под предводительством Сепана Разина. Сборник документов. Т. IV дополнительный. М., 1954.
37. *Лебедев В.И.* Загадочный город Мохши. Пенза: Пензенское книжное издательство, 1958.
38. *Миллер Г.Ф.* История Сибири, Том I. М.–Л. АН СССР. 1937.
39. *Миллер Г.Ф.* История Сибири, Том II. М.–Л. АН СССР. 1941.
40. *Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д.* Обзор сочинения «Умдет ал-ахбар» Абдул-гаффара Кырыми // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 35–60.
41. *Моисеев М.В.* Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. № 6, 2014. С. 84–90.
42. *Моисеев М.В.* Взаимоотношения России с Ногайской Ордой в годы регенства Елены Глинской и боярского правления (1534–1541 гг.) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. № 7. С. 82–97.
43. *Моисеев М.В.* Касимов, «Мещерские места» в русско-ногайских отношениях XVI столетия // Третьи Яхонтовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2005. С. 414–422.
44. *Первушкин В.В., Шишов С.Л.* Эволюция представлений о средневековой политической истории Окско-Ценско-Сурского междуречья (Темниковской Мещёры) в XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://tatar-history.narod.ru/mesher-2.htm> (дата обращения 27.05.2017)
45. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995.
46. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань. Татарское книжное издательство, 2006.
47. Примечания к тексту «Истории Сибири» и к приложениям (выполнены С.В. Бахрушиным, А.И. Андреевым, С.А. Козиным, Н.Н. Степановым и Н.П. Никольским) // Миллер Г.Ф. История Сибири. Том I. М.–Л. АН СССР, 1937. С. 469–508.
48. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / Сост. М.М. Акчурин, А.В. Беляков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015.
49. Полное собрание русских летописей. Т. 8. СПб., 1859.
50. Полное собрание русских летописей. Т. 11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1897.
51. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Первая половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. (Окончание.). СПб., 1904.
52. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
53. Полное собрание русских летописей. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. Репринт: М., 2009.
54. Полное собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский летописец. М.: Наука, 1978.

55. *Сабитов Ж.М., Акчурина М.М.* Генеалогии (Шежире) и генетические данные по происхождению постордынской родоплеменной аристократии // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. С. 127–139.
56. *Сабитов Ж.М., Акчурина М.М.* Татарские потомки населения Золотоордынского улуса Мохши // The Russian Journal of Genetic Genealogy. Volume 4, No. 2 (2012). Volume 5, No. 1 (2013). С. 75–83.
57. *Сафаргалиев М.Г.* Присоединение мордвы к централизованному государству // Труды Мордовского НИИЯЛИ. Вып. 27. Саранск, 1964. С. 3–25.
58. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
59. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 41. СПб., 1884.
60. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 95. СПб., 1895.
61. *Степанов П.Д.* Итяковское городище / П.Д. Степанов // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1963. Вып. 24. С. 116–130.
62. Татар халык риваятьләре һәм легендалары / С.М. Гыйләжетдинов. Казан, 2000.
63. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / с пояснениями С.А. Белокурова. М., 1904.
64. *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003.
65. *Фёдоров-Давыдов Г.А., Циркин А.В.* Новые данные об Итяковском городище в Темниковском р-не Мордовской АССР // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР: Труды Мордовского ИЯЛИЭ. Саранск, 1966. Вып. 30. С. 235–249.
66. *Флетчер Д.* О Государстве Русском. М. 2002.
67. *Чекалин Ф.Ф.* Два архивных документа к истории сторожевых укреплений в пределах Пензенской губернии // Пензенские губернские ведомости. 1890. № 73.
68. *Челяпов В.П.* К вопросу об Андреевом городке каменном / В.П. Челяпов // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 8. Рязань, 2005.
69. *Черменский П.Н.* Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1964. С. 3–11.
70. *Черменский П.Н.* Некоторые спорные вопросы исторической географии Рязанщины // История СССР. М., 1959. № 2. С. 172–174.
71. *Шитов В.Н.* Старокадомское поселение // Древние поселения Примокшанья / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 104. Саранск: Саранское книжное издательство, 1992. С. 104–125.
72. *Юрченков В.А.* Хронограф, или повествование о мордовском народе и его истории: Очерки, рассказы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991.
73. *Яковлев А.И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. Т. I. М.-Л., 1943.
74. Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle // Revue de l'Orient Latin. Paris. 1896. Т. 4.
75. *Michow H.* Das erste Jahrhundert russischer Kartographie 1525–1631 und die Originalkarte des Anton Wied von 1542 // Mitteil. d. Georg. Gesellsch in Hamburg. Hamburg, 1906.

Сведения об авторах: Максум Маратович Акчурина – соискатель Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: bigeevo@yandex.ru

Мулланур Равильевич Ишеев – исследователь Центра историко-родословных исследований «TatarGen.Ru» (420029, ул. Сибирский тракт, 34, Казань, Российская Федерация).

Поступила 27.05.2017 Принята к публикации 20.08.2017

Опубликована 30.09.2017

REFERENCES

1. *Akty moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoy akademii nauk*. Vol. I. *Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1571–1634* [Acts of the Moscow State Published by the Imperial Academy of Sciences. Vol. 1: Razryadny Prikaz (Military Administration Body). The Moscow Office. 1571–1634]. St. Petersburg, 1890. (In Russian)
2. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka* [Acts of Serving Land-owners of the 15th – the beginning of the 17th centuries]. Vol. III, no. 27. Sost. A.V. Antonov. Moscow, Drevlekhramishche Publ., 2002. (In Russian)
3. Akchurin M.M. Burtasy v dokumentakh XVII veka [The Burtases in the Documents of the 17th century]. *Etnologicheskie issledovaniya v Tatarstane* [Ethnological Research in Tatarstan]. Pod red. G.F. Gabdrakhmanovoy, G.I. Makarovoy, R.K. Urazmanovoy. Is. VI. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2012, pp. 43–48. (In Russian)
4. Akchurin M.M. Legenda o shirinskom knyaze Bakhmete Useynove [The Legend of Shirin Prince Bakhmet Useynov]. *Tyurkologicheskii sbornik. 2011–2012: Politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv* [Turkological Collection. 2011–2012: The Political and Ethno-Cultural History of the Turkic Peoples and States]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2013, pp. 5–11. (In Russian)
5. Akchurin M.M. O mordovskikh knyaz'yakh Alatyrskogo kraia [On the Mordovian Princes of Alatyrsky Region]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Sbornik statey* [The Medieval Turko-Tatar States. Collected Papers]. Is. 4. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2012, pp. 8–10. (In Russian)
6. Akchurin M.M. Rodoslovnye tatarskikh knyazey iz fonda Sarovskogo monastyrya [Genealogies of Tatar Princes from the Archive of the Sarov Monastery]. *Etnologicheskie issledovaniya v Tatarstane* [Ethnological Research in Tatarstan]. Is. V. Kazan, YaZ Publ., Is. II, 2011, pp. 118–153. (In Russian)
7. Akchurin M.M., Abdurakhmanov T.A. Chelobitnaya vdovy murzy Tlyasha Kutyeva [A Petition of the Widow of Murza Tlyash Kutiev]. *Natsional'naya istoriya tatar: teoretiko-metodologicheskie problemy* [National History of Tatars: Theoretical and Methodological Problems]. Is. II. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 176–196. (In Russian)
8. Akchurin M.M., Belyakov A.V. Mordovskie belyaki i tatarskie knyaz'ya [The Mordovian Belyaks and Tatar Princes]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. 2017, no. 1, pp. 94–101. (In Russian)
9. Akchurin M.M., Iskhakov D.M. Chislennost' i rasselenie tatar na pravom beregu r. Volgi vo vtoroy polovine XVI – XVII vv. [The Number and Settlement of the Tatars on the Right Bank of the River Volga in the second half of the 16th – 17th centuries]. *«Tugan jçir / Rodnoy kray» (kraevedcheskoe izdanie)* [Native Land (local history publication)]. 2017, no. 1, pp. 58–73. (In Russian)
10. Akchurin M.M., Isheev M. Etnopoliticheskie struktury Meshchery v XVI veke [Ethno-Political Structures of Meschera in the 16th century]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Sbornik statey* [The Medieval Turko-Tatar States. Collected Papers]. Is. 6.

Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 4–18. (In Russian)

11. Alikhova A.E. Mavzolei goroda Mokhshi-Narovchata [Mausoleums of the Town of Mokhshi-Narovchat]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1973, no. 2. (In Russian)

12. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Nizhegorodskaya oblast'* [Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Region]. Part 1. T.D. Nikolaenko; pod red. A.V. Kashkina. Moscow, IA RAN, 2004. (In Russian)

13. Akhmetzyanov M.I., Akchurin M.M. Dokument o pyatisotletney traditsii zemledel'cheskogo khozyaystva tatar [A Document on the 500-year's Tradition of the Agricultural Economy of Tatars]. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. 2013, no. 2, pp. 84–92. (In Russian)

14. *Barbaro i Kontarini v Rossii. K istorii italo-russkikh svyazey v XV veke* [Barbaro and Contarini in Russia. To the History of Italian-Russian Relations in the 15th century]. Vstupitel'nye stat'i, podgotovka teksta, perevod i kommentarii E.Ch. Skrzzhinskoy. Leningrad, 1971. (In Russian)

15. Belyakov A.V., Engalycheva G.A. Temnikovskoe knyazhestvo po istochnikam XVI–XVII vv. [The Temnikov Principality according to the Sources of the 16th–17th centuries]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Sbornik statey* [The Medieval Turko-Tatar States. Collected Papers]. Is. 6. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 63–71. (In Russian)

16. Voronin I.D. *Dostoprimechatel'nosti Mordovii* [Sights of Mordovia]. Saransk, 1982. (In Russian)

17. Gabdullin I.R. *Ot sluzhilykh tatar k tatarskomu dvoryanstvu* [From the Serving Tatars to the Tatar Nobility]. Moscow, 2006. (In Russian)

18. *Gosudarstvennyy arkhiv Ul'yanskovskoy oblasti* [State Archives of the Ulyanovsk Region]. F.732. Op. 3. D. 1. Available at: <http://archo73.ru/Russian/16vek/gauo/1.htm> (In Russian)

19. Geraklitov A.A. Arzamasskaya mordva po pistsovyim i perepisnym knigam XVII–XVIII vv. [The Arzamas Mordva according to Scribes and Census Books of the 17th and 18th centuries]. *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Saratov State University]. Vol. 8. Is. 2. 1930. (In Russian)

20. Golyshenkov P.P., Machinskiy A.P., Sheyanova G.M., Sarycheva N.I. Fauna Ityakovskogo gorodishcha [Fauna of the Ityakovskoe Settlement]. *Issledovaniya po istorii, etnografii i arkheologii Mordovskoy ASSR* [Studies on the History, Ethnography and Archaeology of the Mordovian ASSR]. Trudy MNIIYaLIE. Saransk, 1966. Is. XXX, pp. 250–267. (In Russian)

21. Gorskiy A.A. *Ot zemel' k velikim knyazheniyam: «primysly» russkikh knyazey vtoroy poloviny XIII – XV v.* [From the Lands to the Great Principalities: “Primysly” of the Russian Princes of the second half of the 13th – 15th centuries]. Moscow, Indrik, 2010. (In Russian)

22. Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. Pis'mo pravitelya Kryma Ramadana vene-tsianskomu dozhu (1356 g.) [A Letter from the Ruler of Crimea Ramadan to the Venetian Doge (1356)]. *Vostokovedenie* [Oriental Studies]. Otv. red. V.G. Guzev. St. Petersburg, 1997. Is. 19, pp. 147–159. (In Russian)

23. Grigor'ev A.P., Frolov O.B. Geograficheskoe opisanie Zolotoy Ordy v entsiklopedii al-Kalkashandi [Geographical Description of the Golden Horde in the Encyclopedia of al-Qalqashandi]. *Tyurkologicheskyy sbornik* [Turkological Collection]. Moscow, Vost. lit., 2002, pp. 261–302. (In Russian)

24. Grishakov V.V. Keramika XIV–XVI vv. Ityakovskogo gorodishcha [Ceramics of the 14th–16th centuries from the Ityakovskoe Settlement]. *Drevnie poseleniya Primokshan'ya* [Ancient Settlements of the Cis-Moksha Region]. Trudy MNIIYaLIE. Is. 104. Saransk, Saranskoe knizhnoe Publ., 1992. (In Russian)

25. Deduk A.V. K voprosu o raspolozhenii «mest tatarskikh i mordovskikh» moskovsko-ryazanskikh dogovornykh gramot XIV–XV vv. [To the Question of the Location of the “Tatar and Mordovian Places” in the Moscow-Ryazan Treaty Charters of the 14th–15th centuries]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. Is. 12. Moscow, Indrik, 2016, pp. 117–128. (In Russian)
26. *Dokumenty i materialy po istorii Mordovskoy ASSR* [Documents and Materials on the History of the Mordovian ASSR]. Saransk, 1953. Vol. III, Part II. (In Russian)
27. *Drevnyaya Rossiyskaya vivilofika* [Ancient Russian Vivliophica]. 2-e izd. Moscow, 1790. Part XV. (In Russian)
28. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey v XIV–XVI vv.* [Spiritual and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes of the 14th and 16th centuries]. Podgotovil k pečati L.V. Cherepnin. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. (In Russian)
29. Zapisnaya kniga Polotskogo pokhoda 1562/63 goda [Notebook of the Polotsk Campaign of 1562/63]. *Russkiy diplomatiy* [Russian Diplomatarium], Is. 10. Moscow, Drevlekhranilishche. 2004. (In Russian)
30. Zeleneev Yu.A. Nizhnee Primokshan'e v XIII–XV vv. (o zolotoordynskoy granitse) [The Lower Cis-Moksha region in the 13th–15th centuries (on the Golden Horde's border)]. *Zolotoordynskoe nasledie* [Golden Horde Heritage]. Kazan, Sh.Marajni Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2011, Is. 2, pp. 136–138. (In Russian)
31. Zimin A.A. Iz istorii tsentral'nogo i mestnogo upravleniya v pervoy polovine XVI v. [From the History of Central and Local Government in the first half of the 16th century]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. No. 3. 1960, pp. 147–150. (In Russian)
32. Iskhakov D.M. *Istoricheskie ocherki* [Essays on History]. Kazan, Fen Publ., 2009, pp. 111–112. (In Russian)
33. Iskhakov D.M. Odno iz vazhnykh nablyudeniy Ibn Batuty po vnutrennomu ustroystvu Zolotoy Ordyy [One of the Important Observations of Ibn Batutta on the Internal Administration of the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordyy»* [Golden Horde Heritage. Proceedings of the International Research Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde”]. Kazan, Foliant, 2011. Is. 2, pp. 21–27. (In Russian)
34. Isheev M., Akchurin M. Tatarskie knyazheskie rody v Arzamase i na Alatyre [The Tatar Princely Families in Arzamas and Alatyre]. *Tatarskie murzy i dvoryane: istoriya i sovremennost'. Sbornik statey* [Tatar Murzas and Nobles: History and Modernity. Collected Papers]. Is. 1. Kazan, Sh.Marajni Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2010, pp. 109–115. (In Russian)
35. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. V 3-kh knigakh* [History of the Russian State. In Three Books]. Kniga 3. Vol. 9–12. Olma-press, 2005. (In Russian)
36. *Krest'yanskaya vojna pod predvoditel'stvom Stepana Razina. Sbornik dokumentov* [Peasant War under the Leadership of Stepan Razin. Collection of Documents]. Vol. IV dopolnitel'nyy. Moscow, 1954. (In Russian)
37. Lebedev V.I. *Zagadochnyy gorod Mokhshi* [Mysterious Town of Mokhshi]. Penza, Penzenskoe knizhnoe Publ., 1958. (In Russian)
38. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. I. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1937. (In Russian)
39. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. II. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. (In Russian)
40. Mirgaleev I.M., Pashaoglu D.D. Obzor sochineniya «Umdet al-akhbar» Abdulgaffara Kyrymi [An Overview of «Umdet ul-Ahbar» by Abdulgaffar Qirimi]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marajni Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, no. 2(4), pp. 35–60. (In Russian)

41. Moiseev M.V. Shertnye gramoty v kontekste russko-nogayskikh otnosheniy v XVI veke [Shert Charters in the Context of Russian-Nogai Relations in the 16th century]. *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. Kazan, Sh.Marajni Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014, no. 6, pp. 84–90. (In Russian)
42. Moiseev M.V. Vzaimootnosheniya Rossii s Nogayskoy Ordoy v gody regenstva Eleny Glinskoy i boyarskogo pravleniya (1534–1541 gg.) [Relations of Russia with the Nogai Horde during the Regency of Elena Glinskaya and the Boyar Rule (1534–1541)]. *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. Kazan, Sh.Marajni Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015, no. 7, pp. 82–97. (In Russian)
43. Moiseev M.V. Kasimov, «Meshcherskie mesta» v russko-nogayskikh otnosheniyakh XVI stoletiya [Kasimov: “Meshchera Places” in the Russian-Nogai Relations of the 16th century]. *Tret'i Yakhontovskie chteniya. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The Third Yakhontov Readings. Proceedings of the Scientific-Practical Conference]. Ryazan, RIAMZ Publ., 2005, pp. 414–422. (In Russian)
44. Pervushkin V.V., Shishlov S.L. *Evolutsiya predstavleniy o srednevekovoy politicheskoy istorii Oksko-Tsensko-Surskogo mezhdurech'ya (Temnikovskoy Meshchery) v XIX–XX vv.* [Evolution of Ideas about the Medieval Political History of the Oka-Tsena-Sura Interfluvium (Temnikov Meshchera) in the 19th–20th centuries]. Available at: <http://tatar-history.narod.ru/mesher-2.htm> (In Russian)
45. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy* [Ambassadorial Books on Russian Relations with the Nogai Horde]. Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe Publ., 1995. (In Russian)
46. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1551–1561 gg.* [Ambassadorial Books on Russian Relations with the Nogai Horde. 1551–1561]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2006. (In Russian)
47. Primechaniya k tekstu «Istorii Sibiri» i k prilozheniyam (vypolneny S.V. Bakhrushinym, A.I. Andreevym, S.A. Kozinym, N.N. Stepanovym i N.P. Nikol'skim) [Notes to the Text of “History of Siberia” and to the Appendices (compiled by S.V. Bakhrushin, A.I. Andreev, S.A. Kozin, N.N. Stepanov and N.P. Nikolsky)]. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. I. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1937, pp. 469–508. (In Russian)
48. *Pripravochnyy spisok s dozornoj knigi goroda Temnikova i Temnikovskogo uyezda 1613/14 g.* [List of Villages in the Sentinel Book of the town of Temnikov and Temnikov Uyezd of 1613/14]. Sost. M.M. Akchurin, A.V. Belyakov. Kazan, Sh.Marajni Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. (In Russian)
49. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 8. St. Petersburg, 1859. (In Russian)
50. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 11. VIII: *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 11. VIII: Chronicle Collection named Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, 1897. (In Russian)
51. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 13: Pervaya polovina. VIII. *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu. (Okonchanie)* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. First Half. VIII: Chronicle Collection named Patriarchal or Nikon Chronicle (conclusion)]. St. Petersburg, 1904. (In Russian)
52. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 15: *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Tverskoy letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 15: Chronicle Collection named Tver Chronicle]. St. Petersburg, 1863. (In Russian)
53. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 29: *Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 29: Chronicle of the Beginning of the Reign

of Tsar and the Grand Prince Ivan Vasilyevich. The Alexander Nevsky Chronicle. The Lebedevskaya Chronicle]. Moscow, Nauka, 1965. Reprint: Moscow, 2009. (In Russian)

54. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 34: *Postnikovskiy letopisets* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 34: Postnikovsky Chronicler]. Moscow, Nauka Publ., 1978. (In Russian)

55. Sabitov Zh.M., Akchurin M.M. Genealogii (Shezhire) i geneticheskie dannye po proiskhozhdeniyu postordynskoy rodoplemennoy aristokratii [Genealogies (Shezhires) and Genetic Data on the Origin of the post-Horde Tribal Aristocracy]. *Srednevekovye tyurkotatarskie gosudarstva. Sbornik statey* [Medieval Turko-Tatar States. Collected Papers]. Is. 6. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, pp. 127–139. (In Russian)

56. Sabitov Zh.M. Akchurin M.M. Tatarskie potomki naseleniya Zolotoordynskogo ulusa Mokhshi [Tatar Descendants of the Population of the Golden Horde Ulus of Mokhsha]. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. Vol. 4, no. 2 (2012), Vol. 5, no. 1 (2013), pp. 75–83. (In Russian)

57. Safargaliev M.G. Prisoedinenie mordvy k tsentralizovannomu gosudarstvu [Unification of the Mordva with the Centralized State]. *Trudy Mordovskogo NIIYaLI* [Proceedings of the Mordovian Scientific-Research Institute of Language, Literature and History]. Is. 27. Saransk, 1964, pp. 3–25. (In Russian)

58. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ordyy* [Dissolution of the Golden Horde]. Saransk, 1960. (In Russian)

59. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 41. St. Petersburg, 1884. (In Russian)

60. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 95. St. Petersburg, 1895. (In Russian)

61. Stepanov P.D. Ityakovskoe gorodishche [Ityakovskoe Settlement]. P.D. Stepanov. *Tr. MNIYaLIE* [Proceedings of the Mordovian Scientific-Research Institute of Language, Literature and History]. Saransk, 1963. Is. 24, pp. 116–130. (In Russian)

62. *Tatar khalyk rivayat'lare ham legendalary*. S.M. Gyl'jetdinov. Kazan, 2000. (In Tatar)

63. *Utverzhennaya gramota ob izbranii na Moskovskoe gosudarstvo Mikhaila Fedorovicha Romanova* [The Approved Charter on the Election to the Moscow State's Reign of Mikhail Fedorovich Romanov]. S poyasneniyami S.A. Belokurova. Moscow, 1904. (In Russian)

64. Fedorov-Davydov G.A. *Denezhnoe delo Zolotoy Ordyy* [Monetary System of the Golden Horde]. Moscow, Paleograf, 2003. (In Russian)

65. Fedorov-Davydov G.A., Tsirkin A.V. Novye dannye ob Ityakovskom gorodishche v Temnikovskom r-ne Mordovskoy ASSR [New Data on the Ityakovskoe Settlement in the Temnikov District of the Mordovian ASSR]. *Issledovaniya po arkheologii i etnografii Mordovskoy ASSR: Trudy Mordovskogo IYaLIE* [Studies in Archaeology and Ethnography of the Mordovian ASSR: Proceedings of the Mordovian Scientific-Research Institute of Language, Literature and History]. Saransk, 1966. Is. 30, pp. 235–249. (In Russian)

66. Fletcher G. *O Gosudarstve Russkom* [The History of Russia]. Moscow, 2002. (In Russian)

67. Chekalin F.F. Dva arkhivnykh dokumenta k istorii storozhevykh ukrepleny v predelakh Penzenskoy gubernii [Two Archival Documents to the History of Patrol Fortifications within the Penza Province]. *Penzenskie gubernskie vedomosti* [Penza Provincial Gazette]. 1890. No. 73. (In Russian)

68. Chelyapov V.P. K voprosu ob Andreevom gorodke kamennom [To the Question of Andreev Town of Stone]. V.P. Chelyapov. *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and Research on Ryazan Local History]. Vol. 8. Ryazan, 2005. (In Russian)

69. Chermenskiy P.N. Iz istorii feodalizma na Meshchere i v Mordve [From the History of Feudalism in Meshchera and among the Mordovians]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1962 god* [Archaeographic Yearbook for 1962]. Moscow, 1964, pp. 3–11. (In Russian)

70. Chermenskiy P.N. Nekotorye spornye voprosy istoricheskoy geografii Ryazan-shchiny [Some Controversial Issues in the Historical Geography of Ryazan Region]. *Istoriya SSSR* [The History of USSR]. Moscow, 1959, no. 2, pp. 172–174. (In Russian)

71. Shitov V.N. Starokadomskoe poselenie [Starokadomskoe Settlement]. *Drevnie poseleniya Primokshan'ya. Trudy MNIIYaLIE* [The Ancient Settlements of the Cis-Moksha Region. Proceedings of the Mordovian Scientific-Research Institute of Language, Literature and History]. Is. 104. Saransk, Saranskoe knizhnoe Publ., 1992, pp. 104–125. (In Russian)

72. Yurchenkov V.A. *Khronograf, ili povestvovanie o mordovskom narode i ego istorii: Ocherki, rasskazy* [The Chronograph, or the Narrative about the Mordovian People and Its History: Essays, Stories]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe Publ., 1991. (In Russian)

73. Yakovlev A.I. *Kholopstvo i kholopy v Moskovskom gosudarstve XVII v.* [Bondsmanship and Bondmen in the Moscow State of the 17th century]. Vol. I. Moscow, Lenin-grad, 1943. (In Russian)

74. Jorga N. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle*. Revue de l'Orient Latin. Paris, 1896. Vol. 4. (In French, Latin)

75. Michow H. *Das erste Jahrhundert russischer Kartographie 1525–1631 und die Originalkarte des Anton Wied von 1542*. Mitteil. d. Georg. Gesellsch in Hamburg. Hamburg, 1906. (In German)

About the authors: Maksim M. Akchurin – Applicant, Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: bigeevo@yandex.ru

Mullanur R. Isheev – Researcher, Center for Historical and Genealogical Research «TatarGen.Ru» (34, Sibirskiy tract, Kazan 420029, Russian Federation).

*Received May 27, 2017 Accepted for publication August 20, 2017
Published September 30, 2017*

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.659-665

ЗОЛОТАЯ ОРДА И РУСЬ: ТУРЕЦКИЙ ВЗГЛЯД. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КАМАЛОВ И.Х. ЗОЛОТАЯ ОРДА И РУССКИЙ УЛУС (ТАТАРСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЮ)

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ropot@mail.ru*

В рецензии дается характеристика книги И.Х. Камалова о взаимоотношениях Улуса Джучи и русских княжеств и последующем влиянии золотоордынской цивилизации на развитие Российского государства. Анализ производится в контексте общего состояния изучения истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений, что неизбежно приводит к сравнению уровня научной ценности рецензируемой книги с другими современными изданиями в области «джучидоведения». В рецензии характеризуется структура книги, степень проработанности темы автором, отмечаются сильные и слабые стороны, обращается внимание на ряд дискуссионных моментов. Автор рецензии приходит к выводу, что книга И.Х. Камалова, несмотря на определенные недостатки и спорные моменты, может представлять интерес для различных читательских аудиторий, стимулировать дальнейшие исследования в рамках раскрываемой тематики и вызывать дискуссии.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, Русь, русские княжества, Россия, ордынское влияние на Руси

Для цитирования: Почекаев Р.Ю. Золотая Орда и Русь: турецкий взгляд. Рецензия на книгу: Камалов И.Х. Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 659–665. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.659-665

**THE GOLDEN HORDE AND RUS': A TURKISH VIEW.
REVIEW OF THE BOOK: KAMALOV I.H.
THE GOLDEN HORDE AND THE RUSSIAN ULUS
(THE TATAR INFLUENCE ON RUSSIA)**

R. Yu. Pochekaev

*National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg, Russian Federation
ropot@mail.ru*

This review contains an assessment of Ilyas Kh. Kamalov's book on the relationship between the Jochid ulus and Russian principalities, as well as the subsequent influence of the Golden Horde's civilization on the development of the Russian state. The book is analyzed within the context of the present state of research on the Golden Horde and its relations with Rus'. This inevitably leads to a comparison of the level of scientific value of the reviewed book with other contemporary publications on the history of the Jochid ulus. The review evaluates the structure of the book, the thoroughness of the analysis, highlights its strengths and weaknesses, and draws attention to a number of controversial elements.

The author of review finds that the book of I.Kh. Kamalov, despite several drawbacks, could likely attract the interest of various reading audiences and stimulate further research and discussions on the history of the Golden Horde and its relations with the Russian principalities.

Keywords: Jochid ulus, Golden Horde, Rus', Russian principalities, Russia, Tatar influence on Rus'

For citation: Pochekaev R.Yu. The Golden Horde and Rus': A Turkish View. Review of the Book: Kamalov I.H. The Golden Horde and the Russian Ulus (the Tatar Influence on Russia). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 659–665. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.659-665

Выход любой новой книги по истории Золотой Орды или русско-ордынских отношений привлекает внимание широкой читательской аудитории. Когда же речь идет о переводе иностранного труда по данной тематике, этот интерес возрастает еще больше. Несомненно, привлечет внимание читателя и русский перевод книги турецкого исследователя И.Х. Камалова «Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию)» [7].

Из вступительного слова переводчика книги И.М. Миргалеева (с. 8) становится известным, что книга впервые была опубликована в Турции в 2009 г. [6] в 2011 г. была удостоена награды Турецкого исторического общества и переиздана в 2015 г., что, безусловно, привлекает еще больше внимания к этому труду.

Надо сказать, что еще до перевода на русский язык исследование И.Х. Камалова уже становилось предметом рецензирования: московский востоковед, д.и.н. И.В. Зайцев в 2014 г. опубликовал свою рецензию на первое издание этой книги 2009 г., в которой высоко оценил вклад турецких исследователей Золотой Орды, являющихся выходцами из России, к числу которых принадлежит и И.Х. Камалов, дал подробную характеристику разделов книги и приложений (опущены в русском переводе). В заключение автор рецензии пришел к выводу, что книга «вряд ли даст русскоязычному читате-

лю что-то новое в понимании влияния Золотой Орды на Русь и последствий этого влияния», но, вместе с тем, признал, что она представляет собой «заметный вклад в турецкую историографию» [2].

Тем не менее книга переведена на русский язык и, следовательно, представлена на суд русскоязычному читателю. В связи с этим считаем целесообразным высказать несколько соображений относительно этого труда в дополнение к вышеупомянутой рецензии И.В. Зайцева.

Структура книги представляется вполне логичной и последовательной, причем автор при выстраивании материала не пошел по самому простому, хронологическому пути, а выбрал более аналитический, аспектный подход. Так, первая глава представляет собой обзор политических отношений Золотой Орды и русских княжеств. Во второй главе автор выявляет показатели подчиненности русских княжеств Золотой Орде. Третья глава посвящена вопросу политического влияния Золотой Орды на Русь. В четвертой автор прослеживает влияние золотоордынских традиций на формирование Русского государства, проявившееся в самых разных сферах политической жизни. Наконец, в пятой главе раскрываются социально-экономические и культурные аспекты ордынского влияния на Руси.

Открывает книгу обзор источников и исследований, которыми пользовался автор книги. В обзоре кратко характеризуются основные источники и исследовательские труды по тематике исследования, и он отражает весьма широкий кругозор И.Х. Камалова, его способность извлекать необходимую информацию из самых различных текстов и не только (поскольку в данный раздел включена также и такая категория источников, как «нумизматические»).

Первая глава «Взаимоотношения между Золотой Ордой и русскими княжествами» в целом представляется логичной, и вполне можно согласиться с автором в том, что характер подчинения Руси Золотой Орде носил характер подчинения вассала сюзерену (с. 61–62). Однако, на наш взгляд, несколько излишними в ней являются разделы 1.1.1–1.1.4 (о происхождении славян, этимологии слова «Русь», становлении и распаде Киевской Руси), а также 1.2.1 (о рождении Темучина и его политической деятельности): непосредственного отношения к теме книги они не имеют. Далее автор говорит о походах «Бату-хана» и правлении «Берке-хана» (разделы, соответственно, 1.2.3 и 1.3.2), хотя, как известно, они ханского титула не носили: первым его принял Менгу-Тимур, внук Бату.

Сильной стороной второй главы «Показатели подчиненности русских княжеств Золотой Орде», безусловно, является то, что автор книги четко выделяет эти самые показатели: получение ярлыков, поездки русских вассалов в Золотую Орду, переписи населения, уплата ордынских налогов, деятельность даруг, которых автор вполне обоснованно отождествляет с баскаками (с. 135–136), несмотря на то, что ряд исследователей придерживается мнения о том, что это были разные чиновники (новейшее исследование этой проблематики с подробным обзором литературы принадлежит С.А. Масловой [4]).

Однако при ознакомлении с разделом II.5 «Сбор налогов» (с. 124–135) возникает целый ряд претензий к автору книги. Во-первых, он не дифференцирует собственно налоги и повинности, т.е. обязанность совершать определенные действия (к последним относятся, в частности, «подводы», «корм»,

«война», «ловитва»), порой даже используя странный термин «налоговые повинности» (с. 134). Во-вторых, он делает попытку распространить на русские земли те налоги, которые взимались непосредственно с ордынских подданных – в частности, калан, копчур, салыг, охотничью повинность («ловитву»). Обосновывает это И.Х. Камалов лишь собственными предположениями, честно признавая, что в русских исторических источниках и русских переводах ханских ярлыков эти налоги и повинности не упоминаются. Также имеет место и обратная ситуация: налоги и сборы, взимаемые со времен Киевской Руси (в частности, «мыт» и «мостовщина») включаются им в число вновь введенных в русских землях ордынских налогов. Кроме того, почему-то традиционный и широко используемый даже в русскоязычной литературе термин «тамга» (торговый сбор) автор и переводчик предпочли заменить довольно неопределенным термином «пошлина» (в оригинальной турецкой версии в название соответствующего раздела включены оба термина, хотя «пошлина» совершенно не то же самое, что «тамга», поскольку имеет куда более широкое значение).

Третью главу «Политическое влияние Золотой Орды на Русь» в целом следует считать довольно удачной, хотя, опять же, раздел III.1 (с. 148–155), содержащий рассуждения об этимологии термина «татары», соотношении его с «монголами» и о том, кто же все-таки оказал влияние на Русь, представляется слишком специфическим для среднестатистического читателя. Несмотря на то, что ряд построений и трактовок автора является дискуссионным, сам подход (характеристика основных направлений взаимодействия, роль Золотой Орды во внешней и внутренней политике Руси) кажется вполне логичным.

В четвертой главе «Влияние Золотой Орды на образование Русского государства» можно отметить как достоинства, так и недостатки. К числу первых относится, несомненно, опять же четкое выделение отдельных аспектов, в которых влияние проявилось: княжеская власть, ее атрибуты, правящая элита, статус различных слоев населения, роль выходцев из Золотой Орды и пост-ордынских государств в политической жизни Русского государства, военная сфера и т.д.

Однако некоторые выводы касательно отдельных политических институтов и категорий представляются не просто спорными, а в принципе неверными. Так, ни о каком «упразднении» вече (с. 192) говорить не следует: этот выборный всесословный орган утратил актуальность, но официально не упраздняясь, и его последние проявления относятся ко второй половине XV в [1, с. 15]. И созыв земского собора, конечно же, является возрождением вече на качественно новом уровне, а не рецепцией института курултая из Золотой Орды, как пытается убедить читателя И.Х. Камалов (с. 202). Аналогичным образом институт местничества, как хорошо известно всем, кто занимался этой проблемой, был позаимствован не из Золотой Орды, как полагает автор книги (с. 201), а из Польско-Литовского государства, хотя отдельные его проявления имели место еще и в эпоху Удельной Руси [см. подробнее: 5]. Раздел же IV.7 «Заимствование русскими татарских имен» (с. 226–227) более уместно смотрелся бы в составе следующей главы.

Пятая глава «Социально-экономическое и культурное влияние Золотой Орды на Русь» тоже можно считать логичной с точки зрения построения материала, выделения наиболее существенных аспектов влияния. Правда, при

ознакомлении с главой нередко возникает мысль, что автор в какой-то мере пал жертвой собственной установки: задавшись целью показать влияние золотоордынских традиций на развитие Русского государства, он в значительной степени абсолютизирует это влияние и готов увидеть его даже в тех социально-экономических и культурных отношениях, где оно отсутствовало или было минимальным.

Говоря о книге в целом, к числу ее несомненных достоинств следует отнести тот факт, что автор подробно рассматривает в необходимых случаях ключевые термины тюркского происхождения, относящиеся к истории русско-ордынских отношений (ярлык, даруга и т.д.), анализируя их этимологию, давая обзор мнений различных авторов относительно их значения, предлагая свои версии их толкования.

Среди же общих недостатков можно назвать не всегда убедительное представление материала по специфическим аспектам русско-ордынских отношений, полное и всестороннее раскрытие которых невозможно без привлечения специальной литературы и консультаций с соответствующими специалистами (речь идет и о системе ордынских налогов на Руси, и об органах власти и управления в Московском государстве, и пр.).

Библиография, завершающая (вместе с перечнем сокращений) труд И.Х. Камалова, как и его обзор источников и исследований, открывающий книгу, свидетельствует о хорошем знании источников и исследовательской литературы по русско-ордынской тематике, равно как по истории Золотой Орды и Руси. В список источников и литературы входят работы на русском, западноевропейских и восточных языках. Знание языков позволяет автору использовать ряд источников в оригинале, что, конечно же, повышает качество работы с ними по сравнению с теми его коллегами, кто имеет возможность использовать только русский или европейские переводы тех же восточных исторических памятников.

Несколько снижает впечатление от знакомства с библиографией тот факт, что автор, по-видимому, не счел целесообразным при переиздании книги в 2015 г. и при подготовке ее для русского перевода учесть новые (появившиеся после 2009 г., когда книга была издана впервые) исследования по золотоордынской тематике. В результате библиография отражает уровень знания турецкими исследователями историографии Золотой Орды по состоянию на конец первого десятилетия XXI в.

Кроме того, считаем целесообразным обратить внимание на несколько неточностей в списке источников. Открывает его в русском переводе пункт «Али Йезди Ш. Зафар-наме. Изд. подготовил А. Урунбаев. Ташкент, 1972» (с. 279). Однако ниже, в том же списке указан тот же источник, но, начиная с полного имени автора – Шерафеддин Али Йезди (с. 280).

Следующим пунктом в списке идет «Алтан Тобчи». Памятники письменности Востока. Перевод Шастиной Н.П. М.: Изд-во «Наука», 1973». Тут – две неточности. Во-первых, это произведение имеет автора – Лубсан Данзана, которого и следовало указать, поскольку в монгольской историографии известно другое сочинение XVII в. с тем же названием, но анонимное [3]. Во-вторых, раз уж автор счел целесообразным указать серию, в которой издан источник, «Памятники письменности Востока», то следовало указать и порядковый номер тома этой серии – X.

Также представляется не совсем корректным, что ряд авторов фигурирует только с «прозвищами» или «фамилиями»: Казвини, Карпини (с. 279), Рубрук (с. 280). В пункте «Судебник 1497 года» зачем-то уточняется «статья 9» (с. 280), хотя в издании, по которому приводится этот правовой памятник, помещен весь текст Судебника Ивана III.

Однако, несмотря на ряд спорных, дискуссионных и откровенно неточных моментов, в целом можно резюмировать, что И.В. Зайцев в своей рецензии был, пожалуй, слишком строг, и русский перевод книги И.Х. Камалова все же может представлять интерес для различных читательских аудиторий. Внимание интересующихся историей русско-ордынских отношений из числа неспециалистов она может привлечь достаточно простым стилем изложения, а также раскрытием основных аспектов этих отношений и влияния ордынских политических, правовых, культурных ценностей на последующее развитие России. Для исследователей книга также может оказаться полезной: во-первых, она дает представление о современном развитии турецкого «джучи-доведения». Во-вторых, ряд построений и выводов И.Х. Камалова, представляющихся спорными, способны стимулировать дальнейшее исследование по этим направлениям, научные дискуссии, появление новых научных работ в области изучения Золотой Орды и русско-татарских отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Еремян В.В.* Ордынская Русь (от общины-государства к уделу-вотчине): очерки муниципальной историографии. Т. 3. М.: РУДН, 2015. 396 с.
2. *Зайцев И.В.* İlyas Kamalov. Altın Orda ve Rusya (Rusya Üzerindeki Türk-Tatar Etkisi) // Исторический вестник. Т. 10 (157). 2014. С. 128–133.
3. Золотое сказание / Пер. Г.С. Гороховой, А.Д. Цендиной // История в трудах ученых лам. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 19–61.
4. *Маслова С.А.* Институты ордынской власти над Русью (баскаки, даруги, послы). Дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2015. 154 с.
5. *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке. Одесса: Типография «Одесского Вестника», 1888. X + 611 + CXLIII с.
6. *Kamalov I.* Altın Orda ve Rusya (Rusya Üzerindeki Türk-Tatar Etkisi). Istanbul: Ötüken, 2009.
7. *Камалов И.Х.* Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / Перевод с турец. яз. И.М. Миргалеев; отв. ред. А.В. Аксанов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 304 с.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528> (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: ropot@mail.ru

Поступила 08.06.2017 Принята к публикации 07.09.2017
Опубликована 30.09.2017

REFERENCES

1. Eremyan V.V. *Ordynskaya Rus' (ot obshchiny-gosudarstva k udelu-votchine): ocherki munitsipal'noy istoriografii* [The Rus' of the Horde (from community-state to appanage-patrimony): Essays on municipal history]. Vol. 3. Moscow, Russian University of Peoples' Friendship Press, 2015. 396 p. (In Russian)
2. Zaytsev I.V. İlyas Kamalov. Altın Orda ve Rusya (Rusya Üzerindeki Türk-Tatar Etkisi) [Review of: Kamalov I.]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Herald], Vol. 10 (157), 2014, pp. 128–133. (In Russian).
3. Zolotoe skazanie / Per. G.S. Gorokhovoy, A.D. Tsendinoy [G.S. Gorokhova, A.D. Tsendina (transl.). The Golden Summary] *Istoriya v trudakh uchenykh lam.* [History in works of Learned Lamas]. Moscow, KMK Scientific Press, 2005, pp. 19–61. (In Russian)
4. Maslova S.A. *Instituty ordynskoy vlasti nad Rus'yu (baskaki, darugi, posly)* [Institutions of the Golden Horde power over Rus' (basqaqs, darugas, ambassadors): Dissertation of candidate (Ph.D.) in history. Moscow State University Publ., 2015. 154 p. (In Russian)
5. Markevich A.I. *Istoriya mestnichestva v Moskovskom gosudarstve v XV–XVII veke* [History of mestnichestvo in Moscow state in the 15th–17th century]. Odessa, Odessa Herald Press, 1888. X + 611 + CXLIII p. (In Russian)
6. Kamalov I. *Altın Orda ve Rusya (Rusya Üzerindeki Türk-Tatar Etkisi)* [The Golden Horde and Russia]. Istanbul, Ötüken, 2009. 376 p. (In Turkish)
7. Kamalov I.Kh. *Zolotaya Orda i russkiy ulus (tatarskoe vliyanie na Rossiyu)* [The Golden Horde and the Russian Ulus (the Tatar Influence on Russia)]. Perevod s turetsk. yaz. I.M. Mirgaleev; otv. red. A.V. Aksanov. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 304 p. (In Russian)

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Cand. Sci. (Jurisprudence), Docent, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528> (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198099, Russian Federation). E-mail: ropot@mail.ru

Received June 8, 2017 Accepted for publication September 7, 2017

Published September 30, 2017

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЯКУБОВИЧ М.М. ФІЛОСОФСЬКА ДУМКА
КРИМСЬКОГО ХАНСТВА (ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ
КРЫМСКОГО ХАНСТВА)**

Р.Р. Абдужемилев^{1,2}

¹ *Крымский инженерно-педагогический университет
Симферополь, Российская Федерация*

² *Крымский научный центр
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Бахчисарай, Российская Федерация
refatimus@gmail.com*

Представлена рецензия на книгу Михайло Якубовича «Философская мысль Крымского ханства», которая является всесторонним исследованием религиозно-философского наследия Крымского ханства. Книга состоит из предисловия, введения, семи глав, выводов, приложений, иллюстраций (религиозных сайтов, библиотек и копий рукописей), списка используемых источников. В первой вводной главе проводится обзор историографии и определяется диапазон источников в рамках исследования. Предыстория формирования философской мысли Крымского ханства, а именно, истоки ее образования в эпоху Золотой Орды, изложена во второй главе. Третья глава содержит биографическую информацию об Ибрагиме ал-Кырыми, специфике германской терминологии Корана в его творчестве, а также идею духовного путешествия от антропологических и историософских перспектив. Творчество Абул-Бака ал-Кафауви рассмотрены в четвертой главе, где отражаются жизненный путь и научное наследие философа, его работа «Куллийят» («Книга общих понятий»). Основными вопросами пятой главы являются идейные взгляды Мухаммада ал-Кафауви и онтологические и этические взгляды Мухаммада ал-Аккирмани. В шестой главе широко освещаются: идеологические особенности работы «Хадаик ал-Ахяр-ф-Хакаи ал-Ахбар» («Гардамены лучших из сущностей новостей»); «внутренние» и «внешние» способы познания Бога в «Руководствах для экспертов» («Арифлерин делили») Селима Дивана Киримли; философские особенности суфийской экзегезы Хамида «Би-нува» Кирими; мистический взгляд на Абд ал-Баки ал-Хиджаби. В седьмой главе исследователь фокусирует свое внимание на проблеме исламской апологетики в работах крымских авторов в XVII–XVIII вв. В целом, книга М. Якубовича, посвященная философской мысли Крымского ханства, подтверждает, что она формировалась с одной стороны через опыт и знания предыдущих поколений (опираясь на классику), а с другой стороны – имела определенную оригинальность. Философское наследие Крымского ханства является важной частью мировой философии; оно определило векторы развития тюрко-мусульманских регионов в последующие времена; ее основа была заложена в процессе исламизации в Золотой Орде, когда были созданы условия для появления религиозных и философских школ. Вместе с тем, существует еще множество произведений философского характера, требующих детального анализа.

Ключевые слова: философская мысль, Крымское ханство, постклассическая философия, Золотая Орда, ислам, калам, этика, экзегеза, герменевтика, суфизм, Михайло Якубович

Для цитування: Абдужемилев Р.Р. Рецензия на книгу: Якубович М.М. Філософська думка Кримського ханства (Философская мысль Крымского ханства) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 666–674. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.666-674

REVIEW OF THE BOOK: YAKUBOVICH M.M. PHILOSOPHICAL THOUGHT OF THE CRIMEAN KHANATE

R.R. Abduzhemilev^{1,2}

¹ *Crimean Engineering and Pedagogical University
Simferopol, Russian Federation*

² *Crimean Research Center, Sh. Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences
Bakhchisaray, Russian Federation
refatimus@gmail.com*

The book “Philosophical Thought of the Crimean Khanate” by Mikhaylo Yakubovich offers a comprehensive study of the religious and philosophical heritage of the Crimean Khanate. It should be mentioned that up to the present there was no such work among the list of available research monographs. There were only some fragmentary works, which did not cover the conceptual essence of the philosophical perspectives and concepts of medieval thinkers whose activity was shaped within the context of the Crimean Khanate. Thus, Mikhaylo Yakubovich’s contribution is obvious and there is no doubt of the work’s significance.

The book consists of a preface, an introduction, seven chapters, conclusions, appendixes, list of illustrations (religious sites, libraries and photocopies of manuscripts), and a bibliography. A wide source-base is evident in the work: the bibliography lists manuscripts from various libraries throughout the world.

In the first introductory chapter, a review of historiography is carried out and the range of sources within the framework of the study is defined. The prehistory of the formation of philosophical thought of the Crimean khanate, namely the origins of its formation back to the Golden Horde era, is outlined in the second chapter. This section presents the hermeneutical aspects of Sharaf ad-Din al-Kyrymi and Ahmad bin ‘Abd Allah al-Kyrymi’s interpretation of the philosophy of Ibn al-‘Arabi and Sadr al-Din al-Kunavi. The third chapter contains biographical information about Ibrahim al-Kyrymi, the specificity of the Qur’anic hermeneutics in his work, as well as the idea of a spiritual journey as viewed from anthropological and historiosophical perspectives. In the fourth chapter, the creativity of Abu’l-Baka’ al-Kafauvi is considered, while also reflecting on the life and scientific heritage of this philosopher, his work “al-Qulliyyat” in the context of Islamic encyclopedic learning, understanding the divine properties (syfat) and the hermeneutic theory in “al-Qulliyyat” (“The Book of General Concepts”). The main issues of the fifth chapter are the perception of Avicennism in the works by Muhammad al-Kafauvi, and ontological and the ethical views of Muhammad al-Akkirmani. The sixth chapter covers a wide area: ideological features of the work “Hadaik al-Ahyar fi Hakaik al-Ahbar” (“The Gardens of the Best among the Essences of the News”), “inner” and “outward” ways of knowing of God in “The Guides for Experts” (“Ariflerin delili”) by Selim Divane Kyrymly, philosophical features of the Sufi exegesis of Hamid ‘Bi-nuva’ Kyrymi, and the mystical outlook of ‘Abd al-Baki al-Hijabi. In the seventh chapter, the researcher focuses his attention on the problem of Isla-

mic apologetics in the works of Crimean authors of the 17th–18th centuries (‘Abd Allah al-Kafauvi, Hasan al-Kafauvi and Kutb ad-Din al-Kyrymi).

Conclusions that can be drawn from M. Yakubovich’s book: there was a distinctive form of philosophical thought in the Crimean Khanate, which, on the one hand, had absorbed the experience and knowledge of the previous generations (primarily based in the classics). On the other hand it had a certain originality; the philosophical heritage of the Crimean Khanate is an important component of the global history of philosophy, revealing the vectors of development for Turkic-Muslim regions in subsequent periods. The basis of the philosophical thought of the Crimean khanate had been laid with the Islamization in the Golden Horde, when conditions were created for the emergence of the religious and philosophical schools. Lastly, one can conclude that there are still plenty of works of a philosophical nature that require detailed analysis.

Keywords: philosophical thought, Crimean khanate, post-classical philosophy, Golden Horde, Islam, qalam, ethics, exegesis, hermeneutics, Sufism, Mikhaylo Yakubovich

For citation: Abduzhemilev R.R. Review of the Book: Yakubovich M.M. Philosophical Thought of the Crimean Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 666–674. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.666-674

Крымское ханство, выгодно располагавшееся в географическом плане, по праву можно считать одним из опорных и стратегических центров мусульманской цивилизации. Исламизация Золотой Орды является точкой отсчета в становлении новой эпохи, определившей вектор научного и духовного развития Евразии на последующие столетия. Распространение ислама в Крыму и в Северном Причерноморье, формирование новых институций, строительство мечетей, текие и медресе, установление тесных контактов с духовно-образовательными центрами мусульманского мира – все эти факторы дали мощный импульс для развития интеллектуальной мысли региона. Философские идеи периода существования Крымского ханства отразились в работах целого ряда мыслителей. С одной стороны, авторы на основе собственных знаний интерпретировали тексты классических исламских философов, а с другой – привносили собственный взгляд на понимание трудов предшествующих времен. В результате, оформилась своеобразная система религиозно-философских воззрений.

Рецензируемая книга представляет собой основательное исследование на практически неизученную ранее тему, проведенное на стыке исламоведения, философии и истории. Автором проведена значительная работа по поиску, систематизации и анализу материалов. В своей работе М. Якубович ретранслирует суть философских идей мыслителей Крымского ханства. До сих пор не было специальных научных исследований подобного характера (как в украинской, так и в зарубежной научной литературе), который бы охватывал широкий круг рукописных текстов. Актуальность темы очевидна, поскольку в условиях современного мира необходим взгляд на философское наследие прошлых эпох в глобальном масштабе. Принимая во внимание многолетние пробелы в изучении всего достояния Крымского ханства, проблему нехватки или отсутствия квалифицированных исследований, сложности в доступе к рукописям, ценность монографии имеет бесспорное обоснование.

Работа представлена солидной в географическом плане источниковой базой: рукописные источники из библиотек Турции (Сулеймание в Стамбуле,

Национальная библиотека в Анкаре, Народные библиотеки в Манисе, Кастамону, Чоруме и др.), Саудовской Аравии (библиотека Мечети Пророка, библиотека университета им. Короля Сауда в Эр-Рияде, библиотека им. короля Абдаллы в университете Умм ал-Кура'), Сирии, Израиля, Ирана, Боснии и Герцеговины, Ватикана, Словакии, Швейцарии (библиотека Базельского университета), США, Японии, Германии, Украины и других стран; ценные материалы из библиотеки Принстонского университета (США). Как указано в аннотации к книге, «значительная часть использованных источников введены в научный оборот впервые в мировой востоковедческой практике» [с. 2].

М. Якубович акцентирует внимание на том, что в исследовании освещены главные достижения мыслителей и религиозных апологетов Крымского ханства. Специфика религиозно-философской мысли Крымского ханства отражается в аспекте эволюции традиций: развитие суфизма от теоретико-антропологического до этико-гуманистического. Для авторов характерна самостоятельность в границах постклассического ислама [с. 16].

По утверждению автора монографии, религиозно-философская традиция играла роль идеологической основы развития общественных отношений в регионе [с. 12]. На пространствах Северного Причерноморья появляются самостоятельные мыслители. Обнаружен целый спектр идей, которые относятся к религиозной практике (этике и экзегетике) и теории (богословским и герменевтическим вопросам). Философское наследие рассматривается в трех направлениях: религиозно-правовая мысль, дискурсивная теология (*калам*) и мистицизм (*тасаввуф*) [с. 12]. Значительное влияние на постклассическую религиозно-философскую мысль оказал суфизм [с. 18]. Одной из наиболее развитых отраслей была «герменевтика», представленная логикой (*мантык*), наукой об основах права (*илм усул ал-фикх*) и диалектикой (*адаб ал-бахс*) [с. 19]. Вместе с воспроизведением идей прошлых времен мыслители привносили нечто новое.

Автор справедливо обрамляет исследуемый феномен Крымским ханством, принимая во внимание общее культурное происхождение авторов, их связь с политической жизнью Крыма и «крымскую идентификацию» [с. 15]. Нисба «ал-Кырыми» обозначала не только выходцев из Крыма, но и из Причерноморских степей (современная Украина).

Методологическими ориентирами для исследования послужили работы западных исламоведов [с. 21]. В книге использована методология логическо-смыслового анализа (А. Смирнова) [с. 20], классическая историко-философская методология (работа с рукописями, реконструкция первоисточника на основе компаративного анализа сохранных рукописей, исследование терминологии, контекстуализация идей), герменевтические методики (соотношение части и целого, контекстуализация, прослеживание интертекстуальных связей) [с. 21–22].

Общий объем монографии – 448 страниц. Книга состоит из предисловия, введения, семи разделов, выводов, приложений, списка иллюстраций (культурные объекты, библиотеки и фотокопии манускриптов), списка использованных источников.

В первом разделе [«Историография и источники к изучению философской мысли в Крымском ханстве»] проведен обзор отечественных (украинских) и зарубежных исследований, посвященных философскому наследию

Крымского ханства. Имеющиеся в наличии работы имеют преимущественно поверхностный характер. В части историографии прослежен полный спектр исследований, представленный именами известных ученых. Отдельное внимание уделено работам современных исламоведов: Х. эл-Рвайгиба, С. Шмидтке, М. Кука, Р. Вишневы, Б. Радтке и др. Выделены источники, входящие в тематику исследования. В поле анализа монографии вошли работы следующих авторов: Абу Бакр Каландар, Ахмад ал-Кырыми, Шараф ад-Дин ал-Кырыми, Ибрагим ал-Кырыми, Абу'л-Бака ал-Кафауви, Мухаммад ал-Кафауви, Мухаммад ал-Аккирмани, Селим Диване Кырымлы и другие. Манускрипты локализованы в библиотеках различных стран (см. выше). Непосредственно список использованных источников разделен на четыре группы [с. 417–445]: неопубликованные источники (рукописи, использованные М. Якубовичем), опубликованные источники, литература (монографии, статьи) и диссертационные исследования.

Второй раздел [«Зарождение философской мысли в золотоордынском Крыму»] ориентирован на раскрытие вопроса об истоках, предпосылках становления философской мысли Крымского ханства. Процесс исламизации Золотой Орды (XIII в.) заложил фундамент для эволюции религиозно-интеллектуальной мысли постордынских юртов. Возводятся первые мечети и медресе в городе Кырым. Освещаются культурные контакты, сложившиеся между Крымом и другими мусульманскими регионами мира. Египет стал «площадкой» для научной самореализации выходцев из Крыма (Дийа' ад-Дин ал-Кырыми, Рукн ад-Дин ал-Кырыми, Шамс ад-Дин ал-Кырыми и др.). По сути, посредством исторического экскурса в прошлое даны подтверждения того факта, что Крым стал одним из центров исламской науки и образования, где имели место среднеазиатские и персидские традиции. Автор подчеркивает, что труды ученых написаны в герменевтическом характере – толкование основ исламского права и хадисоведение. В этических идеях Шараф ад-Дина ал-Кырыми (трактат «Шарх Манар ал-Анвар» / «Комментарий на Маяк светочей», 1407 г.) автор находит продолжение «развития взглядов среднеазиатских матуридитов». Суфизм дал импульс для широкой исламизации Крыма. Персидский язык «Каландар-наме» (Абу Бакра Каландара) свидетельствует о транскультурном характере начального этапа религиозно-философской мысли в Крыму. Интерпретация Ахмадом бин Абд Аллах ал-Кырыми (ум. 1457 г.) философских идей суфийских мистиков, Ибн Араби и Садр ад-Дина ал-Кунави, дана сквозь призму концепции градации бытия в каламе («Насихату л га'имин ва фатихату л-хатимин» / «Наставление для растерянных и ключ к требовательным»).

В третьем разделе [«Философский суфизм Ибрагима ал-Кырыми»] внимание сфокусировано на биографии и творчестве известного крымского суфия – Ибрагима ал-Кырыми. Взгляды Ибрагима ал-Кырыми были обусловлены традициями хальветийского тариката (к которому он принадлежал) и его собственным восприятием ключевых текстов Ибн 'Араби. Для его произведения «Дары Всемилового в познании степеней бытия» характерна четко выраженная авторская линия. Проявляются автобиографические элементы. Идея духовного путешествия в «Дарах Всемилового» показана в

антропологической (12 степеней (*атвар*) в развитии *мурида* (ученика) от идеи единобожия до пантеистического монизма) и историософской перспективе (модель, где в центре – Османское государство). Раскрывается кораническая герменевтика на основе духовного опыта субъекта: интерпретация идеи духовного «восхождения» посредством символики числа «семь», «богоискания» пророка Ибрагима.

Главные философские идеи в творчестве Абу'л-Бака' ал-Кафауви рассмотрены в четвертом разделе [«Абу'л Бака' ал-Кафауви: парадигма постклассического синтеза наук»]. В контексте исламского энциклопедизма важное место занимает труд Абу'л Бака' ал-Кафауви под названием «Ал-Куллийят» («Книга общих понятий»): интерпретация понятий, терминологические значения, использование их в Коране и хадисах, с широким спектром смыслов, новые конфигурации сквозь призму традиционной философии, онтологическая проблематика в русле авиценнизма (философская мысль Ибн Сины). С позиции калама выделена проблема понимания божественных свойств (*сыфат*) в «умеренно-рациональной» интерпретации, значительное внимание отводится к проблеме соотношения сущности и атрибутов. Герменевтическая теория ал-Кафауви заключалась в определении «границ понимания» в осмыслении текстов (вероятные значения). Герменевтические положения Абу'л-Бака' ал-Кафауви служили методологией для понимания проблем калама.

В пятом разделе [«Рационализм Мухаммада ал-Кафауви (ум. 1754 / 1755 г.) и Мухаммада ал-Аккирмани (ум. 1761 г.)»] исследуется рецепция авиценнизма в работах Мухаммада ал-Кафауви, онтологические и этические взгляды Мухаммада ал-Аккирмани. В творчестве этих философов прослеживается соприкосновение граней традиционного авиценнизма и реформированного кадизаделизма, критическое отношение к современности. Оба автора принадлежали к матуридской традиции, следовали религиозному идеалу кадизаделизма (подход к интерпретации исламских доктрин), игнорировали суфизм. Их «онто-теологические» взгляды не сводились к повторению истин: категориальный анализ Мухаммада ал-Кафауви, философский подход к пониманию вопросов единобожия (*рубубийя* – Бог как единственный Творец мира, *'убудийя* – Бог как единственный и исключительный объект поклонения).

Шестой раздел [«Теория и практика суфизма в творчестве крымских авторов XVII–XVIII вв.»] охватывает философские воззрения четырех авторов: Абу'ль-Файда ал-Кафауви, Селима Дивване Кырымлы, Хамида 'Би-нува' Кырыми, 'Абд ал-Баки ал-Хиджаби. Специфика философской системы указанного хронологического отрезка: переход от теории к практике; поступательная утрата суфизмом идеологического значения; этические вопросы; опора на собственный опыт мировосприятия; обращение к актуальной действительности; минимальное число ссылок на других авторов и отсутствие долгих цитат; «внешний» и «внутренний» (*загир* – *батын*) пути богопознания («Арифлерин делили» / «Путеводитель для знатоков» Селима Дивване Кырымлы, ум. 1757 г.); идея исправления человеческой природы как совокупности иррациональных сил; необходимость рационального и сознательного отно-

шения к действительности; гуманизм и духовная направленность, моральная основа в любви к Богу; мистическое мировоззрение ('Абд ал-Баки ал-Хиджаби, ум. 1822 г.).

Религиозно-философские идеи 'Абд-Аллаха ал-Кафауви, Ахмада бин Хасан ал-Кафауви и Кутб ад-Дина ал-Кырыми представлены в седьмом разделе [«Исламская апологетика в творчестве крымских авторов XVII–XVIII столетий»]. Характеристика наследия перечисленных мыслителей: знания о рациональных науках и критическое отношение к типичным постклассическим развязкам философских проблем («Рисале фи фунун ас-ситта» / «Послание о шести науках» 'Абд-Аллаха ал-Кафауви); обращение к сакральным текстам и поиски четких ответов на пространные вопросы прошлого (Ахмад бин Хасан ал-Кафауви и Кутб ад-Дин ал-Кырыми); обращение к действительности и выяснение причин деградаций; заинтересованность первоисточниками; игнорирование наследия суфизма; сохранение научных традиций прошлого (использование арабского языка).

Основные тезисы М. Якубовича, резюмирующие исследование: «...Религиозно-философское наследие Крымского ханства, сформировавшись в условиях тесного взаимодействия с среднеазиатской, персидской и малоазиатскими интеллектуальными традициями XIV–XVIII веков, в значительной мере зависела от общественных, политических и культурных процессов, которые происходили в Северном Причерноморье...» [с. 373]; «...Индивидуальное осмысление классических подходов и их интерпретация уже в новом контексте привели к открытию новых линий развития постклассических традиций в Крымском ханстве...» [с. 374]; «...религиозно-философское наследие Крымского ханства можно считать одной из самых динамичных традиций постклассической исламской философской мысли, где основательная осведомленность в классике сочеталась с новаторскими интеллектуальными подходами...»; «...Крымское ханство было одним из мощных центров исламской духовной и интеллектуальной жизни того периода. Генерируя новые смыслы, религиозно-философская традиция Крымского ханства сделала свой вклад в дальнейшее развитие идеологии тюркско-мусульманских сообществ, в частности постосманского пространства» [с. 374].

Книга подкреплена приложениями – фрагменты из трудов философов в переводе исследователя из арабского языка на украинский [с. 375–413]: разрешение на преподавание (иджаза) Ахмаду ал-Кырыми, выданное в 1404 году в Крыму Ибн ал-Баззазом; Ахмад ибн Абдалла ал-Кырыми, «Наставление для растерянных и ключ для требовательных» (фрагмент); Ибрагим ал-Кырыми, «Дары Милостивого в пояснении уровней бытия» (фрагменты); Абу'л-Бака ал-Кафауви, «Книга общих понятий» (фрагменты); Мухаммад ал-Кафауви, толкование «Послания о запутанных словах» ал-Биркауви.

В работе приведены фактографические материалы из истории исламской философской мысли. Автор демонстрирует познания как из общей философии, так и в области исламской философии, находит отличия и проводит параллели. Работа написана с учетом хронологической последовательности, характерна логичность и точность изложения.

Автор ссылается на работы авторитетных ученых, использует сведения из современных исследований, приводит различные научные позиции. Источники, цитируемые в книге, отражают современную точку зрения на исследуемую проблему. Автор, безусловно, углубляет представление об исследуемом явлении, очерчивает общую характеристику философской мысли Крымского ханства, выявляет отличия от философской мысли классического времени. Суммируя все имеющиеся в распоряжении знания, М. Якубович преподносит общий научный взгляд на рассматриваемую проблему, приходит к выводам, подтвержденным фактическим материалом, представляет свою точку зрения на отдельные вопросы.

Книга написана на высоком академическом уровне, о чем свидетельствует многообразие терминов (арабская лексика). Особенно стоит отметить то, что в филологическом аспекте уделено внимание толкованию терминов, поскольку работа выстроена с использованием значительного количества понятий религиозного содержания. Некоторые примеры: «тафсир» («пояснение»), «таувиль» («толкование»), «кашф» («открытие»), «истинбат» («пояснение внутренних смыслов») [с. 133]; «вуджуб» – это «логически необходимая потребность индивидуальной сущности и ее свершения во внешнем»; «дарура» – «утверждение субъекта относительно предиката» [с. 188].

Таким образом, монография «Философская мысль Крымского ханства» в значительной степени восполняет те пробелы, которые существовали до определенного времени в отношении интеллектуальной и духовной жизни Крымского ханства. Безусловно, невозможно охватить весь круг вопросов в рамках одной книги. Тем не менее автору удалось расставить акценты и выделить основные моменты, характеризующие философскую мысль Крымского ханства. Большая заслуга автора заключается в его попытке интерпретировать философские воззрения мусульманских мыслителей Крымского ханства для современной читательской аудитории. В исследовании рассмотрены концептуальные стороны философии Крымского ханства. Следует констатировать, что в контексте мирового мусульманского наследия в границах владений Крымского ханства сформировалась своеобразная философская мысль с прочной идеологической основой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якубович М.М. Філософська думка Кримського ханства: Монографія. Київ: КОМОРА, 2016. 448 с.

Справка: Михайло Якубович (1986) – востоковед, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального университета «Острожская академия». Автор полного перевода Корана на украинский язык, а также многих публикаций по вопросам исламской философии в украинских и зарубежных академических журналах. Выступал с лекциями и докладами в университетах Бельгии, Беларуси, Ирана, Германии, Польши, России, Саудовской Аравии, США, Турции и др.

Сведения об авторе: Рефат Рустем оглы Абдуземилев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма Крымского инженерно-педагогического университета (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым, Российская Федерация); младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (298401, ул. Басенко, 57 «Л», Бахчисарай, Крым, Российская Федерация). E-mail: refatimus@gmail.com

Поступила 25.05 .2017 Принята к публикации 18.08.2017

Опубликована 30.09.2017

REFERENCES

1. Yakubovich M.M. *Filosofs'ka dumka Krims'kogo khanstva: Monografiya* [Philosophical Thought of the Crimean Khanate. A Monograph]. Kyiv, KOMORA, 2016. 448 p. (In Ukrainian)

About the author: Refat R. Abduzhemilev – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Research Institute of Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea, Crimean Engineering and Pedagogical University (8, Uchebnyy per., Simferopol 295015, Crimea, Russian Federation); Research Fellow, Crimean Scientific Center of Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (57 «L», Basenko Str., Bakhchisaray 298401, Crimea, Russian Federation). E-mail: refatimus@gmail.com

Received May 25, 2017 Accepted for publication August 18, 2017

Published September 30, 2017

ХРОНИКА

УДК 94(57)+94(574)"13/17"

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.675-681

**III ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
(С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
«ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ»,
КУРГАН, 21–22 АПРЕЛЯ 2017 Г.**

Д.Н. Маслюженко¹, С.Ф. Татауров²

¹ *Курганский государственный университет
Курган, Российская Федерация
denmas13@yandex.ru*

² *Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
Омск, Российская Федерация
tatsf2008@rambler.ru*

В статье подводятся итоги работы III Всероссийской научной конференции (с международным участием) «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири», которая состоялась в городе Кургане 21–22 апреля 2017 года. В работе конференции приняли участие 32 исследователя из России, Казахстана, Украины и Кыргызстана.

Первый круглый стол был посвящен «Западной Сибири и Шибанидам в ордынский период (XIII–XIV в.)». Особое внимание было обращено на проблемы источниковедения истории этой династии, локализации территории и границ ее владений, возможности претензий иных чингизидских династий на территорию Юго-Западной Сибири, а также участие Шибанидов в событиях Великой Замятни и степных междоусобиц 1420-х годов.

Второй круглый стол был связан с историей «Тюменского и Сибирского ханств и их соседей (XV–XVI в.)». Большая часть докладов была связана с международными отношениями на постордынском пространстве, в том числе русско-сибирскими и сибирско-бухарскими взаимодействиями. Были рассмотрены возможности изучения имагологии хана Кучума и ее соотношения с историческими реалиями, вопросы взаимодействия центральной власти и региональных элит при хане Кучуме, а также отдельные проблемы историографии. Исследователи в очередной раз отметили необходимость комплексного подхода с привлечением к исследованиям специалистов в области истории, археологии, этнографии, антропологии, лингвистики. Было обращено внимание на постепенное сокращение археологических исследований позднесредневековых памятников Западной Сибири.

В рамках третьего круглого стола рассматривались вопросы истории «Тюркского населения Юго-Западной Сибири в конце XVI–XVII в.».

Значительное число докладов в очередной раз поднимали вопрос о роли на этой территории потомков хана Кучума, в том числе как фактора сопротивления местного населения русской власти. Перспективными являются исследования истории аялыньских и ичкинских татар на основе комплексного архивного и этнографического изучения, а также применения русских источников к изучению расселения тюркских групп населения За-

падной Сибири. Дискуссия развернулась по вопросам сибирского ислама в XVII–XVIII веках, а также в целом этапов исламизации сибирского населения.

Ключевые слова: научная конференция, Шибаниды, Тюменское ханство, Сибирское ханство, Кучумовичи

Для цитирования: Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. III Всероссийская научная конференция (с международным участием) «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири», Курган, 21–22 апреля 2017 г. // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 675–681. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.675-681

**THE THIRD ALL-RUSSIAN RESEARCH CONFERENCE
(WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION)
“HISTORY, ECONOMICS AND CULTURE OF THE MEDIEVAL TURKIC-
TATAR STATES OF THE WESTERN SIBERIA”, KURGAN, 21–22 APRIL, 2017**

D.N. Maslyuzhenko¹, S.F. Tataurov²

*¹ Kurgan State University
Kurgan, Russian Federation
denmas13@yandex.ru*

*² Omsk Division of Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Omsk, Russian Federation
tatsf2008@rambler.ru*

The article summarises the work of the Third all-Russian research conference (with international participation) “History, Economics and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of the Western Siberia”, which was held in the city of Kurgan on April 21–22, 2014. In total, 32 researchers from Russia, Kazakhstan, Ukraine and Kyrgyzstan took part in the conference.

The first roundtable was dedicated to the topic “Western Siberia and the Shibanids during the period of the Golden Horde (13th–14th centuries)”. Special attention was given to the problems of source studies of the history of this dynasty, the localisation of the territory and borders of the Shibanids’ possessions, the possibility of other Chingisid dynasties’ claims to the territory of southwestern Siberia, and the Shibanids’ engagement in the events of Great Zamyatnya and the steppe feuds of the 1420s.

The second roundtable was linked to the history of “The Tyumen and Siberian Khanates and Their Neighbours (15th–16th centuries)”. The greater part of the talks was dedicated to international relations in the post-Horde era and in its former territories, including Russian-Siberian and Siberian-Bukharian interactions. The possibility of the investigation of Kuchum Khan’s imagology and its relationship with historical realities, the issues of interaction between the central government and regional elites during Kuchum Khan’s reign, and some problems of historiography were considered at the conference. The researchers again noted the need for an interdisciplinary approach combining the involvement of specialists in history, archaeology, ethnography, anthropology, and linguistics. Special attention was drawn to the phase-down of archaeological research of the late medieval sites of western Siberia.

In the framework of the third roundtable, the issues of the history of “Turkic Population of the southwestern Siberia in the end of the 16th–17th centuries” were considered.

A significant number of talks once again raised the question of the role of Kuchum Khan's descendants as a factor in the local population's resistance to the Russian government. Especially promising are studies of the history of Ajalynskie and Ichkinskie Tatars on the basis of a comprehensive archival and ethnographic research, as well as the usage of Russian sources to the study of the resettlement of the Turkic populations of western Siberia. Discussions were held on the matters of Siberian Islam in the 17th–18th centuries, as well as on the progressive stages of the Islamization within the Siberian population.

Keywords: reseacrh conference, Shibanids, Tyumen khanate, Siberian khanate, Kuchum Khan's descendants

For citation: Maslyuzhenko D.N., Tataurov S.F. The Third All-Russian Research Conference (with International Participation) "History, Economics and Culture of the Medieval Turkic-Tatar States of the Western Siberia", Kurgan, 21–22 April, 2017. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 675–681. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.675-681

С появлением периодической научной конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири», впервые проведенной в 2011 году на базе Курганского государственного университета совместно с Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН, изучение средневековых тюрко-татарских государственных образований в Западной Сибири получило серьезный импульс для развития. Этот тезис мы с полным основанием можем утверждать после проведения III Всероссийской научной конференции (с международным участием) в г. Кургане, к организации которой присоединился Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ.

Обсуждение докладов на конференции было разделено на три последовательных круглых стола: «Западная Сибирь и Шибаниды в ордынский период (XIII–XIV в.)», «Тюменское и Сибирское ханства и их соседи (XV–XVI в.)», «Тюркское население Юго-Западной Сибири в конце XVI–XVII в.».

В целом, подводя итоги, можно отметить, что прошедший 21–22 апреля 2017 г. научный форум не просто собрал наибольшее в сравнении с предыдущими конференциями количество ученых Российской Федерации и сопредельных государств, принявших очное участие в заседаниях, но и продемонстрировал целый ряд новых межгосударственных и междисциплинарных исследований. Некоторые из них получили развитие благодаря результатам заседаний прошлых лет в г. Кургане. В работе конференции в очном или заочном виде приняли участие 32 ученых из академических, вузовских и музейных центров Екатеринбурга, Казани, Кургана, Москвы, Нижневартовска, Новосибирска, Омска, Салехарда, Тобольска, Томска, Тюмени, Ханты-Мансийска, Челябинска, Шадринска, а также Астаны и Кокшетау (Казахстан), Бишкека (Кыргызстан) и с. Опошное (Украина). Доклады, поступившие в установленный срок, вошли в сборник материалов конференции, изданный к ее началу (Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2017, 136 с.).

Прежде всего, расширилось представительство зарубежных участников. Если в предыдущие годы международное участие ограничивалось учеными

республики Казахстан и Украины, то в 2017 году к ним добавились ученые Кыргызстана. Можно констатировать, что научные связи распавшегося СССР, утраченные в 90-х годах прошлого века, восстанавливаются на новом уровне. На базе сформировавшихся национальных центров независимых государств формируются программы по изучению государственных образований эпохи средневековья, этнической истории традиционного населения и их культурного развития. В этом плане знаковым стал доклад директора Института этнологии республики Кыргызстан Т.А. Акерова и доцента Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева Республики Казахстан Ж.М. Сабитова «Военно-политическая деятельность золотоордынского Пулат-хана на востоке Улуса Джучи по данным Маджму ат-Таварих», который стал возможным в результате объединения источников и научного потенциала ученых этих государств.

Существенно расширилась проблематика докладов конференции по территории и хронологии исследований. Большее значение стало придаваться выявлению истоков формирования тюрко-татарской государственности в рамках монгольского и золотоордынского периодов истории, что связано и с этапами формирования тюркоязычного населения Западной Сибири. Этому периоду истории династии Шибанидов были посвящены доклады А.В. Парунина ««Чингиз-наме» как источник по истории Золотой Орды» и Е.И. Сорогина, которым был поднят вопрос о специфике взаимоотношений между Шибанидами и темником Мамаем в период Великой Замятни. Особое внимание было обращено на «Проблему локализации и границ улусных владений Шибанидов XIII–XIV в.» (А.К. Кушкумбаев) и «Юго-Западную Сибирь в составе Улуса Джучи» и ее династийную принадлежность (Д.Н. Маслюженко), что свидетельствует о нерешенности многих вопросов географической локализации шибанидских владений. А.В. Аксанов в выступлении «К вопросу о власти Шибанидов в Булгарском улусе накануне образования Казанского ханства» еще раз обратился к вопросу о роли представителей этой династии на территории Поволжья в первой четверти XV века. Во время обсуждения этих докладов было отмечено все более значительное внимание исследователей шибанидской истории к изучению устных источников (т.н. «произведения устной степной историологии», шежере и эпические песни).

Особенностью данной конференции можно считать акцентированность докладов на дипломатических отношениях сибирских ханов, их внешней политике с Казахскими ханствами, с Бухарским и Московским государствами, в меньшей степени – угорскими княжествами. Большим подспорьем в изучении таких исторических фактов и событий стал ввод в научный оборот новых архивных документов, которые отражают всю сложность политических отношений эпохи. Эти материалы иллюстрируют традиционность социально-экономических отношений между народами Сибири, Средней Азии и Европы. Именно в этот период складывались основы взаимоотношений, которые сохраняются и по настоящее время. Причем многие документы касаются исторических моментов XVII в., связанных не столько с сибирскими ханствами, сколько с событиями отражающими судьбу населения этих государств и их правящей элиты. В связи с этим большая дискуссия раз-

вернулась после доклада С.Ф. Татаурова (г. Омск) «Бухара – Искер – союзничество, зависимость или вассалитет?», в котором на основании археологии были показаны конкретные особенности сибирско-бухарских связей.

Блок докладов традиционно был посвящен взаимоотношениям Московского государства и Сибирского ханства, начиная со времени, предшествующего походу Ермака, и заканчивая последними всплесками сопротивления местных народов новой российской администрации. Причем рассматривался очень широкий круг вопросов – от политических межгосударственных аспектов взаимоотношений до регулирования религиозных и социально-экономических вопросов. Доклады Б.Р. Рахимзянова «Казанский и Сибирский юрты в аннексионных планах Москвы», Д.М. Исхакова «Арские князья на службе у московских государей: походы в Сибирь», В.В. Пестерева «Вести» с фронта: аларм-эффект присутствия Кучумовичей в русском порубежье», Д.А. Васькова «Посольские отношения между русской администрацией в Сибири и царевичем Девлет-Гиреем в 1644–1650 гг.», В.Д. Пузанова «Спорные вопросы истории башкирского восстания 1662–1667 года» и Е.А. Рябининой «Последние Кучумовичи на юге Западной Сибири в 1670–80-х гг.» позволили во многом переосмыслить многие устоявшиеся мнения относительно конкретных вопросов по данной тематике. В то же время исследователи еще раз обратили внимание на то, что по большинству вопросов истории XVII века мы обладаем только русскими источниками, что несколько ограничивает возможности реконструкции. Кроме того, несмотря на работы последнего времени, все еще не решен вопрос о степени влияния Кучумовичей на русскую политику в Юго-Западной Сибири, а высказанные в ходе дискуссии точки зрения были абсолютно полярными.

В.В. Меншиков подвел определенные итоги «Досоветской отечественной историографии истории западносибирской тюрко-татарской историографии», обратив внимание на значительные отличия между собственно авторскими точками зрения и их оценками в советской исторической науке. Отдельные авторы попытались предложить новые методы в изучении сибирской государственности. Так, И.Р. Нигматзянов предпринял сравнение «Имагологии хана Кучума в Есиповской летописи и исторических реалий», а С.А. Чернышов рассмотрел «Проблемы отношений центральной власти и региональные элит в Сибирском ханстве накануне русской колонизации». Несмотря на привлекательность постановки последней проблемы, участники конференции обратили внимание на то, что ее нельзя рассматривать вне общих тенденций постордынского мира, а также на некоторые противоречия между предложенной теоретической моделью и данными письменных источников.

Два доклада были посвящены вопросам сибирского ислама. В выступлении А.П. Яркова был рассмотрен «XVII век Сибирь. Ислам и государственность», а З.А. Тычинских обратила внимание на роль тобольских ахунов XVIII века в сохранении ислама. Эти проблемы вызвали в целом дискуссию об истории и этапах исламизации Западной Сибири, реальности и мифологичности событий 1395/6 г., мусульманском характере Сибирского ханства, хронологии сибирских астана и возможности выявления следов ислама на основе археологических данных. В обсуждении этих и некоторых

других вопросов приняли участие представители Конгресса татар Курганской области. В целом это показало живой интерес к этим вопросам со стороны как представителей уммы, так и исследователей.

К существенным позитивным моментам конференции следует отнести начавшиеся в рамках изучения тюрко-татарских государственных образований архивные и этнографические исследования некоторых групп сибирских татар, вынужденных сменить свое место жительства после прекращения существования Сибирского ханства. В данном случае речь идет об ичкинских и аялыньских татарах, в разное время и разными путями переселившихся на юг Западной Сибири, в том числе на Исеть. Это отразилось в докладах Г.Х. Самигулова «Расселение и социальная организация тюрков Зауралья XVII века и некоторые наброски к реконструкции ситуации предшествующего периода» и С.Ф. Татаурова «Этносоциальные связи исетских и прииртышских татар в XVI–XVIII вв.». Была подчеркнута необходимость организации полевых этнографических исследований ичкинских татар Курганской области совместными усилиями специалистов из Омска и Казани.

К сожалению, прошедшая конференция продемонстрировала постепенное сокращение археологических исследований, что, как нам представляется, свидетельствует о состоянии современной сибирской средневековой археологии. Необходимо отметить, что при серьезном недостатке письменных источников воссоздание истории тюрко-татарских государств Западной Сибири без привлечения археологических и в перспективе нумизматических материалов весьма проблематично. Остается только надеяться на понимание руководства научных учреждений Российской Федерации значимости данной проблемы. Археологические материалы, относящиеся к истории сибирских тюрко-татарских государственных образований, прозвучали в сообщениях С.С. Тихонова «О возможности использования русских письменных материалов для интерпретации данных археологических раскопок позднесредневековых памятников Западной Сибири», уже указанном выше докладе С.Ф. Татаурова о сибирско-бухарских связях и выступлении А.А. Адамова «Земледелие сибирских татар XIII–XVIII вв.». Близкие проблемы были подняты в совместном докладе Н.В. Перцева и А.Н. Сабарова «Аборигенные городки Нижнего Приобья в конце XVI–XVII вв. (из опыта создания исторической карты)», которые на основании данных чертежей С.У. Ремезова попытались выявить известные угорские городки как основу для их дальнейшего археологического исследования.

Прошедшая в апреле 2017 года конференция в очередной раз показала значимость диалога между историками, археологами и этнографами, а также подчеркнула роль западносибирских материалов в изучении формирования и развития всего мира тюрко-татарской государственности, складывания единой картины расселения тюркоязычного населения в лесостепной и южнотатаежной зонах Северной Евразии. Расширение географии участников научного форума и диапазона исследований позволяет с оптимизмом смотреть в будущее и ожидать очередной IV конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири» в 2020 году в г. Кургане.

Сведения об авторах: Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Курганский государственный университет, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>, **ResearcherID:** J-9551-2017 (640020, ул. Советская, 63, корпус 4, Курган, Российская Федерация). E-mail: denmas13@yandex.ru

Сергей Филиппович Татауров – кандидат исторических наук, доцент, руководитель сектора археологии, Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии, Омский государственный университет им Ф.М. Достоевского (644023, проспект Карла Маркса, 15/1, Омск, Российская Федерация). E-mail: tatsf2008@rambler.ru

*Поступила 02.06.2017 Принята к публикации 25.08.2017
Опубликована 30.09.2017*

About the authors: Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Dean of the Historical Faculty, Kurgan State University, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>, **ResearcherID:** J-9551-2017 (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation). E-mail: denmas13@yandex.ru

Sergey F. Tataurov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of archeological sector, Omsk Division of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of ethnology, anthropology, archeology and museology, Dostoevsky Omsk State university (15/1, Karl Marx Avenue, Omsk 644023, Russian Federation). E-mail: tatsf2008@rambler.ru

*Received June 2, 2017 Accepted for publication August 25, 2017
Published September 30, 2017*

**ОТЧЕТ О МЕЖДУНАРОДНОМ СЕМИНАРЕ
«СВЯЗУЮЩИЕ СТРУКТУРЫ, РЕГИОНЫ И ИНСТИТУТЫ
В МОНГОЛЬСКОЙ ЕВРАЗИИ: МЕЗО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»,
ИЕРУСАЛИМ, 17–18 МАЯ 2017 ГОДА**

Роман Хаутала^{1,2}

¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

² *Университет Оулу
Оулу, Финляндия
romanhautala@gmail.com*

Данная заметка содержит отчет о международном семинаре «Связующие структуры, регионы и институты в монгольской Евразии: мезо-исторический анализ» (“Networks, Regions and Institutions in Mongol Eurasia: A Meso-Historical Analysis”), проведенном 17–18 мая 2017 года в Еврейском университете в Иерусалиме с участием исследователей из Израиля, Японии, Великобритании, США, России, Китая, Венгрии и Финляндии. Главной целью семинара было раскрыть потенциал «мезо-исторического анализа» в изучении Монгольской империи, заключающегося в одновременном рассмотрении глобальных изменений в Евразии, вызванных созданием империи Чингиз-хана, и влияния этих изменений на каждый ее отдельный регион, зафиксированного первичными источниками.

В первый день семинара (17 мая) профессор Токийского университета Акинобу Курода (Akinobu Kuroda) представил вечернюю лекцию «Глобальная монетарная история монгольской Евразии: Мезоскопическая перспектива» с общим анализом монетарной системы Монгольской системы и уделением особого внимания влиянию прилива китайского серебра в улус Джучи на активизацию международной торговли в Золотой Орде в 40-х годах XIV века.

На следующий день (18 мая) были прочитаны доклады на нескольких секциях, посвященных связующим структурам в Монгольской империи, децентрализации империи в мезо-масштабных регионах, западным улусам Монгольской империи и «Закону как мезо-институту».

Суммируя, следует отметить, что данный семинар в очередной раз показал важность сравнения исследований различных регионов обширной Монгольской империи для понимания разнообразных аспектов ее истории.

Ключевые слова: международный семинар, история Монгольской империи, мезо-исторический анализ, первичные источники, международное сотрудничество

Для цитирования: Хаутала Р. Отчет о международном семинаре «Связующие структуры, регионы и институты в монгольской Евразии: мезо-исторический анализ», Иерусалим, 17–18 мая 2017 года // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 5, № 3. С. 682–686. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.682-686

**REPORT ON THE INTERNATIONAL WORKSHOP “NETWORKS,
REGIONS AND INSTITUTIONS IN MONGOL EURASIA:
A MESO-HISTORICAL ANALYSIS”, JERUSALEM, 17–18 MAY, 2017**

Roman Hautala^{1,2}

¹ *Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

² *University of Oulu
Oulu, Finland
romanhautala@gmail.com*

On May 17–18, 2017, an international workshop “Networks, Regions and Institutions in Mongol Eurasia: A Meso-Historical Analysis” was held at the Hebrew University in Jerusalem with the participation of researchers from Israel, Japan, Britain, United States, Russia, China, Hungary and Finland. The main goal of the workshop was to reveal the potential of the “meso-historical analysis” in the study of the Mongol Empire, including the simultaneous consideration of global changes in Eurasia caused by the creation of the empire of Chinggis Khan, and the impact of these changes on each of its separate regions as recorded in the available primary sources.

The keynote speech by Akinobu Kuroda (The University of Tokyo) was entitled “A Global Monetary History of Mongol Eurasia: A Mesoscopic Perspective”.

The first panel “Networks of the Empire and Beyond” included the following talks:

Yoichi Isahaya (The Hebrew University of Jerusalem), “Hulaguid Appanages as Mesoscale Agency in Cross-Cultural Exchange”;

Elizabeth Lambourn (De Montfort University), “Mongol Eurasia at Sea: Peninsular South India in Networks of Maritime Trade and Tribute (Thirteenth and Fourteenth Centuries)”.

In the framework of the second panel “Decentralizing the Empire through Mesoscale Regions” the following talks were presented:

Francesca Fiaschetti (The Hebrew University of Jerusalem), “Empires within the Empire: Governance and Dynastic Space in Eastern Eurasia under Mongol Rule”;

Christopher Eirkson (University of Pittsburgh), “Mongol Appanages and Ming Chinese Frontier Princedoms: A Comparison of Autonomous Territorial Units in Northern China, 1200–1500 CE”;

Nikolay Kradin (Russian Academy of Sciences), “North-Eastern Margin of Mongolian Empire: Hinterland Urbanization of Chinggis Khan Brother”.

The third panel “Sources Narrate Eurasia” saw presentations by:

Roman Hautala (Tatarstan Academy of Sciences), “Catholic Missionary Sources on the Everyday Life in the Golden Horde (First Half of the 14th Century)”;

Stephen Pow, (CEU University) “What a Source Says, When It Says Nothing at All: Extracting Information from Jochi Khan’s Biography in the 117th Chapter of the Yuan Shi”;

Jonathan Brack (The Hebrew University of Jerusalem), “How the Dead Mattered in Ilkhanid Iran? The Local and the Global in Rashid al-Din’s Three Refutations of Reincarnation”.

In the framework of the final fourth panel “Law as a Meso-Institution” the following talks were presented:

Khohchahar E. Chuluu (The University of Tokyo), “Law, Institutions, and Justice in the Mongol Empire”;

Florence Hodous (Renmin University), “Joint Trials as a Key to Local History and Empire-Wide Dynamics”;

Edith Chen (Princeton University), “Justice of the Khan: Writing the Lives of the Jarqučis in the Yuan Shi”.

Keywords: international workshop, history of the Mongol Empire, meso-historical analysis, primary sources, international collaboration

For citation: Hautala R. Report on the International Workshop “Networks, Regions and Institutions in Mongol Eurasia: A Meso-Historical Analysis”, Jerusalem, 17–18 May, 2017. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 682–686. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.682-686

17–18 мая 2017 года в Еврейском университете в Иерусалиме был проведен международный семинар «Связующие структуры, регионы и институты в монгольской Евразии: мезо-исторический анализ» (“Networks, Regions and Institutions in Mongol Eurasia: A Meso-Historical Analysis”) с участием исследователей из Израиля, Японии, Великобритании, США, России, Китая, Венгрии и Финляндии. Главной целью семинара было раскрыть потенциал «мезо-исторического анализа» в изучении Монгольской империи, заключающегося в одновременном рассмотрении глобальных изменений в Евразии, вызванных созданием империи Чингиз-хана, и влияния этих изменений на каждый ее отдельный регион, зафиксированного первичными источниками.

В своем основном выступлении 17 мая под названием «Глобальная монетарная история монгольской Евразии: Мезоскопическая перспектива» (“A Global Monetary History of Mongol Eurasia: A Mesoscopic Perspective”) профессор Токийского университета Акинобу Курода (Akinobu Kuroda) представил общий анализ монетарной системы Монгольской системы и уделил особое внимание влиянию прилива китайского серебра в улус Джучи на активизацию международной торговли в Золотой Орде в 40-х годах XIV века.

Следующий день 18 мая был начат секцией, посвященной связующим структурам в Монгольской империи. В частности, Йоичи Исахая (Yoichi Isahaya) из Еврейского университета представил доклад «Хулагуидские уделы как мезо-масштабный фактор в кросс-культурном обмене» (“Hulaguid Arranages as Mesoscale Agency in Cross-Cultural Exchange”) с указанием на то влияние, которое имели хулагуидские уделы в Юаньской империи на осуществление политических и культурных обменов между Персией и Китаем в XIII и XIV веках.

Далее Элизабет Ламбурн (Elisabeth Lambourn) из британского университета Монтфорта выступила с докладом «Монгольская Евразия в море: Континентальная южная Индия в связующих структурах торговли и дани (XIII и XIV века)» (“Mongol Eurasia at Sea: Peninsular South India in Networks of Maritime Trade and Tribute (Thirteenth and Fourteenth Centuries)”), указав на важность персидской эмиграции в Индию, вызванной монгольской экспансией и способствовавшей распространению иранского влияния на Индийском полуострове.

Отдельная секция была посвящена «Децентрализации империи в мезо-масштабных регионах» и в частности была открыта докладом Франчески Фьяскетти (Francesca Fiaschetti) «Империи внутри империи: правление и династическое пространство в восточной Евразии под монгольской властью» (“Empires within the Empire: Governance and Dynastic Space in Eastern Eurasia

under Mongol Rule”), в рамках которого исследовательница из Еврейского университета представила процесс монгольского завоевания южного Китая и северного Вьетнама путем создания со стороны представителей военного командования полунезависимых от Юаньской империи уделов.

Следующий доклад секции «Монгольские уделы и китайские приграничные княжества Минь: сравнение автономных территориальных единиц в Северном Китае, 1200–1500» (“Mongol Appanages and Ming Chinese Frontier Princedoms: A Comparison of Autonomous Territorial Units in Northern China, 1200–1500 CE”) Кристофера Эриксона (Christopher Eirkson) из университета Питтсбурга был посвящен рассмотрению прямых административных заимствований Миньской династии из предыдущей империи Юань в своем управлении северными территориями, граничившими с монголами.

Секция была завершена докладом «Северо-восточный предел Монгольской империи: урбанизация отдаленных владений брата Чингиз-хана» (“North-Eastern Margin of Mongolian Empire: Hinterland Urbanization of Chinggis Khan Brother”) Николая Крадина, в котором известный российский исследователь представил результаты своих археологических изысканий городских центров во Внутренней Монголии и Забайкалье.

В рамках последовавшей затем секции были представлены доклады, касавшиеся западных улусов Монгольской империи. Роман Хаутала из Института истории Академии наук Татарстана выступил с докладом «Католические миссионерские источники о повседневной жизни в Золотой Орде (первая половина XIV века)» (“Catholic Missionary Sources on the Everyday Life in the Golden Horde (First Half of the 14th Century)”), указав на то, как дипломатические отношения между золотороодыным ханом Узбеком и Авиньонской курией способствовали разворачиванию католической миссионерской деятельности в улусе Джучи и соответствующему развитию контактов францисканцев с местным населением, зафиксированных латинскими источниками.

Стивен Поу (Stephen Pow) из Центрально-Европейского университета выступил с докладом под названием «Что говорит источник, когда он совсем ничего не говорит: информация, извлеченная из биографии хана Джучи в 117-ой главе Юань ши» (“What a Source Says, When It Says Nothing at all: Extracting Information from Jochi Khan’s Biography in the 117th Chapter of the Yuan Shi”), представив те возможности, которые предоставляет анализ китайских источников и отчетов западных путешественников по Монгольской империи для уточнения степени интенсивности контакта имперского управления в Каракоруме со своими армиями, занятыми завоеваниями на далеком Западе.

Наконец с завершающим докладом данной секции под названием «Какое значение имел покойный в Ильханидском Иране? Локальное и глобальное в трех опровержениях реинкарнации Рашид ад-дина» (“How the Dead Mattered in Ilkhanid Iran? The Local and the Global in Rashid al-Din’s Three Refutations of Reincarnation”) Джонатан Брак (Jonathan Brack) из Еврейского университета представил критику Рашид ад-дином буддистской доктрины, содержащуюся в его «Сборнике летописей», как пример межрелигиозного диалога в Хулагуидском Иране.

Последняя секция «Закон как мезо-институт» была открыта докладом «Закон, институты и правосудие в Монгольской империи» (“Law, Institutions,

and Justice in the Mongol Empire”) Хохчахара Чулуу (Khohchahar Chuluu), в рамках которого исследователь из Токийского университета рассмотрел функционирование предположительно единой имперской правовой системы в условиях отдельных регионов Монгольской империи.

Следующий доклад Флоренс Ходус (Florence Hodous) из Китайского народного университета под названием «Совместные судебные разбирательства как ключ к пониманию локальной истории и динамики на имперском уровне» (“Joint Trials as a Key to Local History and Empire-Wide Dynamics”) был посвящен функционированию правовой системы в Юаньской империи при одновременном привлечении имперских чиновников и представителей локальных сообществ.

Данная секция, как и весь семинар, был завершен докладом Эдит Чен (Edith Chen) «Правосудие хана: написание биографий яргучи в Юань ши» (“Justice of the Khan: Writing the Lives of the Jarqučis in the Yuan Shi”), где исследовательница из университета Принстона указала на важность анализа биографий монгольских имперских судей для понимания функционирования правовой системы в Юаньской империи.

Суммируя, следует отметить, что данный семинар в очередной раз показал важность сравнения исследований различных регионов обширной Монгольской империи для понимания разнообразных аспектов ее истории.

Сведения об авторах: Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу, **ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, ResearcherID: H-9114-2016** (90570, ул. Пентти Кайтера, 1, История, почтовый ящик 1000, университет Оулу, Оулу, Финляндия). E-mail: romanhautala@gmail.com

*Поступила 01.06.2017 Принята к публикации 28.08.2017
Опубликована 30.09.2017*

About the author: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, **ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, ResearcherID: H-9114-2016** (1, Pentti Kaiteran Str., Historia, PL 1000, 90570, University of Oulu, Oulu, Finland). E-mail: romanhautala@gmail.com

*Received June 1, 2017 Accepted for publication August 28, 2017
Published September 30, 2017*

УДК 94(57)+94(574)"13/17"

DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.687-691

**II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-БОГОСЛОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ДУХОВНЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ. СОЗИДАНИЕ. ИНТЕГРАЦИЯ»,
БОЛГАР–КАЗАНЬ, 3–5 СЕНТЯБРЯ 2017 Г.**

Л.С. Гиниятуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
lusiiia@mail.ru*

3–5 сентября 2017 г. в Болгаре и Казани была проведена II Международная научно-богословская конференция «Духовный шелковый путь. Созидание. Интеграция», ставшая продолжением официальной церемонии открытия Болгарской исламской академии.

Организаторами мероприятия выступили Совет муфтиев России, Духовное управление мусульман Российской Федерации, группа стратегического видения «Россия – Исламский мир», Казанский федеральный университет.

4 сентября состоялось торжественное открытие Болгарской исламской академии (г. Болгар, Республика Татарстан). На пленарном заседании состоялась презентация переведенного с фарси богословского сочинения «Каландар-наме» золотоордынского мыслителя и духовного деятеля Абу Бакра Каландара Руми.

Президентом Болгарской исламской академии избран помощник президента Татарстана Камиль Исаков. Ректором вуза назначен заместитель муфтия РТ по вопросам образования, ректор Российского исламского института Рафик Мухаметшин.

Торжественную церемонию открыл президент Республики Татарстан Рустам Минниханов. В своей речи он отметил: «На протяжении многих веков Болгар был местом сосредоточения именитых ученых-богословов. Открывая в его сердце исламскую академию, мы возрождаем былое величие. В прошлом году в день принятия ислама был заложен первый камень в основание академии. Сегодня она принимает первых учащихся».

5 сентября в г. Казани работа конференции была продолжена в форме секционных заседаний и дискуссионных Круглых столов.

Конференция стала площадкой взаимодействия духовных управлений и профильных государственных ведомств России, Китая, стран Центральной Азии и Закавказья. По итогам конференции была принята резолюция, в которой были определены основные результаты работы конференции и основные направления дальнейшего сотрудничества.

Ключевые слова: конференция, круглый стол, презентация, Золотая Орда, Каландар-наме, Болгар, ислам

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. II Международная научно-богословская конференция «Духовный шелковый путь. Созидание. Интеграция», Болгар–Казань, 3–5 сентября 2017 г. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 5, № 3. С. 687–691. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.687-691

II INTERNATIONAL SCIENTIFIC THEOLOGICAL CONFERENCE
“SPIRITUAL SILK ROAD. CREATIVITY. INTEGRATION”,
BOLGAR–KAZAN, 3–5 SEPTEMBER, 2017

L.S. Giniyatullina

*Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lusiia@mail.ru*

On September 3–5, 2017, the Second International Scientific Theological Conference “Spiritual Silk Road. Creativity. Integration” was held as a continuation of the official opening of the Bolgar Islamic Academy.

The conference was organized by the Russian Mufties Council, the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation, the strategic vision group “Russia – Islamic World”, Kazan Federal University.

The grand opening of the Bolgar Islamic Academy was held on September 4 in the town of Bolgar (Republic of Tatarstan). The plenary session saw the presentation of the theological work “Qalandar-name” of the Golden Horde thinker and spiritual leader Abu Bakr Qalandar Rumi, translated from Farsi.

Assistant to the President of Tatarstan Kamil Iskhakov was elected President of the Bolgar Islamic Academy. Deputy Mufti of the Republic of Tatarstan for Education, Rector of the Russian Islamic Institute Rafik Mukhametshin was appointed Rector of the Academy.

President of the Republic of Tatarstan Rustam Minnikhanov opened the solemn ceremony and noted in his speech: “For many centuries, Bolgar was a place of concentration of eminent scholars-theologians. By opening in its heart an Islamic academy, we revive its former greatness. Last year, the first stone was laid in the foundation of the academy on the anniversary of the adoption of Islam. Today it welcomes the first students”.

The conference was continued in the form of sectional sessions and discussion roundtables on September 5 in the city of Kazan.

The conference facilitated the interaction of the spiritual departments and the relevant government departments of Russia, China and the countries of Central Asia and the Southern Caucasus. The resolution was approved following the results of the conference determining the main results of the conference and the main directions for further cooperation.

Keywords: conference, roundtable, presentation, Golden Horde, Qalandar-name, Bolgar, Islam

For citation: Giniyatullina L.S. II International Scientific Theological Conference “Spiritual Silk Road. Creativity. Integration”, Bolgar–Kazan, 3–5 September, 2017. *Zolotoordynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 687–691. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.687-691

3–5 сентября 2017 г. в Болгаре и Казани состоялась II Международная научно-богословская конференция «Духовный шелковый путь, Созидание. Интеграция», ставшая продолжением официальной церемонии открытия Болгарской исламской академии.

Организаторами мероприятия выступили Совет муфтиев России, Духовное управление мусульман Российской Федерации, Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир», Казанский федеральный университет.

4 сентября открылась Болгарская исламская академия (г. Болгар). Президентом Болгарской исламской академии был избран помощник президента Татарстана Камиль Исхаков. Ректором вуза назначен заместитель муфтия РТ по вопросам образования, ректор Российского исламского института Рафик Мухаметшин.

Торжественную церемонию открыл президент Республики Татарстан Рустам Минниханов, в своей речи он отметил: «На протяжении многих веков Болгар был местом сосредоточения именитых ученых-богословов. Открывая в его сердце исламскую академию, мы возрождаем былое величие. В прошлом году в день принятия ислама был заложен первый камень в основание академии. Сегодня она принимает первых учащихся».

На пленарном заседании состоялось презентация переведенного с фарси богословского сочинения Абу Бакра Каландара Руми «Каландар-наме» [1] (см. также [2; 3]).

Основной день работы конференции, 5 сентября, прошел в Казани. В рамках конференции состоялись четыре секционных заседания и два Круглых стола.

Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ провел секцию «Ислам на Шелковом пути: история и современность» в которой приняли участие как руководители и организаторы научного проекта, так и ученые, и богословы из России, Китая, Ирана, Казахстана, США, Финляндии, Азербайджана.

Модератором секции выступил руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории АН РТ Ильнур Миргалеев. С приветственным словом выступил руководитель Культурного представительства при Посольстве Исламской Республики Иран – Реза Малек.

На секционном заседании были заслушаны доклады: И.М. Миргалеев, «Исламизация Золотой Орды: суфии на службе у ханов»; Юлай Шамильоглу, «Нахдж ал-фарadis: справочное пособие по исламу в Золотой Орде»; Роман Хаутала, «Латинские источники о миссионерской деятельности францисканцев в Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341)»; Д.М. Исхаков, «О некоторых недостаточно исследованных аспектах проблемы исламизации Улуса Джучи»; Э.Г. Сайфетдинова, «Религиозные традиции Улуса Джучи (на материале произведений золотоордынской эпохи «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара и «Нахдж ал-Фарadis» Махмуда ал-Булгари)»; А.В. Аксанов, «Ислам в Казанском ханстве: проблемы и перспективы исследования»; Н.Э. Алескерова, «Роль суфизма в жизни средневековых государств Азербайджана в XIV–XV веках»; К.Х. Идрисов, «Вопрос о соотношении религии и философии с точки зрения Абу Насра ал-Фараби и их место в системе наук».

В своих выступлениях докладчики поделились своими научными исследованиями в области истории развития ислама и подчеркнули большую роль Великого шелкового пути в распространении его традиций.

Также 5 сентября 2017 г. в рамках конференции состоялся Круглый стол «“Каландар-наме” Абу Бакра Каландара: богословские и исторические аспекты», который был посвящен обсуждению книги «Каландар-наме» и первого выпуска комментариев к «Каландар-наме». В рамках Круглого стола участ-

ники поделились результатами своих исследований данного сочинения в свете религии, истории и культуры.

Модераторами Круглого стола были И.М. Миргалеев и Д.А. Шагавиев. С отдельными докладами, касавшимися работы над научным проектом «Каландар-наме» выступили: Реза Малеки – руководитель Культурного представительства при Посольстве Исламской Республики Иран; Расул Эсмаилзаде-Дузал – доктор, руководитель Организационного центра перевода и издания литературы по исламским наукам и гуманитарным дисциплинам Организации исламской культуры и связей Исламской Республики Иран (г. Тегеран, ИРИ); И.А. Зарипов – кандидат исторических наук, имам-хатыб Московской Соборной мечети (Москва, Российская Федерация).

С основными докладами выступили: заведующий отделом истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Д.А. Шагавиев, «Кредо шейха Абу Бакра Каландара на основе его сочинения»; И.Р. Гибадуллин – переводчик «Каландар-наме», старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, «Знакомство со средневековым суфийским автором Абу Бакром Каландаром Руми»; Алсу Хасавнех – старший научный сотрудник Отдела письменного и культурного наследия ИЯЛИ АН РТ, «Символика Божественной любви в средневековом сочинении Абу Бакра Каландара “Каландар-наме”».

Книга «Каландар-наме» переведена при поддержке Культурного представительства при Посольстве Исламской Республики Иран в Москве и Совета муфтиев России. Руководителями проекта стали: Ильнур Мидхатович Миргалеев – к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; Рушан Рафикович Аббясов – первый заместитель Председателя Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман РФ.

Также на Круглом столе всеми исследователями было отмечено, что данное богословское сочинение является не простым переводом на русский язык, а научным исследованием, которое еще долго будет привлекать внимание мирового научного сообщества. Копия рукописи «Каландар-наме» несколько лет назад была привезена И.М. Миргалеевым в Казань из Ташкента, в 2015 году И.М. Миргалеев издал факсимиле этой рукописи [2].

«Каландар-наме» – уникальный памятник персоязычной литературы, написанный в XIV веке суфием Абу Бакром Каландаром Руми в Золотой Орде, в Крыму. Это единственное известное полноценное богословское сочинение, созданное в Золотой Орде – государстве, в котором сформировалась этническая и религиозная идентичность многих коренных мусульманских народов Российской Федерации, Центральной Азии и Закавказья. Оно представляет собой мистико-дидактическую поэму и содержит разъяснение различных вопросов суфийского учения.

Конференция «Духовный шелковый путь, Созидание. Интеграция» стала площадкой взаимодействия духовных управлений и профильных государственных ведомств России, Китая и стран Центральной Азии. По итогам конференции была принята резолюция, в которой были определены основные результаты работы конференции и основные направления дальнейшего сотрудничества. Следующую конференцию планируется провести в Бишкеке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абу Бакр Каландар Руми*. Каландар-наме: избранное / Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой; общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 1044 с.
2. *Абу Бакр Каландар Руми*. «Каландар-наме». Факсимиле. Подготовка к изданию к.и.н. И.М.Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 800 с.
3. Комментарии к «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми. Выпуск 1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 96 с.

Сведения об авторе: Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: lusiia@mail.ru

*Поступила 06.09.2017 Принята к публикации 10.09.2017
Опубликована 30.09.2017*

REFERENCES

1. Abu Bakr Qalandar Rumi. *Kalandar-name: izbrannoe* [Qalandar-name. Selected Fragments]. Per. s pers. I.R. Gibadullina, M.R. Shamsimukhametovoy; obshchaya i nauchnaya redaktsiya, predislovie, komentarii I.R. Gibadullina. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 1044 p. (In Russian).
2. Abu Bakr Qalandar Rumi. «*Kalandar-name*». *Faksimile* [«Qalandar-name». Facsimile]. Podgotovka k izdaniyu k.i.n. I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 800 p. (In Russian, Persian)
3. *Kommentarii k «Kalandar-name» Abu Bakra Kalandara Rumi* [Commentaries to Qalandar-name of Abu Bakr Qalandar Rumi]. Is. 1. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 96 p. (In Russian).

About the author: Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: lusiia@mail.ru

*Received September 6, 2017 Accepted for publication September 10, 2017
Published September 30, 2017*

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2019 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

All the materials of the “Golden Horde Review” are available
under Creative Commons “Attribution” 4.0 license

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2017. Т. 5, № 3

GOLDEN HORDE REVIEW. 2017. Vol. 5, no. 3

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7

Подписано в печать 15.09.2017 г. Формат 70×108 1/16

Усл. печ. л. 12,75 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
им. академика В.И. Андреева

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>